

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 16, № 6
2021

Vol. 16, No. 6
2021

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Исторические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающие редакторы

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Co-ционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследование, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества. В данном номере журнала представлено осмысление социокультурных проблем в рамках всемирной, отечественной и региональной истории. В журнал вошли статьи по востоковедению, освещающие проблемы материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2021

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 15.12.2021. Дата выхода в свет 20.12.2021. Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial". Способ печати оперативный. Заказ № 21200.

Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.). Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Historical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Vanchikova, Tsymzhit P., Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbibcon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society - new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community. The issue presents an understanding of sociocultural problems within the framework of the world, national and regional history. The issue also includes the articles on Oriental studies covering the problems of material and spiritual culture of the East.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2021

Editor O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 15.12.2021. Date of publication 20.12.2021.

Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 21200.

Conv. quires 18,6. Ed.-print quires 15,8. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрон**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжун-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

<i>Хэрээд Жамсран Урангуа, Полянская О. Н.</i> Китайские рабочие в истории Монгольской Народной Республики 1950–1960-х годов: сотрудничество, политика, идеология	8
<i>Батунаев Э. В.</i> Русско-монгольские торгово-экономические связи в начале XX века: история и этапы развития	20
<i>Дроботушенко Е. В.</i> К вопросу о создании российской агентурной сети в Шанхае в начале XX века	29
<i>Калиниченко А. Л.</i> Певец забайкальского казачества: Ф. Ф. Тютчев на Русско-японской войне	39

АРХЕОЛОГИЯ: ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ

<i>Саффах Алхуссейни Амир Хамид</i> Магнитометрические методы в археологии (на примере раскопок в г. Урук, Ирак): систематический обзор литературы	49
<i>Лясович В. И.</i> Погребения с вооружением и конской уздой Кушулевского III могильника пьяноборской культуры: сравнительная характеристика	62

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГУМАНИТАРНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

<i>Зеляк В. Г.</i> Организация управления золотодобывающей промышленностью Сибири в начале 1920-х годов	78
<i>Климова О. Г.</i> Социокультурные практики сибирского купечества второй половины XIX – начала XX века в освещении современной российской историографии	87
<i>Кондратенко В. А.</i> Становление и развитие женского гимназического образования в г. Чите (1893–1921)	96
<i>Чернышов С. А.</i> Реконструкция мотивов и целей первых колонизаторов Сибири по материалам освоения русскими Дальнего Востока	109

НАУКА И ЖИЗНЬ

<i>Ванчикова Ц. П.</i> Выдающиеся открытия монгольских историков и археологов: раскопки монастыря Сарьдаг	122
<i>Запорожченко Г. М.</i> Новые тренды в сфере публичной памяти	129
<i>Мерцалов В. И.</i> Факты говорят сами за себя: монографическое исследование Т. А. Константиновой об истории архивного дела в Восточном Забайкалье	139
<i>Константинова Н. Н.</i> Педагог, археолог, краевед, музейевед: к 65-летию Александра Васильевича Константинова	148

CONTENTS

INTERCULTURAL INTERACTION IN HISTORICAL DEVELOPMENT

<i>Khereid Jamsran Urangua, Polyanskaya O. N.</i> Chinese Workers in the History of the Mongolian People's Republic in the 1950s–1960s: Cooperation, Politics, Ideology	8
<i>Batunaev E. V.</i> Russian-Mongolian Trade and Economic Relations at the Beginning of the 20 th Century: History and Stages of Development.....	20
<i>Drobotushenko E. V.</i> On the Issue of Creating a Russian Agent Network in Shanghai at the Beginning of the 20th Century	29
<i>Kalinichenko A. L.</i> Singer of the Trans-Baikal Cossacks: F. F. Tyutchev in the Russian-Japanese War	39

ARCHEOLOGY: THE ORIGINS OF CULTURE

<i>Saffah Alhusseini Ameer Hameed</i> Magnetometric Methods in Archaeology (on the Example of Excavations in Uruk, Iraq): Systematic Literature Review	49
<i>Lyasovich V. I.</i> Weapon Sets of the Kushulevsky III Burial Ground of the Pyanobor Archaeological Culture	62

BAIKAL REGION IN HUMANITARIAN AND GEOPOLITICAL DIMENSION

<i>Zelyak V. G.</i> Organization of Management of the Gold Mining Industry in Siberia in the Early 1920s	78
<i>Klimova O. G.</i> Socio-Cultural Practices of the Siberian Merchants of the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Coverage of Modern Russian Historiography	87
<i>Kondratenko V. A.</i> Formation and Development of Female Gymnasium Education in the City of Chita (1893–1921).....	96
<i>Chernyshov S. A.</i> Reconstruction of the Motives and Goals of the First Colonizers of Siberia Based on the Materials of the Russian Colonization of the Far East	109

SCIENCE AND LIFE

<i>Vanchikova Ts. P.</i> Outstanding Discoveries of Mongolian Historians and Archaeologists: Excavations of the Sar'dag Monastery	122
<i>Zaporozhchenko G. M.</i> New Trends in the Field of Public Memory	129
<i>Mertsalov V. I.</i> The Facts Speak for Themselves: the Monographic Research by T. A. Konstantinova on the History of National Archives in Eastern Transbaikalia	139
<i>Konstantinova N. N.</i> Educator, Archeologist, Local History Expert, Museographer (65th anniversary of Alexander Vasilyevich Konstantinov).....	148

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

INTERCULTURAL INTERACTION IN HISTORICAL DEVELOPMENT

УДК 930:338(517.3)-058.14(=571)''1950/60''

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-8-19

Хэрээд Жамсран Урангуа,

Монгольский государственный университет

(г. Улан-Батор, Монголия),

e-mail: uranguakhereid@gmail.com

https://orcid.org/0000-0002-9517-3742

Оксана Николаевна Полянская,

Бурятский государственный университет

имени Доржи Банзарова

(г. Улан-Удэ, Россия),

e-mail: polgrab@mail.ru

https://orcid.org/0000-0003-1483-2441

Китайские рабочие в истории Монгольской Народной Республики 1950–1960-х годов: сотрудничество, политика, идеология

Статья посвящена одному из периодов истории Монголии XX в., когда Монгольская Народная Республика закладывала основы социалистического общества, происходили ключевые модернизационные процессы при поддержке Советского Союза, экономическая составляющая советско-монгольских отношений стала доминирующей. В истории экономического развития, становления современного монгольского общества важную роль сыграла помощь со стороны Китайской Народной Республики. Дефицит рабочей силы при создании индустриальной экономики стал одной из главных проблем МНР. Изучение вопроса монгольско-китайского экономического сотрудничества актуально и с позиции настоящего времени. Несмотря на влияние «третьей силы» во внешнеполитическом курсе Монголии, приоритетными остаются российское и китайское направления; поэтому важно обращение к опыту, накопленному странами в области экономического взаимодействия. Цель публикации – показать значимость кооперации китайских рабочих с монгольскими не только с точки зрения развития экономики МНР, но и с позиции дальнейшего политического взаимодействия. На основе богатой источниковой базы как опубликованных документов, так и документов из Национального архива Монголии, а также исторических работ российских и монгольских авторов рассмотрен один из аспектов монгольско-китайского сотрудничества 1950-х – начала 1960-х гг. – применение труда китайских рабочих в МНР, необходимость участия иностранной рабочей силы, в частности, китайских рабочих в индустриализации МНР, правила ввоза в МНР рабочих и работников, а затем и членов их семей из Китая, трудовая занятость китайских рабочих, мероприятия идеологического, культурного характера, организованные партработниками Коммунистической партии Китая. Методология исследования определяется принципами научной объективности, историзма и исторического детерминизма. В работе использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой сформулированной задачи: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод. В ходе исследования выявлено, что присутствие рабочей силы из КНР в Монголии происходило в рамках дипломатических отношений, установленных в 1949 г. Дата обусловлена образованием КНР, на основе достигнутых договорённостей и заключённых соглашений об оказании экономической и технической помощи 1956, 1958 и

© Хэрээд Жамсран Урангуа, Полянская О. Н., 2021

1960-го гг. В статье отмечено, что китайские рабочие почти на десятилетие, с 1955 по 1964 г., стали неотъемлемой частью меняющегося монгольского общества. Монгольская сторона, выполняя двусторонние договорённости об условиях труда китайских рабочих, открывала школы для китайских детей, создавала дополнительные медицинские пункты, где работали китайские врачи, в целом налаживала инфраструктуру. Всё это внесло некоторые коррективы в повседневный быт монгольского общества середины XX в. В настоящее время продолжается процесс переосмысления, переоценки пройденного Монголией пути на протяжении XX в., подвергаются пересмотру внешние условия развития МНР, в связи с чем детальное обращение к её истории может способствовать формированию более объективного подхода к рассмотрению поднятых авторами вопросов.

Ключевые слова: монголо-китайское и монголо-советское сотрудничество, китайские рабочие в Монголии, история, Монгольская Народная Республика, интернациональная помощь

Благодарность: исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

Khereid Jamsran Urangua,
National University of Mongolia
(Ulanbaatar, Mongolia),
e-mail: uranguakhereid@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9517-3742>

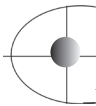
Oksana N. Polyanskaya,
Banzarov Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia),
e-mail: PolGrab@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>

Chinese Workers in the History of the Mongolian People's Republic in the 1950s–1960s: Cooperation, Politics, Ideology

The article is devoted to one of the historic periods of Mongolia of the 20th century, when the Mongolian People's Republic built the foundations of a socialist society, and key modernization processes took place with the support of the Soviet Union. The economic component of Soviet-Mongolian relations was dominant at that time. However, the assistance from the People's Republic of China played a definitely important role in the economic development and formation of modern Mongolian society. Labour constraint was one of the main difficulties in promoting industrial economy in Mongolia. The study of the Mongolian-Chinese economic cooperation is also relevant today, despite the influence of the “third force” in Mongolia's foreign policy. Russian and Chinese directions are in priority. In this regard, it is important to refer to the experience accumulated by countries in the field of economic interaction, which determined the purpose of the publication – to study one of the aspects of Mongolian-Chinese cooperation in the 1950s and early 1960s, namely, the employment of Chinese labour in Mongolia based on a rich source base, including both the published documents and documents from the National Archives of Mongolia, as well as historical works by Russian and Mongolian authors, and to consider such issues as the role of foreign labour, in particular, Chinese workforce in the industrialization of Mongolia, traffic of foreign workers into the Mongolian People's Republic, and then their family members, the employment of Chinese workers, ideological and cultural events organized by party officials of the Chinese Communist Party. The research methodology is specified by the principles of scientific objectivity, historicism and historical determinism. The work uses both universal scientific methods and special methods of historical research determined by the formulated problem and includes problem-chronological method, comparative analysis method, and systemic method. The study revealed that the employment of workers from the PRC in Mongolia took place within the framework of the diplomatic relations established in 1949 and based on the agreements reached in 1956, 1958 and 1960 in respect of providing economic and technical assistance. It was emphasized that Chinese workers became an integral part of the changing Mongolian society for almost a decade, from 1955 to 1964. The Mongolian side fulfilling bilateral agreements on the working conditions of Chinese employees opened schools for Chinese children, created additional medical centers where Chinese doctors worked, and so on; all this introduced some adjustments to the everyday life of Mongolian society in the mid-20th century. Today, the process of rethinking, re-evaluating the path traversed by Mongolia throughout the 20th century continues, the external conditions of the Mongolian People's Republic are being revised, so a detailed reference to its history can contribute to the formation of a more objective approach to this process.

Keywords: Mongolian-Chinese and Mongolian-Soviet cooperation, Chinese workers in Mongolia, history, Mongolian People's Republic, international assistance

Acknowledgment: this work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-59-44008 “World and Russian Mongolian Studies: National Schools, Concepts, Personalities”.

Введение. Монголия в XX в. прошла разные периоды своей истории, из провинции Китая, ещё в начале века, она превратилась в независимое государство, занимающее достойное место в мире. 26 ноября 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика. В том же году на III съезде Монгольская народно-революционная партия (МНРП) обозначила генеральную линию некапиталистического развития МНР, выбрав путь социалистических преобразований, ориентируясь на СССР. Главная составляющая этого процесса – создание промышленного производства, которого в стране не было [1, с. 201].

Решающую роль в обретении экономической независимости Монголии и в становлении её народного хозяйства сыграло сотрудничество с СССР, результатом которого, как отмечает российский историк В. Ц. Ганжуров, стало «становление и развитие промышленной базы, созданной при помощи СССР на пустом месте. Первые промышленные, транспортные и торговые предприятия Монголии создавались и начинали работать как совместные монголо-советские предприятия, которые в процессе их становления и развития передавались в монгольскую собственность. Таким образом и была создана современная промышленная и технологическая база монгольской экономики» [2].

Одно из препятствий, стоявших на пути модернизационных процессов в МНР, – отсутствие современного рабочего класса. Монголы долгое время вели кочевой образ жизни, занимались кочевым скотоводством, что определило иные навыки труда, другой вид работы, совершенно отличающиеся от промышленного производства и капитального строительства. Один из способов, выбранных руководством МНР, модернизации общества – кооперирование, обобществление скота. Как отмечает известный российский исследователь Монголии В. В. Грайворонский, «лишившись большей части своего богатства и капитала, взяв на себя ответственность за сохранение и приумножение общественного стада и не получив адекватной оценки и вознаграждения за свой тяжелый труд, многие араты постепенно утратили экономические и моральные стимулы к интенсивному труду в коллективном хозяйстве... После кооперирования животноводство хронически испытывало дефицит рабочей силы» [3, с. 298]. Вместе с тем

формирование рабочего класса в МНР шло достаточно интенсивно. Наиболее успешными в этом плане стали 1950–1960-е гг., в это время наблюдается значительный прирост рабочих и служащих, который составил 8,7 и 8,9 % соответственно [Там же, с. 300].

Несмотря на динамику прироста численности рабочих и служащих, нехватка в рабочей силе ощущалась постоянно, что сказывалось на эффективности работы промышленных предприятий, да и интенсивности строительства новых¹. Поэтому МНРП и правительство МНР проводили целенаправленную политику по плановой подготовке квалифицированных рабочих при непосредственной поддержке и участии специалистов, рабочих, преподавателей из СССР². В целях строительства и реконструкции объектов, а также освоения производственных мощностей и организации эксплуатации предприятий, построенных в МНР в сотрудничестве с Советским Союзом, из СССР командировались рабочие и специалисты³. В 1950–1960-е гг. достигли многого: существенно изменилась социальная структура общества, где значительное место стал занимать рабочий класс [4, с. 490]. Однако для создания материально-технической базы, успешной индустриализации страны требовалась новая рабочая сила. Руководство МНРП и правительство обратились за помощью, в частности к Китайской Народной Республике и к другим социалистическим странам, с просьбой командировать рабочих на стройки МНР.

Вопрос участия китайских рабочих в экономической жизни МНР интересовал исследователей из России, Монголии и Китая. Следует выделить таких авторов, как В. Г. Дацышен и Чэн Хун [17], В. В. Грайворонский [3]. Особенно важными представляются работы монгольских авторов Ж. Урангуа и Б. Эрдэнэбилэг [6], Ж. Болдбаатар и Ц. Батбаяр [14], Д. Наранжаргал [15]. Изучая

¹ На стройках, заводах и хозяйственных организациях Монголии в 1945–1947 гг. работали 12 318 японских военнопленных, которые были захвачены в плен в Манчжурии во время войны в августе 1945 г. [6, с. 2].

² Постановление ЦК ВКП(б) от 18 мая 1933 года. О Монголии. Приложение 1-ОП к п. 61/40 (о. п.) пр. ПБ № 138. – URL: <http://istmat.info/node/58898> (дата обращения: 09.08.2021). – Текст: электронный.

³ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Монгольской Народной Республики об экономическом и техническом сотрудничестве в 1966–1970 годах. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901853871> (дата обращения: 08.08.2021). – Текст: электронный.

в целом монголо-китайские отношения 1950-х гг., авторы монографии «История Монголии. XX век» – ведущие современные монголоеды России – Е. В. Бойкова, М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, А. С. Железняков, С. Г. Лузянин, Ш. Г. Надиров, С. К. Рощин, Г. С. Яскина отмечают определённо важную роль китайских рабочих в создании промышленного потенциала МНР [3, с. 251]. Однако все названные авторы рассматривают присутствие китайских рабочих в МНР в контексте изучения какого-либо аспекта в истории Монголии, не останавливаясь подробно на деятельности рабочих из Китая, исключение составляет только работа Д. Наранжаргал [15], написанная на монгольском языке. В связи с чем обращение к заявленной в статье теме представляется необходимым с точки зрения объективного подхода в изучении Монголии середины XX в.

Образование КНР (1949) стало отправной точкой становления и развития отношений между КНР и МНР, каждая из стран под руководством коммунистической партии была верна идеям марксизма-ленинизма и пролетарскому интернационализму [5, с. 8]. Монгольская сторона 16 октября 1949 г. заявила о признании суверенитета КНР и выразила предложение об установлении дипломатических отношений. Премьер-министр МНР маршал Х. Чойбалсан отправил приветственное письмо премьер-министру Государственного совета КНР и министру иностранных дел КНР Чжоу Эньлаю о намерении «установить дипломатические отношения с Китаем и ее народом...» и готовности «открыть посольства в наших странах» [7, с. 25]. Посольство МНР было открыто в Пекине 29 июня 1950 г., посольство КНР в Улан-Баторе – 5 июля того же года [8, с. 71].

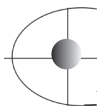
Монгольско-китайские отношения имеют богатую историю. В XX в. произошли кардинальные события – страны прошли через несколько исторических периодов¹ – от полного непризнания независимой Монголии

¹ 1946–1949 гг. – очень важный период в истории МНР – признание статус-кво Монголии в феврале 1946 г. союзными государствами (США, Великобритания, Франция и СССР) благодаря усилиям главы Советского Союза И. В. Сталина. Вслед за этим гоминьдановский Китай признал суверенитет Монголии, и в феврале 1946 г. дипломатические отношения были установлены между двумя странами, но дипломатические представительства не были открыты.

со стороны Китая (1911–1946)² до развития дружественных, добрососедских, равноправных отношений на современном этапе (1949–1964) [9, с. 48]. Отправной точкой дружественных отношений 1949–1964 гг. стал Договор о сотрудничестве между двумя странами в области экономики и культуры, подписанный 28 сентября 1952 г. во время официального визита в Пекин Председателя Совета Министров МНР Ю. Цэдэнбала [10, с. 70, 75]. Закрепила дружественные намерения делегация МНР во главе с Председателем Великого народного хурала МНР Ж. Самбуу в КНР осенью 1954 г. [Там же, с. 72].

Огромное экономическое значение представлял визит монгольской делегации во главе с заместителем Председателя Совета Министров МНР Д. Моломжамцем 26 декабря 1958 г., во время этого визита были проведены переговоры, итогом стало предоставление долгосрочного кредита и оказание экономико-технической помощи Монголии. Стороны договорились построить в Монголии две тепловые электрические станции, три железобетонных моста, птицефабрику, сахаро-песочный завод, спиртовой завод, завод цветной металлургической и жилые дома площадью 50 000 квадратных метров. Правительство МНР обязалось выплатить долги бартером в течение 15 лет, начиная с 1962 г. [11, с. 23]. Этому предшествовало предоставление МНР Правительством КНР в июне 1956 г. кредита в сумме 36 миллионов рублей, в счёт которого Монголия обязалась построить кирпичный завод, камвольный комбинат, дворец спорта, фабрику по производству фанеры и бумаги, теплоэлектростанции в Сухэ-Баторе, завод фарфоровой и стеклянной посуды, завод сборных деревянных домов, шоссейные дороги, оросительную систему на реке Орхон и многое другое [12, с. 356]. Со своей стороны МНР поставляла в Китай мясной и рабочий скот, сельскохозяйственное сырьё и продукты. В годы стихийных бедствий 1960–1961 гг. из Монголии в Китай поступило более 20 тысяч рабочих лошадей и 10 тысяч тонн риса. В мае 1960 г. во время второго визита в

² До установления дипломатических отношений в Монголии проживало около 8 000 китайцев. См.: Түмэнбаяр Ц., Оюунчимэг Г. Монголд ажиллаж байсан хятадын ажилчдын клуб буюу Хятадын соёлын төв. = Түмэнбаяр Ц., Оюунчимэг Г. Клуб китайских работников – Китайский культурный центр. – Улан-Батор: Артсофт, 2019.

МНР¹ премьер-министр Государственного совета КНР Чжоу Эньлай и его заместитель Чэнь И подписали с Председателем Совета министров МНР Ю. Цэдэнбалом договор «О дружбе и взаимопомощи между МНР и КНР» [13, с. 361]. Отдельными пунктами всех соглашений между странами обозначались условия командирования китайских рабочих в МНР.

Методология и методы исследования. Методологической основой публикации является историко-системный подход, позволивший рассмотреть историю экономического развития Монгольской Народной Республики в 1950–1960-е гг. в контексте истории МНР в целом. Принцип историзма позволил проанализировать основные тенденции в экономической сфере страны, выделить её особенности, обусловленные предыдущими периодами экономического развития. Принцип объективности способствовал изучению и сопоставлению широкого круга исторической литературы и источников, что позволило рассмотреть факты, события и процессы во взаимосвязи и совокупности. В ходе работы использовались и такие методы, как анализ, обобщение, применяемые в целом в общественных науках. Проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы предоставили возможность изучить присутствие иностранной рабочей силы в МНР в целом и показать роль рабочих из Китайской Народной Республики.

Результаты исследования и их обсуждение. В 50-е гг. XX в. население Монголии насчитывало менее 1 миллиона человек, и как уже отмечалось, ощущался постоянный дефицит рабочей силы в осуществлении планов по индустриализации страны [6, с. 2].

В 1950 г. МНР обратилась с просьбой к правительству КНР об отправки рабочих на предприятия Монголии. Однако Китайская Народная Республика переживала только

¹ В период дружественных отношений между двумя странами был решён один из важных вопросов в истории монгольского суверенитета – определение и установление пограничной линии с двух сторон на юге Монголии. По предложению монгольской стороны и с согласия китайской стороны, пограничная линия между двумя странами длиной в 4 673 км была установлена в 1962 г. См.: БНМАУ-ын гадаад бодлогын баримт бичгүүд. = Сборник документов внешней политики МНР. – Улан-Батор, 1964. – Т. 1. – С. 85. «Договор о границе между МНР и КНР» утвердили 4 февраля 1963 г. на сессии четвёртого созыва Великого народного хурала МНР; 8 марта того же года договор утвердила КНР [13, с. 391].

первый год своего становления, необходимо было решать вопросы как внутривнутриполитического развития, так и установления международных контактов, вопросы перевода экономики страны на путь социалистического построения путем планирования. Возможно, по этим причинам, а также с началом войны в Корее, КНР не имела возможности ответить на просьбу МНР о предоставлении рабочих. Вскоре переговоры возобновились, в результате которых КНР дала согласие на отправку своих рабочих. МНР начала подготовку работ для приёма китайских рабочих, руководствуясь Постановлением Совета министров МНР (февраль 1955 г.) «Об обеспечении подготовительной работы по приему рабочих из КНР». Постановлением была установлена квота в 12 250 рабочих на 1955 г. [11, с. 34], определены обязанности соответствующих организаций за проведение работ: оперативный контроль за ходом подготовки в хозяйственных организациях, подготовка образцов анкеты, пропуска, контракта для китайских рабочих, решение жилищного вопроса, ремонт центрального жилищного помещения в Улан-Баторе, столовой, магазина, бани и парикмахерской [Там же].

Следующее Постановление Совета министров и Центрального комитета МНРП от 10 марта 1955 г. «О подготовке приёма рабочих из КНР» регулировало вопросы распределения китайских рабочих по организациям Монголии, определяло необходимость организовать по плану их встречу на границе и Улан-Баторской железнодорожной станции, обеспечить подготовку их приёма к 25 марта 1955 г., конкретизировало действия принимающей стороны по организации бытовых условий жизни приезжих². Рабочие из Китая направлялись во все основные отрасли страны: промышленность, торговлю, строительство и сельское хозяйство. Задания, установленные Постановлениями Правительства МНР, были выполнены³.

Переговоры о трудовой деятельности китайских рабочих в МНР начались 16 марта 1955 г. в столице КНР в гостинице «Пекин». Они продолжались до 28 апреля, и обе стороны пришли к согласию по основному вопросу [10; 11]. По результатам переговоров китайская делегация во главе с Жан Дечан в марте прибыла в Монголию с целью

² Национальный центральный архив Монголии (НЦАМ). – Ф. 8. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 126.

³ Там же. – Л. 22, 129.

ознакомления с подготовкой к приёму китайских рабочих. Делегация посетила промышленный комбинат, мебельную фабрику, мясокомбинат, три совхоза и два сельскохозяйственных объединения. В документах отмечается, что китайские делегаты остались довольны состоянием подготовительной работы [10]. На этих переговорах в Пекине особое внимание уделялось уточнению специальностей прибывающих в Монголию рабочих и решению их жизненных и семейных вопросов.

В Пекине 7 апреля 1955 г. состоялись отдельные переговоры, на которых обе стороны договорились об участии китайских рабочих именно в промышленном строительстве МНР¹. Вопрос об участии в жизни Монголии промышленных рабочих из Китая был вынесен в специальное совещание не случайно, так как для работы в строительстве и промышленном производстве требовалась специальная более высокая квалификация рабочих, которых в МНР катастрофически не хватало. По итогам этих переговоров был подписан договор, в первых двух статьях отмечалось, что из 12 332 рабочих, направлявшихся в Монголию, 8 234 человека придут в 1955 г., 4 098 человек – в 1956 г. сроком на три года. По истечении срока китайские рабочие могли вернуться на родину или продолжить работать в МНР на добровольной основе. Согласно этому договору китайские рабочие подчинялись законодательству МНР и должны были работать с высокой производительностью труда. В плане начисления заработной платы, предоставления социальных льгот китайские рабочие находились в равных условиях с монгольскими².

В договоре указывалось, что рабочим, которые не привезли своих семей, разрешалось переводить не более 30 % своей основной заработной платы родственникам, посылать в КНР незапрещённые вещи, купленные за счёт собственных средств во время работы в Монголии, и увозить их на родину по истечении срока работы³. В документе говорилось, что монгольская сторона берёт на себя расходы рабочего, который придёт для помощи в проведении организационных и воспитательных мероприятий среди китайских рабочих. Китайская сторона несла ответственность за расходы, связанные с транспортом своих рабочих и их

семей из КНР до Улан-Батора и перевозкой инструментов. Монгольская сторона финансировала затраты на дорогу из Улан-Батора до места их назначения на территории МНР, учитывая при этом расходы на перевозку инструментов и 30 кг багажа на каждого совершеннолетнего человека до Пекина, когда китайские работники, рабочие и их семьи возвращались на родину по истечении срока их работы или раньше срока по договорённости обеих сторон.

В 1955 г. в связи с приёмом многочисленных иностранных рабочих в Монголии создали специальное Управление⁴ по делам китайских рабочих при Государственном комитете по внешнеэкономическим связям⁵, при Посольстве КНР открыли Отдел по делам китайских рабочих. Кроме того, в феврале 1955 г. по инициативе ЦК МНРП организовали работу Чрезвычайной комиссии из 13 человек во главе с первым заместителем Совета министров МНР Д. Моломжамцем. В состав комиссии вошли руководители соответствующих министерств и заведующие некоторыми отделами ЦК МНРП. Объём работы, выполненный этой комиссией в течение нескольких лет, огромен – от регулирования вопросов на межгосударственном уровне до решения производственных ситуаций. Пребывание в МНР китайских рабочих полностью закончилось в мае 1964 г.

Китайские рабочие направлялись в Монголию группами (8 групп общей численностью 7 284 человека) с 8 мая по 12 июня 1955 г., по Восточной железной дороге через территорию Советского Союза, так как прямого железнодорожного сообщения Улан-Батор – Пекин ещё не было, оно открылось в 1956 г. Первую группу китайских рабочих встретили на железнодорожной станции Улан-Батор, затем на автобусах и грузовиках повезли для ознакомления с общей обстановкой Улан-Батора. Прибывших поселили во временных помещениях Улан-Батора, Сухэ-Батора и Зуунэхара на три дня, затем расселили в подготовленное жильё, в зависимости от их принадлежности к тому или другому предприятию: 1 053 человека – в Управление по производству

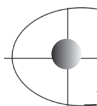
⁴ С 1961 г. управление Государственного комитета по внешнеэкономическим связям переименовали в Бюро по делам китайских рабочих при Государственной комиссии по планированию; с 1963 г. это Бюро стало Государственным комитетом по труду и заработной плате.

⁵ НЦАМ. Центр партийных документов. – Ф. 310. – Д. 2. – Л. 45.

¹ НЦАМ. – Ф. 8. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 116.

² Там же.

³ Там же.

строительных материалов; 1 573 человека – в Главное управление по делам строительства; 1 218 человек – в Управление по делам совхозов; 834 человека – в Министерство промышленности; 1 754 человека – в Управление железнодорожного транспорта; 172 человека – в Министерство пищевой промышленности; 134 человека – в Исполнительный комитет города Улан-Батора; 120 человек – в Министерство скотоводства; 70 человек – в Министерство здравоохранения и 134 человека – в Кооператив артелей. Оставшиеся 0,9 % от числа приехавших рабочих распределили по другим министерствам и ведомствам. Таким образом, по состоянию на 21 мая 1957 г. в МНР из КНР прибыли 7 908 рабочих, вместо 12 332 человек согласно договорённости между странами¹. Китайские рабочие владели более чем 50 специальностями, включая рабочих с узкой специализацией в таких отраслях, как строительная – 9 220 человек; сельскохозяйственная – 2 395 человек; промышленная – 635 человек².

Отметим, что некоторые министерства и ведомства часто использовали труд китайских рабочих не в полной мере, срывали обеспечение строительными материалами, вместе с тем устраняли эти недостатки незамедлительно. Заработная плата рабочих зависела от категории (существовало восемь категорий) с учётом специальности и квалификации рабочих, каждой категории соответствовал разряд. В вязи с этим зарплата варьировалась от 180 (1-й разряд) до 300 тугриков (8-й разряд). В последующие годы зарплата постепенно повышалась, в 1962–1963 г. рабочие получали в среднем 703 тугрика. В зимнее время рабочие строек простаивали, но эти дни также оплачивались³.

20 сентября 1960 г. между правительствами двух стран было заключено новое Соглашение о содействии промышленному строительству МНР. Новое Соглашение уточняло и усовершенствовало пункты предыдущего Соглашения от 7 апреля 1955 г., подписанного в Пекине. В документ были включены пункты, касающиеся оплаты труда китайских рабочих и работников, которую предполагалось рассчитывать в пределах пяти разрядов; рассматривались вопросы

обеспечения более комфортных условий труда (например, в зимнее время обеспечивать людей, работающих на улице, тёплой одеждой, прекращать всякую деятельность на улице, если столбик термометр опускается до минус 34 °С, или найти другую работу и обеспечить гарантированную зарплату); кроме того, были включены пункты, разрешающие навещать родственников на родине один раз в три года, проведённых в Монголии. В документе отмечалось, что монгольская сторона берёт на себя ответственность за медицинское обслуживание китайских рабочих и их семей, образование детей, обеспечение в сельской местности учебным помещением, топливом, школьным оборудованием и заработной платой учителям. В сельской местности, где численность китайских рабочих и их семей достигала 200 человек, должен был работать китайский врач⁴. В первом пункте Соглашения 1960 г. была установлена общая численность рабочих из Китая в МНР, она составляла 12 тысяч человек каждый год, начиная с января 1961 г. по декабрь 1965 г.

Соглашение 1960 г. в большей степени подтвердило сотрудничество между КНР и МНР в экономической сфере. Согласно договорёностям, Китайская Народная Республика оказала МНР существенную экономическую помощь в 1950–1960-е гг.: «В 1958 г. был предоставлен долгосрочный кредит на сумму 100 млн рублей, в 1960 г. – 200 млн рублей; направлено на работу около 17–18 тыс. китайских рабочих, которые достроили важные промышленные объекты и жилые кварталы» [3, с. 251].

Интересный факт из жизни китайских рабочих в МНР заключается в том, что они приезжали семьями. Несмотря на соглашения, заключённые между странами, которые разрешали привозить семьи в МНР только со второго года работы в Монголии, «по своему желанию, с учётом жилищных условий», китайские семьи стали приезжать уже с октября 1955 г.⁵ С июня 1955 г. монгольская сторона начала регистрацию китайских рабочих, желающих привезти свои семьи. Каждая организация присылала уточнённый список членов семей через свои министерства и ведомства правительству на утверждение, согласовав этот список с Посольством КНР. Так, за период с 30 октября по 5 ноября 1955 г. в Монголию приеха-

¹ НЦАМ. Центр партийных документов. – Ф. 8. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 78.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. – Ф. 310. – Д. 2. – Л. 45.

⁵ Там же.

ло 1 322 члена семей китайских рабочих¹, и эта цифра в последующие годы значительно возросла – в 1957 г. в МНР прибыло более 6 000 членов семей². Приезд семей осуществлялся за счёт государственных расходов КНР и МНР. Желавшие устроиться на работу трудоустроивались, для них специально создавались рабочие места. В 1956 г. была открыта швейная фабрика при швейной артели, рабочими которой стали только члены китайских семей, другие приехавшие трудились на текстильной фабрике, а в сельской местности выращивали овощи и разводили свиней, птиц³.

В случае окончания срока работы и возвращения на родину или продления срока рабочий мог один раз перевести основную месячную зарплату своей семье⁴. Для денежных переводов китайских рабочих был открыт специальный некоммерческий счёт, на который Банк МНР принимал деньги китайских рабочих в тугриках, а Народный банк КНР выдавал их в юанях⁵.

Межправительственное соглашение 1960 г. отдельным пунктом определило необходимость организации в МНР школьного обучения для детей китайских рабочих и обеспечение условий жизни для их учителей. В Улан-Баторе при Посольстве КНР в МНР была создана школа Пэй Цай, в которой учились дети работников посольства, китайских граждан, проживавших в Монголии, контрактных рабочих и специалистов. Финансировала школу Пэй Цай монгольская сторона. Некоторые монгольские семьи отдавали своих детей на обучение в китайские школы [14, с. 65]. Кроме школы при Посоль-

¹ НЦАМ. Центр партийных документов. – Ф. 310. – Д. 2. – Л. 45.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Денежные переводы в КНР разрешались в следующих случаях: если рабочий, проработавший непрерывно более двух лет, досрочно возвращался на родину, он мог перевести 70 % от основной месячной зарплаты. Если рабочий, проработавший непрерывно менее двух лет, досрочно возвращался на родину, он мог перевести 40 % от основной месячной зарплаты. Если рабочий досрочно возвращался на родину по инвалидности или вследствие тяжёлой болезни, он мог перевести пособие, выданное соответствующей монгольской организацией вместе с основной месячной зарплатой. В случае смерти китайского рабочего в Монголии семье покойного могли перевести пособие правительства МНР, основную месячную зарплату и сумму не более 2 000 тугриков, принадлежавшую покойному. Если рабочий ехал на короткое время на родину, он мог перевести основную месячную зарплату один раз.

⁵ НЦАМ. Центр партийных документов. – Ф. 310. – Д. 2. – Л. 45.

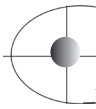
стве, были открыты начальные школы в местах, где работали многочисленные китайские рабочие. Учебно-воспитательную работу в них контролировала школа Пэй Цай в Улан-Баторе. Начальные школы для детей китайских рабочих были созданы и в сельской местности. В школе Пэй Цай и её 14 начальных школах на территории МНР обучалось 2 448 учеников в 76 классах. Учителя китайских школ имели доступ в специализированный (закрытый) магазин для иностранных специалистов. В населённых пунктах, где проживало 200 и более рабочих из КНР, включая и членов их семей, работал один китайский врач, в Улан-Баторе была открыта больница «Найрамдал» («Дружба»). Монгольская сторона несла ответственность за заработную плату врачей, медикаменты и медицинские материалы [Там же].

Соглашение 1960 г. определило численность китайских руководящих работников (политработников), переводчиков, строительных техников и врачей – 2 % от общего числа рабочих. Роль политработников заключалась «в организации и вовлечении китайских рабочих в производство под руководством монгольских организаций...»⁶; они перевели и издали брошюру «Из трудового опыта друзей» с целью ознакомления с политикой правительства и партии МНР и успехами монгольского народа в социалистическом строительстве. Кроме того, перевели на китайский язык и издали законы МНР: «Закон о труде», «Гражданский кодекс», «Уголовный кодекс», «Закон о браке и семье».

Монгольское радио транслировало передачи для рабочих КНР на китайском языке два раза в неделю. Трудовые результаты, опыт и новаторские инициативы китайских рабочих широко освещались в центральных и сельских газетах Монголии, таких как «Үнэн», «Хөдөлмөр», «Залуучуудын үнэн». Документальный фильм под названием «Успехи китайских друзей» был создан на студии «Монгол кино». В это время культурные отношения двух стран широко развивались [9, с. 65]. В городах и сельской местности устраивали совместные монгольско-китайские вечера, концерты самодеятельности, спортивные соревнования.

Многие рабочие КНР стали новаторами в области промышленного производства, что поощрялось со стороны монгольского

⁶ Там же.

правительства, которое высоко оценивало их трудовые успехи. В 1955–1964 гг. 363 китайских рабочих были награждены орденами и медалями МНР: 17 человек – Орденом Трудового Красного Знамени; 90 человек – Орденом Полярной звезды; 256 человек – почётной медалью труда. Кроме того, многие рабочие получили ведомственные награды [14, с. 65].

В январе и феврале 1958 г. монгольские и китайские соответствующие организации совместно провели опрос о возможном продлении срока работы среди всех китайских рабочих; 76 % из более чем 8 000 китайских рабочих, прибывших на работу в Монголию ещё в 1955 г., высказали желание продлить срок пребывания в МНР на три года, до июня 1961 г.; 24 % из опрошенных решили вернуться на родину [15, с. 80].

Протокол о возвратившихся на родину китайских рабочих был подписан 15 июня 1961 г. в Пекине [12, с. 201]. По протоколу всего на родину вернулись 3 680 человек, в том числе закончившие в срок работы 2 710 человек, досрочно по разным причинам уехало 970 человек. В целом в Монголии в 1961 г. работали 8 402 китайских рабочих. Число китайских рабочих, возвращавшихся на родину, резко возросло в связи с односторонней инициативой китайских властей, этому свидетельствуют цифры. Например, 26 % китайских рабочих, прибывших в МНР, вернулись на родину досрочно. Если 1 276 человек вернулись в течение шести лет, с 1955 по 1961 г., то 2 504 человека уехали за очень короткий период, всего за два с половиной года, 1961–1963 гг. [Там же]. Очевидно, что китайская сторона придерживалась позиции не продлевать срок пребывания китайских рабочих в МНР.

Монгольская сторона выражала благодарность китайским рабочим, оценила их труд и организовала многочисленные прощальные мероприятия по поводу их отъезда. Соответствующие ведомства подготовили в Улан-Баторе тёплые временные помещения со всеми удобствами для китайских рабочих и их семей, приехавших из сельской местности. Они прожили в этих помещениях в среднем неделю, их расходы за проживание, питание и обслуживание были за счёт монгольского государства. Тех, кто работал в Улан-Баторе, освободили от работы на 5–7 дней – время на личные сборы, обеспечили транспортом до железно-

дорожного вокзала. Для доставки рабочих, осмотра и погрузки их багажа Министерство строительства и Министерство строительной промышленности выделили 50 машин. В итоге более 100 автомашин от разных ведомств обслуживали китайских рабочих. Заместитель Совета министров МНР М. Дугэрсурэн 23 апреля 1964 г. дал прощальный приём на 350 человек в столичной гостинице «Улан-Батор» [14, с. 55]. В центральных газетах Пекина появились сообщения о встрече китайских рабочих в городах Харбин, Чан Чунь, Жинин [Там же].

28 июля 1964 г. в Пекин с целью подписания протокола о возвратившихся на родину китайских рабочих прибыла монгольская делегация. Во время двусторонней встречи обе стороны установили точное число китайских рабочих, которые работали в МНР с 1955 по 1964 г., отметили, что 12 человек остались в Монголии, так как состояли в браке с монгольскими гражданами. Кроме того, установили число умерших рабочих, число отбывавших тюремный срок в Монголии [15, с. 90]. На переговорах представители КНР настаивали на отзыве своих рабочих из МНР, протокол был прерван в одностороннем порядке, хотя монгольская сторона стремилась к продлению сроков трудовой деятельности китайских рабочих на территории МНР, предлагала внести в протокол следующую формулировку: «МНР особо ценит заслуги китайской стороны в строительстве социализма и помощи монгольским рабочим, укреплении дружбы народов». Однако это предложение не было принято китайской стороной, также КНР не приняла заключения монгольской стороны об итогах работ китайских рабочих в Монголии. Таким образом, протокол 1964 г. не был подписан.

Заключение. В модернизации монгольского общества существенную роль играла помощь стран социалистического блока. В советско-монгольском взаимодействии экономическая составляющая являлась одной из приоритетных. Например, переговоры между МНР и СССР, состоявшиеся в 1957 и 1959 гг., были в большей степени посвящены оказанию экономической помощи МНР. Одновременно с получением экономической помощи от СССР МНР в отдельные периоды своего индустриального развития оказывали поддержку и другие страны социалистического блока. 1949–1964 гг. – период

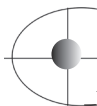
благоприятных, добрососедских отношений между КНР и МНР: был подписан ряд соглашений об экономическом и культурном сотрудничестве, в рамках которых Китай предоставил кредиты и командировал рабочих и специалистов. Рабочие приезжали в МНР с 1955 по 1964 г. Они строили заводы и хозяйственные предприятия, жилые дома, работали в сельскохозяйственной отрасли, ими в общей сложности было создано 2985 объектов строительства. МНР приняла рабочих из КНР, заключила с ними трудовые договоры и выплачивала зарплату. Следует отметить, что в 1950–1960-е гг. китайские рабочие трудились и на стройках СССР, из-за больших потерь населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) промышленность Советского Союза нуждалась в дополнительной рабочей силе [17]. Однако успешное экономическое монгольско-китайское сотрудничество столкнулось с острой политико-идеологической ситуацией, сложившейся между КПСС и КПК [5; 6]. С началом китайско-советского раскола КНР отозвала своих рабочих из Монголии, и многие объекты строительства, где работали китайские рабочие, были заморожены.

Авторы статьи на основе материалов Национального центрального архива Монголии представили статистику пребывания рабочих из КНР на стройки Монголии, уделили значительное внимание организации образования детей китайских рабочих и служащих, социальному обеспечению рабочих

из КНР. Приведённые архивные данные подтверждают тот факт, что китайские рабочие были приравнены по условиям труда к монгольским рабочим. В публикации прослеживаются изменения в структуре органов государственного управления, связанные с пребыванием иностранной рабочей силы. Детально раскрываются этапы складывания монгольско-китайских отношений в середине 1950-х гг., регулируемые подписанными двусторонними соглашениями. Всё это приводит к выводам о том, что китайские рабочие стали неотъемлемой частью монгольского общества 1950–1960-х гг., внесли существенные коррективы в повседневную жизнь Монголии и сыграли определённую роль в наращивании промышленного потенциала МНР. Однако политика и идеология в развитии двусторонних отношений играла главенствующую роль. На фоне преобладающего влияния СССР в МНР Пекин проводил политику «мягкой силы» в отношении Монголии, но в течение ряда лет Пекин имел более значительное влияние на МНР благодаря отправке своих рабочих на стройки Монгольской Народной Республики. Факт активного сотрудничества между КНР и МНР в 50–60-х гг. XX в. актуализируется и в настоящее время: «Современная КНР продолжает транслировать в XXI в. социалистическую риторику братства, которая была стержневой в советско-монгольских отношениях вплоть до распада СССР и кризиса идеологии интернационализма» [18].

Список литературы

1. Дугаров В. Д., Нанзатова Ч. Д. Развитие советско-монгольских экономических отношений в 1950–1970-е гг. (вопросы историографии) // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2013. № 6. С. 200–205.
2. Ганжуров В. Ц. Россия и Монголия: на пути реформ. URL: <http://archive.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=437> (дата обращения: 31.07.2021). Текст: электронный.
3. История Монголии. XX век / Е. В. Бойкова, М. И. Гольман, В. В. Грайворонский [и др.]; отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
4. История Монгольской Народной Республики / отв. ред. А. П. Окладников, Ш. Бира. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1983. 663 с.
5. Лавринович Д. С., Телепень С. В. Становление народного Китая в контексте геополитической борьбы великих держав // Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.) / отв. ред. И. В. Турицын. М.: НИИ ИЭП, 2018. С. 8–30.
6. Урангуа Ж., Эрдэнэбилэг Б. Дайны золиос болсон хүмүүс: 1945–1947 онд монголд байсан япончууд. = Жертвы войны: японцы в Монголии: 1945–1947 гг. Улан-Батор: Адмон, 2018. 282 с.
7. Дашдаваа Ч., Болд Ч. Чжоу Эньлай ба Монгол. = Чжоу Эньлай и Монголия. Улан-Батор, 2014. 201 с.
8. Жан Дацзюнь Вай Мэнгу сяндай ши. = Современная история Внешней Монголии. Тайбэй, 1983. 500 с.
9. Түмэнбаяр Ц., Оюунчимэг Г. Монголд ажиллаж байсан хятадын ажилчдын клуб буюу Хятадын соёлын төв. = Клуб китайских работников – Китайский культурный центр. Улан-Батор: Артсофт, 2019. 182 с.
10. БНМАУ-ын туух 3-н боть. = История МНР: в 3 т. Т. 3. 1969. Улан-Батор, 1968–1969. 620 с.

11. Бэгзжав Л. Монгол-Хятадын харилцаа, 1949–1999 он. = Монгольско-китайские отношения 1949–1999 г. Улан-Батор: Адмон, 1999. 390 с.
12. Монгол Улсын түүх. = История Монголии: в 5 т. Т. 5. Улан-Батор, 2003. 515 с.
13. Лонжид З., Батсайхан О., Энхбат Ч., Баатар С., Амарсанаа С. Монголын түүх: 1911–2017. = История Монголии: 1911–2017. Улан-Батор, 2018. 671 с.
14. Болдбаатар Ж., Батбаяр Ц. Монгол-Хятадын харилцааны зарим асуудал. = Некоторые вопросы монгольско-китайских отношений. Улан-Батор, 2011. 150 с.
15. Наранжаргал Д. Хятад ажилчид БНМАУ-д (1949–1964). = Китайские рабочие в МНР. Улан-Батор: Сэлэнгэпресс, 2019. 215 с.
16. Монгол Улсын гадаад бодлого, олон улсын харилцааны түүхийн заримасуудал. = Некоторые вопросы истории международных отношений и внешней политики Монголии / под ред. Д. Баярхуу. Улан-Батор, 1996. 143 с.
17. Чэн Хун, Дацышен В. Г. Сравнительный анализ пребывания китайских рабочих в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1950-х и 1990-х гг. // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 27–32.
18. Терентьев В. И. Монголо-китайская дружба. Известная и неизвестная / Азия и Африка сегодня. 2019. № 6. С. 78–79.

Статья поступила в редакцию 15.08.2021; принята к публикации 23.09.2021

Сведения об авторах

Хэрээд Жамсран Урангуа, доктор исторических наук, профессор, Монгольский государственный университет; 210646, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1; e-mail: uranguahereid@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9517-3742>.

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова; 640000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; e-mail: polgrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

Вклад авторов в статью

Хэрээд Жамсран Урангуа – основной автор, определяла концепцию и методологию исследования, работала с источниками.

О. Н. Полянская работала с источниками, оформляла статью.

Библиографическое описание статьи

Хэрээд Жамсран Урангуа, Полянская О. Н. Китайские рабочие в истории Монгольской народной республики 1950-1960-х годов: сотрудничество, политика, идеология // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-8-19.

References

1. Dugarov, V. D., Nanzatova, Ch. D. The development of Soviet-Mongolian economic relations in the 1950–1970s (questions of historiography). VSGUTU Bulletin, no. 6, pp. 200–205, 2023. (In Rus.)
2. Ganzhurov, V. C. Russia and Mongolia: Towards Reforms. Web.31.07.2021. <http://archive.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=437>. (In Rus.)
3. History of Mongolia. XX century / ed. by G. S. Yaskina. M: IV RAN, 2007. (In Rus.)
4. History of the Mongolian People's Republic. M: Nauka, 1983. (In Rus.)
5. Lavrinovich, D. S., Telepen, S. V. The Formation of People's China in the Context of the Geopolitical Struggle of the Great Powers. Friendship Forever: Essays on the History of Cooperation between the Soviet Union and the People's Republic of China (1949–1960.) M: NII IEP, 2018: 8–30. (In Rus.)
6. Urangua, J., Erdenabilag, B. War Victims: Japanese in Mongolia: 1945–1947. Ulan-Bator: Admon, 2018. (In Mong.)
7. Dachdava, Ch., Bold, Ch. Zhou Enlai and Mongolia. Ulan-Bator, 2014. (In Mong.)
8. Zan Dacun Modern history of Outer Mongolia. Taibai, 1983. (In Mong.)
9. Tumanbayar, C., Ouunchimeg, G. Chinese Workers' Club – China Cultural Center. Ulan-Bator: Artsoft, 2019. (In Mong.)
10. History of MNR in 3 vols. Ulan-Bator, 1968–1969. V. 3. 1969. (In Mong.)
11. Begzzhav, L. Mongolian-Chinese relations 1949–1999. Ulan-Bator: Admon, 1999. (In Mong.)
12. History of the MPR in 5 vols. Ulan-Bator, 2003. V. 5. (In Mong.)
13. Lonzhid, Z., Batsaihan, O., Enhbat, Ch., Baatar, S., Amarsanaa, S. History of Mongolia, 1911–2017. Ulan-Bator, 2018. (In Mong.)

14. Boldbaatar, Zh., Batbayar C. Some issues of Mongolian-Chinese relations. Ulan-Bator, 2011. (In Mong.)
15. Naranzhargal, D. Chinese workers in the Mongolian People's Republic. Ulan-Bator: Selengepress, 2019. (In Mong.)
16. Some questions of the history of international relations and foreign policy of Mongolia. Ulan-Bator, 1996. (In Mong.)
17. Chen, Hun, Dacushen, V. G. Comparative analysis of the stay of Chinese workers in Siberia and the Russian Far East in the 1950s and 1990s. Modern scientific thought, no. 5, pp. 27–32, 2018. (In Rus.)
18. Terentyev, V. I. Mongol-Chinese friendship. Known and Unknown. Asia and Africa today, no. 6, pp. 78–79, 2019. (In Rus.)

Received: August 15, 2021; accepted for publication September 23, 2021

Information about author

Jamsran Urangua Khereid, Doctor of History, Professor, National University of Mongolia; 1 Universitetskaya st., Ulanbaatar, 210646, Mongolia; e-mail: uranguakhereid@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9517-3742>.

Polyanskaya Oksana N., Candidate of History, Associate Professor, Banzarov Buryat State University; 24a, Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; e-mail: PolGrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

Contribution of authors to the article

Jamsran Urangua Khereid the main author, defining the concept and research methodology, working with sources.

O. N. Polyanskaya work with sources, article design.

Reference to the article

Jamsran Urangua Khereid, Polyanskaya O. N. Chinese Workers in the History of the Mongolian People's Republic in the 1950s-1960s: Cooperation, Politics, Ideology // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-8-19.

УДК 94(517)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-20-28

Эдуард Владимирович Батунаев,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

(г. Улан-Удэ, Россия),

e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Русско-монгольские торгово-экономические связи в начале XX века: история и этапы развития

Торговые отношения в рассматриваемом регионе на протяжении долгого времени играли важную роль между земледельческими и кочевыми культурами. «Великий шёлковый путь» – один из первых торговых путей, соединивший Восточную Азию и Средиземноморье в древности и средневековье, способствовал интенсивному обмену товарами, взаимопроникновению культур, передаче знаний и технологий. Россия и Монголия имеют тесные исторические, торговые, экономические, культурные связи, обладают самыми протяжёнными общими границами. В данном исследовании показано развитие русско-монгольских торгово-экономических отношений в начале XX в., рассмотрены объёмы торговли, анализ номенклатуры товаров, соотношение торгового оборота русско-монгольской торговли, основные направления торговых путей, экспедиций для изучения монгольского рынка. Дана характеристика соперничеству русских, китайских и иностранных предпринимателей в Монголии. Выявлены различные позиции российских государственных деятелей, торговых кругов и общественности относительно перспектив русско-монгольской торговли. Дана оценка маршрутов научных и торговых экспедиций в изучении состояния монгольского рынка. Выявлены проблемные стороны в русско-монгольской торговле и пути их решения. Особое внимание уделено трансграничным территориям, игравшим важную роль для развития торгово-экономических отношений. В своей работе автор опирался главным образом на принципы историзма, научности и объективности, историко-генетический, историко-динамический, сравнительно-исторический, ретроспективный методы, позволившие наиболее полно проанализировать основные этапы и закономерности, динамику торговли, проблемы и перспективы развития русско-монгольских отношений. Анализ русско-монгольских торгово-экономических связей позволил автору сделать вывод о том, что в начале XX в. несмотря на существующие проблемы в развитии торговли Монголия занимала важное место в политических, экономических и культурных интересах России. В Сибирском крае, имевшем общие с Монголией протяжённые границы, возрождались торгово-экономические и культурные связи. Исследование показало, что приграничные территории Сибири были тесно интегрированы в торгово-экономические отношения с Монголией и представляли собой своеобразный форпост в дальневосточной политике России.

Ключевые слова: Россия, Монголия, таможня, товары, конкуренция, торговая экспедиция, купечество

Благодарность: исследование выполнено в рамках государственного задания № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства».

Eduard V. Batunaev,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

(Ulan-Ude, Russia),

e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Russian-Mongolian Trade and Economic Relations at the Beginning of the 20th Century: History and Stages of Development

For a long time, trade relations in this region have played an important role between agricultural and nomadic cultures. The Great Silk Road, the first trans-Eurasian trade route connecting East Asia and the Mediterranean in antiquity and the Middle Ages, promoted an intensive exchange of goods, interpenetration of cultures, transfer of knowledge and technology. Russia and Mongolia have long common borders, close economic, cultural, and religious ties of border territories. The study shows the development of Russian-Mongolian trade and economic relations, considers the volume of trade, analysis of the range of goods, the ratio of the trade turnover of the Russian-Mongolian trade, the main directions of trade routes, expeditions to study the Mongolian market. The characterization of the rivalry of Russian, Chinese and foreign entrepreneurs in Mongolia is given. Different

© Батунаев Э. В., 2021

positions of Russian statesmen, trade circles and the public regarding the prospects of Russian-Mongolian trade are revealed. An assessment of the routes of scientific and trade expeditions in the study of the state of the Mongolian market is given. The problematic sides in the Russian-Mongolian trade and the ways of their solution are revealed. Particular attention is paid to cross-border territories that played an important role in the development of trade and economic relations. In his work, the author relied mainly on the principles of historicism, scientific nature and objectivity, historical-genetic, historical-dynamic, comparative-historical, retrospective methods, which allowed the most complete analysis of the main stages and patterns, dynamics of trade, problems and prospects for the development of Russian Mongolian trade and economic ties. An analysis of Russian-Mongolian trade and economic relations allowed the author to come to the conclusion that, despite the existing problems in the development of trade, Mongolia occupied an important place in the political and economic interests of Russia at the beginning of the 20th century, especially for Siberian commercial and industrial capital, which had common long borders and long-standing trade and economic ties. The study showed that the border territories of Siberia were closely integrated into trade and economic relations with Mongolia and were a kind of outpost in Russia's Far Eastern policy.

Keywords: Russia, Mongolia, customs, goods, competition, trade expedition, merchants

Acknowledgment: the research was carried out within the state assignment No. 121031000241-1 "Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States".

Введение. В отечественной исторической науке различные аспекты торгово-экономических отношений между Россией и Монголией освещены в трудах А. М. Позднеева Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. Л. Котвича, А. В. Бурдукова¹, И. М. Майского², Е. М. Даревской, И. Я. Коростовца, Ш. Б. Чимитдоржиева, Н. Е. Единарховой, Е. А. Белова, С. Г. Лузянина, А. В. Старцева, Ю. В. Кузьмина [1–10] и др. Отдельные аспекты российско-монгольских отношений рассматривались в работах зарубежных исследователей: Ч. Бодуэна, О. Латтимора, Р. Рупена, Г. Фритерса, П. Тана, А. Сандерса, В. Рокхилла, Б. Ширендыба, Х. Ж. Урунгуа [11–20] и др. Особое внимание исследователи уделяли изучению вопросов административного управления, этнического и демографического состава, хозяйственной, торгово-экономической, культурной и просветительской деятельности в Монголии.

Данное исследование посвящено одной из актуальных тем в истории российско-монгольских отношений, в широком историческом контексте изучены торгово-экономические связи между странами в начале XX в. В этом году отмечается 100-летний юбилей установления дипломатических отношений между Россией и Монголией, которые на протяжении многовековой истории строились на основе братской дружбы и добрососедства. В настоящее время российско-мон-

гольские отношения вышли на новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. На наш взгляд, важно изучить богатый исторический опыт, накопленный во взаимоотношениях России и Монголии. В условиях интеграции хозяйственно-экономических связей трансграничья и развития многосторонних отношений России и Монголии в политической, экономической, культурной, образовательной сферах комплексное изучение русско-монгольских торгово-экономических и культурных связей в настоящее время представляется актуальным и своевременным. Цель статьи – всесторонний анализ истории и этапов развития русско-монгольских торгово-экономических связей в начале XX в. на основе широкого круга источников с учётом внутренних и внешних факторов в рассматриваемом регионе.

Методология и методы исследования. В своей работе автор опирался на основные принципы и методы исторического исследования. Принципы объективности, историзма, научности, историко-генетический, историко-диахронный, историко-системный, историко-динамический, сравнительно-исторический, ретроспективный методы позволили автору наиболее полно и объективно осветить основные этапы, установить причинно-следственные связи, закономерности, факты, особенности и последствия развития русско-монгольских торгово-экономических и культурных связей, обусловленных как внешними, так и внутренними факторами.

Результаты исследования и их об- суждение. В XVII в. начался процесс присо-

¹ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. – М.: Наука, 1969. – 419 с.

² Майский И. М. Современная Монголия: отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз». – Иркутск: Гос. изд-во, 1921. – 472 с.

единения к России Сибири и Дальнего Востока. В то же время Цинская империя расширяла свои владения за счёт окраинных территорий Внутренней и Внешней Монголии, Синьцзяна, Тибета. Столкновение геополитических интересов двух оформляющихся империй стало неизбежным, что вылилось в череду территориальных конфликтов между Российской и Цинской империями. Первые русско-монгольские отношения стали устанавливаться в середине XVII в. Это были главным образом посольские и торговые отношения. На протяжении продолжительного времени русским купцам был запрещён въезд в Монголию, и торговля велась преимущественно на границе с монгольскими пограничными караулами [21, с. 1]. До первой половины XIX в. русско-монгольские отношения развивались на основе Нерчинского (1689) и Кяхтинского договоров (1727). Со второй половины XIX в. важную роль в истории взаимоотношений между Россией и Монголией стали играть Кульджинский (1851), Айгунский (1858), Тяньцзиньский (1858), Пекинский (1860), сухопутные торговые правила (1862) Петербургский (1881) договоры¹. На основе установленных договоров Россия имела права свободной торговли в Монголии, был узаконен беспшлинный провоз товаров и купля-продажа в пределах 50 вёрст по обе стороны русско-монгольской границы, для русских купцов – по всей Монголии. Это способствовало значительному расширению торгово-экономических связей и развитию русско-монгольской торговли [5, с. 105].

Согласно Пекинскому договору 1861 г., в Урге было открыто русское консульство, во главе которого более 50 лет проработал генеральный консул Я. П. Шишмарев [6]. В 1881 г. были открыты также консульства в Кобдо и Улясутае для защиты торговых и экономических интересов российских подданных. Русские подданные получили право строить в этих городах дома, лавки и амбары [5, с. 121]. В начале XX в. русско-монгольская торговля стала главным инструментом продвижения влияния России в Монголии, общий оборот торговли по сравнению с серединой XIX в. увеличился до 80 раз [8, с. 40; 17, с. 240].

¹ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842–1925). – М.: Институт востоковедения, 1927. – 218 с.

Основными направлениями русско-монгольской торговли считались кяхтинское, ононо-аргунское, тункинское и бийское [5, с. 114]. Важное место в русско-монгольской торговле занимала приграничная торговая слобода Кяхта (Троицкосавск). Её по праву называли главными «восточными воротами» чайной торговли. В середине XIX в. доходы Кяхты от русско-китайской торговли составили более 16 миллионов рублей. До открытия морских портов и строительства Транссибирской железной дороги Кяхта являлась главным транзитным пунктом «Великого чайного пути».

Из России в Монголию вывозили мануфактуру, галантерейные и металлические изделия, керосин, посуду, медь и другие товары. В Россию ввозилось в основном сырьё – овечья и верблюжья шерсть, звериные шкуры, конский волос, кожа, масло, жир. Через Монголию в Россию и Западную Европу шли также транзитные (китайские) товары – золото, пушнина, чай. Так, в 1886 г. русскими купцами было отправлено через Ургу в Кяхту 347 225 ящиков чая. Его транспортировкой занимались крупные русские торговые дома, основанные в Урге и находившиеся в центре чайной торговли. В 80–90-х гг. XIX в. русско-монгольская торговля велась как в пограничных пунктах, так и на монгольской территории, преимущественно в Урге [Там же, с. 122].

Примерно 40 % всего русского импорта из Монголии составлял скот. Например, только через Тункинскую долину, один из основных маршрутов торговли монгольским скотом, в Иркутск «ежегодно прогонялось до 20 тыс. голов крупного рогатого скота, свыше 12 тыс. овец и свыше тысячи лошадей на общую сумму около 1 млн руб.» [Там же, с. 158].

С середины XIX в. «потребность в скоте увеличилась в связи с ростом числа занятых рабочих на золотых приисках в Верхнеудинском и Баргузинском острогах» [Там же, с. 112]. Нередко в России складывалось представление о Монголии как о крае с бесчисленным количеством скота. В российской печати и экономических изданиях иногда фигурировали «баснословные цифры о наличии скота в Монголии, доходившие до 80 млн голов» [8, с. 40].

Торговый баланс для России был пассивным. С 80-х гг. XIX в. в русско-монгольской торговле наметилась тенденция к пре-

обладанию вывоза монгольского сырья над ввозом русских промышленных изделий. Московская торговая экспедиция сделала вывод, что русские торговцы в Урге в основном сосредоточились на операциях по покупке монгольского сырья, сокращая операции по сбыту русских товаров¹. Это объяснялось тем, что русская промышленность не успевала удовлетворять спрос на внутреннем рынке, не говоря уже о ввозе товаров в Монголию.

Необходимо отметить, что некоторые патриотически настроенные купцы считали, что России для роста экономического влияния в Монголии необходимо увеличить ввоз товаров отечественной промышленности, даже в ущерб своей прибыли. Торговля велась главным образом на основе обмена и кредита.

Так, в 1911 г. через Кяхту в Монголию было ввезено русских товаров на 1 465 977 рублей, вывезено в Россию через тот же пункт сырья и пушнины в два раза больше. Кроме того, транзитом через Россию в Западную Европу было вывезено пушнины и золота на 2 219 832 рубля [7, с. 134]. Менее благоприятно складывалась ситуация с экспортом. Объем последнего, несмотря на беспешлиный характер торговли (по русско-китайскому договору 1881 г.) был почти в два раза меньше объема импорта и в количественном отношении в пять раз уступал экспорту в Монголию товаров из Китая и других стран. Россия и Китай были главными торговыми контрагентами Монголии.

Вместе с тем рост русско-монгольской торговли происходил в основном за счёт импорта монгольского сырья и мяса в Россию, что свидетельствует об увеличении интереса в нём предприятий по переработке русской промышленности [8, с. 40]. Как свидетельствуют данные таможенной статистики, уже в 1909 г. Монголия давала 12 % всего ввозимого в Россию кожевенного сырья; 13 % шерсти; 25 % конского волоса; 10,5 % крупного рогатого скота; 10,8 % лошадей; 24,9 % мелкого рогатого скота и 34,2 % пушнины². Общий оборот русско-монгольской торговли в 1908 г. «составил 8 млн руб. при обороте китайско-монгольской торговли 50 млн руб.» [22, с. 142].

Конкуренцию российским товарам на монгольском рынке наряду с китайскими

составляли также иностранные (американские, английские, немецкие, японские). Иностранцы (ткани, керосин и т. д.) попадали в Монголию, прежде всего, через китайских купцов. С 1909 г. после открытия в Урге американских филиалов торговых фирм «Норберс К°» «Вильсон К°» торговля пошла без посредников. Ежегодно из Монголии в США через Тяньцзиньский порт вывозилось по 200 тысяч пудов шерсти и 3 миллиона выделанных кож. В 1910 г. в Монголии появились представители ещё трёх американских фирм: «Стандарт Ойл Компани», «Бритиш-Американ Табакоу» и «Андерсен Мейер К°» [8, с. 44].

Российские товары отличались хорошим качеством, особенно мануфактура, и заслуженно пользовались спросом среди местных жителей. Монголы и китайцы в торговле любую качественную вещь называли «морозовским товаром» как знак наивысшей похвалы³. Но русские товары вследствие высокой цены и возникавших в результате доставки завышенных транспортных расходов не могли выдерживать конкуренцию с более дешёвыми китайскими товарами. Задача русских купцов заключалась в том, чтобы расширить торговлю юфтью, недорогим сукном, хлопчатобумажными тканями различных расцветок, металлическими предметами, галантереей – теми товарами, на которые у монголов имелся большой спрос.

Ведущее положение в Монголии продолжал занимать китайский торгово-ростовщический капитал. В 60-х гг. XIX в. там действовало несколько десятков крупных и средних китайских фирм, которые противостояли проникновению русского капитала в эту страну, расширению русско-монгольской торговли. Особенностью китайской торговли в Монголии были поставки в кредит под высокие проценты [22, с. 228]. Монголы оказывались в должниках у китайских купцов, плата за долги была настолько высокой, что покупатели часто разорялись, а их скот переходил в руки поставщиков. По закону они не могли превышать 36 %, но в действительности доходили до 80–100, иногда – до 400 %. «Ростовщики ссужали деньгами и товарами не только аратов, но и феодалов Монголии. Общая задолженность страны к 1911 г. составила огромную сумму – 11 млн. лян»⁴. Русские же купцы в это время про-

¹ Московская торговая экспедиция в Монголию. – М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. – С. 13.

² Там же. – С. 12.

³ Там же. – С. 163.

⁴ История Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1983. – С. 229.

дали монголам товары главным образом на рубли и серебро. Китайские купцы были компрадорами американских и английских фирм. Они торговали традиционными английскими и американскими товарами, а также японскими хлопчатобумажными тканями, которые были дешевле, чем русские [5, с. 124].

Для изучения монгольского рынка, торговых маршрутов были отправлены специальные экспедиции, по возвращении представлявшие свои рекомендации правительству и торговым кругам России. В 1861 г. из Урги через земли дархатов на оз. Косогол (Хубсугул) состоялась экспедиция в Западную Монголию в составе капитана Генерального штаба Гельмерсена, учёных и путешественников Г. Принтца, В. Радлова. Российское консульство в 1862–1864 гг. снарядило экспедиции для изучения путей, связывающих Ургу с Ононским и Приаргунским регионами, а также для исследования экономических возможностей монгольских территорий.

Выводы экспедиции, которую возглавлял российский консул в Монголии Я. П. Шишмарев, сводились к тому, важно воспользоваться существенными возможностями по расширению торговли с Восточной Халхой, прежде всего, с Цеценханским аймаком, используя приграничные приаргунский и ононский маршруты. В 1903 г. капитан Генштаба В. Л. Попов, побывавший в Монголии, сделал обзор русской торговли и подчеркнул её незначительный объём и в то же время большую важность. Он предложил ряд практических мероприятий с целью укрепления экономических и политических позиций России в Монголии¹.

В 1910 г. были организованы две торговые экспедиции в Монголию для широкого изучения монгольского рынка, условий торговли и выяснения способов сбыта русских товаров. Сибирские купцы субсидировали посланных Томским университетом М. И. Боголепова, М. Н. Соболева [21]; московские, среди которых были такие крупные банкиры и промышленники, как П. П. Рябушинский, Н. Д. Морозов и другие, на средства 73 фирм командировали в страну представителей шести крупнейших компаний под

руководством полковника В. Л. Попова и агронома И. М. Морозова².

Члены московской экспедиции свидетельствуют, что русские торговцы в этом крае (Монголии – Э. Б.) по всей линии вытесняются китайскими купцами, сбывающими китайские изделия и изделия японской, американской, европейской промышленности. Русские торговцы или совсем ликвидируют товар и уезжают из Монголии, либо «сосредотачивают свои операции на скупке монгольского сырья – шерсти, мягкой рухляди, кожи и прочего, – возрастает привоз особенно через Кяхту, ввиду сравнительной близости к железнодорожному пути»³.

Участники обеих экспедиций пришли к выводу, что дальнейшее развитие торговли было бессмысленно без удобных путей сообщения, правильно разработанных торговых маршрутов, наведения порядка в таможенных тарифах и ветеринарного контроля. Так, наиболее влиятельная часть экспедиции (московское купечество) считала, что Монголия не может служить рынком сбыта для российской обрабатывающей промышленности в силу её удалённости, бедности населения и сильной конкуренции в лице китайских и иностранных торговцев [10, с. 76].

А. Б. Беннигсен, отставной военный, путешествовавший по Монголии, в работе «Несколько данных о современной Монголии» указывает на проблемные места в русско-монгольской торговле. Например, к ним он относит, прежде всего, отсутствие хороших путей сообщения, неразбериху в таможенных пошлинах, карантинные ограничения, неудовлетворительную работу русских консулов по защите интересов своих граждан. А. П. Беннигсена приводит в крайнее недоумение тот факт, что «на русской таможе берут плату за звериные шкуры, отдельно за хвост и шкуры, из-за этого купцам приходится прямо на месте разрезать, а затем сшивать их снова». Автор обращается к российскому правительству с требованием разобраться с такими вещами, которые являются препятствиями в русско-монгольской торговле [23, с. 24–26].

Сибирские купцы и предприниматели, тесно связанные с монгольским рынком, выступали за более решительные меры и оказания содействия со стороны государства в

¹ Попов В. Л. Через Саяны и Монголию: отчёт начальника Монгольской экспедиции Ген. штаба капитана Попова. – Омск: Тип. Штаба Петербургского военного округа, 1905. – Ч. 1. – 27 с.

² Московская торговая экспедиция в Монголию. – М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. – 353 с.

³ Там же. – С. 17.

деле улучшения русско-монгольской торговли, протекции русских товаров, улучшения работы ветеринарных служб, введения новых сухопутных и водных маршрутов [21].

В связи с ростом русско-монгольского товарооборота по настоянию торгово-промышленных кругов при царской администрации были созданы комиссии и комитеты. Так, при иркутском генерал-губернаторе Л. М. Князеве было создано Особое совещание по монгольским делам, при Министерстве торговли и промышленности в Петербурге в 1910 г. было образовано Особое междуведомственное совещание по делам Монголии. Оно разработало ряд важных мероприятий, однако революция в Китае и подъём национально-освободительного движения в Монголии помешали их осуществлению.

После объявления независимости Монголии в 1911 г. и подписания русско-монгольского соглашения 1912 г. (торгового протокола) в результате падения объёмов китайской торговли возникли благоприятные условия для русских купцов и предпринимателей. Русско-монгольское соглашение 1912 г. и торговый протокол¹, содержащий максимально выгодные условия, сыграли важную роль в укреплении интересов русской торговли [19, с. 112].

Воспользоваться ситуацией сразу не удалось, поскольку до конца 1912 г. русская торговля была довольно примитивной. Купцы сами закупали, привозили и продавали свои товары. В большей мере русская торговля носила хошунный характер, когда купцам приходилось торговать по дальним заимкам и улусам. Для успешной торговли необходимы были большие склады в крупных центрах, откуда купцы могли бы закупать товар и продавать по хошунам. Из-за отсутствия хороших складских помещений товар выгружался в открытом месте и часто портился.

В 1912 г. в Урге во главе известного фабриканта-промышленника, миллионера П. П. Рябушинского было основано «Русское экспортное товарищество»², состоящее из крупных московских торговых и промышленных фирм, позднее его филиалы были орга-

низованы в Урге и Улясутае³. Доклады членов Товарищества обсуждались на совещаниях комитетов российского правительства и в целом внесли свои позитивные изменения в дальневосточную политику. Российское правительство с целью расширения торговли открыло Отделение Государственного банка в Троицкосавске, понизило железнодорожные тарифы на перевозку товаров для Монголии, приняло решение открыть в Урге Монгольский национальный банк. В 1913–1914 г. торговый оборот России и Внешней Монголии увеличился, русские купцы стали вывозить в Монголию больше текстиля, крупчатки и других товаров.

В связи с обстоятельствами военного времени встал вопрос о широком использовании монгольского рынка для продовольственных целей. В 1915 г. под руководством известного русского путешественника, полковника П. К. Козлова была создана Монгольская экспедиция, на руководителя была возложена обязанность закупать и выгонять из Монголии в Россию скот для удовлетворения нужд действующей армии⁴. Цель, которую экспедиция преследовала вполне сознательно, состояла в том, чтобы «выгнать возможно большее количество скота, таким путём способствовать смягчению продовольственного кризиса в России», при этом, как и каким способом будет достигнута цель, для экспедиции имело второстепенное значение.

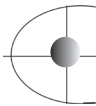
Необходимо отметить, что после Кяхтинского тройственного соглашения 1915 г. китайские торговые круги смогли нарастить торговлю в Монголию. Это объясняется тем, что Россия, невзирая на экономические преимущества, не могла воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы расширить своё экономическое и торговое влияние. Начавшаяся Первая мировая война отнимала всё больше ресурсов, вследствие чего Россия не могла обеспечить в полном объёме товарами монгольский рынок. Монголия испытывала товарный голод. В этой ситуации китайские торговцы начали активно действовать в Монголии, появились новые фирмы в крупных городах Монголии, увеличился объём торговли [8, с. 72].

¹ Министерство иностранных дел: сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. – 2 ноября 1913 г.). – СПб., 1914. – 82 с.

² Российская экспортная палата: отчёт Российской экспортной палаты. – Петроград, 1914. – 112 с.

³ Кроль М. А. Материалы к отчёту о деятельности с 1915 по 1918 г. Маньчжурско-Владивостокский район / Министерство продовольствия; Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. – Харбин, 1919–1920. – С. 143.

⁴ Там же. – С. 50.

Прямым следствием дальнейшего развития русско-монгольских культурных связей можно считать возникновение в начале XX в. светского образования в Монголии. В 1912 г. при Министерстве иностранных дел в Урге была открыта первая светская русско-монгольская школа, готовившая будущих переводчиков для торговой и дипломатической работы. Её первым учителем и одним из основателей этой школы был бывший преподаватель монгольского языка Петербургского университета Цевен Жамцарано [5, с. 193]. В 1912 г. в местности Хужир-Булан, недалеко от Урги, была организована военная школа, с участием русских инструкторов, в которой обучались монгольские цирики военному делу по европейскому образцу.

Большой вклад в дело борьбы с инфекционными заболеваниями (чумы и оспы) внесли известные российские врачи, ветеринары А. П. Свечников, С. Цыбыктаров и т. д. Расширение связей с Россией способствовало значительному оживлению культурной жизни в Монголии, знакомству монголов с новинками современной культуры и техники. При поддержке русского консульства в Монголии развивалось печатное дело, в Урге в 1912 г. были открыты две типографии, в которых издавались журналы «Шинэ толь» («Новое зеркало»), «Нийслэл хурээний сонин бичиг» («Столичные известия») [Там же, с. 191]. Российское влияние носило прогрессивный характер, проявлялось как «мягкая сила» в распространении русской культуры, образования и медицины.

Заключение. Таким образом, в 90-е гг. XIX в. произошёл значительный рост русско-монгольской торговли, особенно импорта из Монголии. В 1880-е гг. произошёл рост внимания к Монголии как к рынку сбыта русских промышленных изделий. В целом торгово-экономические отношения России с Монголией в начале XX в. имели тенденцию к росту. Медленно, но неуклонно расширялись объём и номенклатура торговли, разворачивалась предпринимательская деятельность русских на монгольской территории, что стимулировало развитие товарно-денежных отношений. Особенно интенсивно русско-монгольские экономические отношения развивались в первые годы

существования теократической монархии (1911–1915).

Вместе с тем ввоз в Монголию российских товаров имел стойкую тенденцию к понижению, отражая прежние проблемы российской торговли в Монголии. Необходимо отметить, что несмотря на существенные усилия со стороны правительства и частного капитала русская торговля, основанная на традиционной системе «хошунных купцов», нуждалась в серьёзной реорганизации – создании крупных торговых фирм и кредитных учреждений. Одним из условий развития успешной русской торговли было расширение номенклатуры товаров российской промышленности.

Стоит отметить, что русские купцы не всегда учитывали местные условия и потребности населения. Важную роль в русско-монгольской торговле занимали приграничные территории Восточной и Западной Сибири и их центры (Забайкалье, Иркутская губерния, Нерчинский край, районы Саяно-Алтайского нагорья), которые были вовлечены в торгово-экономическую деятельность как центры транзитной торговли и переработки монгольского сырья.

Вместе с тем российские купцы не смогли полностью воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы усилить своё экономическое влияние. Китайские купцы и предприниматели уже в течение 1915–1917 гг. смогли восстановить «статус-кво», а в дальнейшем – упрочить своё присутствие. Кроме того, Первая мировая война и революционные потрясения в России привели к ослаблению политических и экономических позиций России в Монголии.

В настоящее время в связи с реализацией масштабных торгово-экономических проектов, таких как «Один пояс – один путь», реализуемых Китаем, исследование трансграничных территорий России и Монголии приобретает важное значение и перспективы для дальнейшего развития. Выгодное географическое положение Монголии и приграничных территорий России, находящихся в центре евразийского материка, позволяет использовать свои преимущества в качестве экономического коридора в транзитных перевозках, строительстве крупных терминалов и «свободных экономических зон».

Список литературы

1. Позднеев А. М. Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполненные в 1892–1893 гг. А. Позднеевым: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Императорского Русского географического общества, 1896–1898. 697 с.

2. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Гос. рус. геогр. о-во, 1926. 412 с.
3. Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1911. 44 с.
4. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 400 с.
5. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.
6. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. 250 с.
7. Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 239 с.
8. Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Институт Дальнего Востока, 2000. 300 с.
9. Старцев А. В. Русская торговля в Северо-Западной Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): материалы II Регион. конф. (Барнаул, 26 окт. 1999 г.). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 58–62.
10. Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения 1911–1912 гг. и позиция общественных кругов России. СПб., 1994. С. 76–80.
11. Bawden Ch. R. The Modern History of Mongolia. London, 1968. 615 p.
12. Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New-York: Oxford Press, 1962. 233 p.
13. Rochill W. W. The Question of Outer Mongolia // The Journal of the American Asiatic Association. 1914. Vol. 14. Pp. 117–131.
14. Korostovets I. Von Chinghis Khan zur Soviet Republic. Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit: B.- Lpz., 1926. 195 p.
15. Friters G. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1951. 358 p.
16. Rupen R. The Mongolian People's Republic. Stanford: Cambridge University Press, 1966. 218 p.
17. Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia (1911–1931). Durham: Duke University Press, 1959. 315 p.
18. Sanders A. Mongolia: Politics, Economics, Society. L: Printer, 1987. 179 p.
19. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX – начала XX в. История социально-экономического развития. Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. 320 с.
20. Хэрээд Ж. Урунгуа ХХ зууны эхэн үеийн Монгол Улс (1911–1919). Уланбаатар, 2010. 313 х.
21. Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печатного дела, 1911. 498 с.
22. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории: монография. М.: Изд-во восточной литературы, 1957. 300 с.
23. Беннигсен А. Б. Несколько данных о Монголии. СПб., 1912. 102 с.

Статья поступила в редакцию 10.05.2021; принята к публикации 30.06.2021

Сведения об авторе

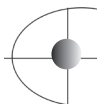
Батунаев Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: Batunaeveduard@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>.

Библиографическое описание статьи

Батунаев Э. В. Русско-монгольские торгово-экономические связи в начале XX века: история и этапы развития // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 20–28. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-20-28.

References

1. Pozdneev, A. M. Mongolia and Mongols: Results of a Trip to Mongolia in 1892–1893. A. Pozdneev. Sankt-Peterburg: izdanie Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva, 1896–1898. 2 v. V. 1. (In Rus.)
2. Grumm-Grzhimajlo, G. E. Western Mongolia and Uryankhai Territory. Historical sketch of these countries in connection with the history of Central Asia. L: Gos. rus. geogr. Ob-vo, 1926. (In Rus.)
3. Kotvich, V. L. A brief overview of the history and modern political situation of Mongolia. SPb., 1911. (In Rus.)

4. Darevskaya, E. M. Siberia and Mongolia: Essays on Russian-Mongolian ties in the late 19th and early 20th centuries. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1994. (In Rus.)
5. Chimitdozhiev, Sh. B. Russia and Mongolia. M: Izd-vo Nauka, 1987. (In Rus.)
6. Edinarhova, N. E. Russians in Mongolia: Main Stages and Forms of Economic Activity (1861–1921). Irkutsk: Izd-vo M-vo obrazovanija, Irkut. gos. un-t. 2006. (In Rus.)
7. Belov, E. A. Russia and Mongolia (1911–1919). M: Izd-vo Institut vostokovedenija RAN, 1999. (In Rus.)
8. Luzyanin, S. G. Russia-Mongolia-China in the first half of the 20 th century: Political relations in 1911–1946. M: Izd-vo Institut Dal'nego Vostoka, 2000. (In Rus.)
9. Startsev, A. V. Russian trade in North-West Mongolia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Russia, Siberia and Central Asia (interaction of peoples and cultures). Materials of the 2nd region. conf. October 26, 1999. Barnaul: Izd-vo BGPU, 1999: 58–62. (In Rus.)
10. Kuz'min, Yu. V. Russian-Mongolian relations in 1911–1912 and the position of the public circles of Russia. Mongolika-III. Spb., 1994: 76–80. (In Rus.)
11. Bawden, Ch. R. The Modern History of Mongolia. L, 1968. (In Engl.)
12. Lattimore, O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New-York: Oxford Press, 1962. (In Engl.)
13. Rochill, W. W. The Question of Outer Mongolia. The Journal of the American Asiatic Association, vol. 14, pp. 117–131, 1914. (In Engl.)
14. Korostovets, I. Von Chinghis Khan zur Soviet Republic. Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit: B.- Lpz., 1926. (In Germ.)
15. Friters, G. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore: The J. H. Press, 1951. (In Engl.)
16. Rupen, R. The Mongolian People's Republic. Stanford: Cal. Univ. Press, 1966. (In Engl.)
17. Tang, P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia (1911–1931). Durham: Duke University Press, 1959. (In Engl.)
18. Sanders, A. Mongolia: Politics, Economics, Society. L: Printer, 1987. (In Engl.)
19. Shirendyb, B. Mongolia at the turn of the XIX-early. XX century. History of socio-economic development. Ulan-Bator: Izd-vo Gos. izdat, 1963. (In Rus.)
20. Hjerjejed. Zh., Urungua Mongolia in the 20th century (1911–1919). Ulanbaatar, 2010. (In Mong.)
21. Bogolepov, M. I., Sobolev, M. N. Essays on Russian-Mongolian trade. Tomsk: tipo-lit. Sib. t-va pech. dela, 1911. (In Rus.)
22. Zlatkin, I. Ya. Essays on modern and recent history: monograph. M: Izd-vo Vostochnoj literatury, 1957. (In Rus.)
23. Bennigsen, A. B. Several data on Mongolia. S. Peterburg, 1912. (In Rus.)

Received: May 10, 2021; accepted for publication June 30, 2021

Information about author

Batunaev Eduard V., Candidate of History, Research Worker, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., 670047, Ulan-Ude, Russia; e-mail: BatunaevEduard@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>.

Reference to the article

Batunaev E. V. Russian-Mongolian Trade and Economic Relations at the Beginning of the 20th Century: History and Stages of Development // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 20–28. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-20-28.

УДК 94(5):327.84

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-29-38

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: drzz@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

К вопросу о создании российской агентурной сети в Шанхае в начале XX века

История создания агентурной сети Российской империи в настоящее время не нашла всестороннего освещения в научных публикациях. Имеющиеся исследования называют отдельные имена или упоминают частные факты. Это предопределило актуальность работы. Объектом исследования является российская агентура в Китае в целом и в Шанхае в частности. Предметом, в свою очередь, являются особенности первых попыток создания в городе российской агентурной сети. Цель работы заключается в анализе попытки создания сети российской нелегальной агентуры в Шанхае в 1906–1908 гг. Отсутствие материалов по проблематике в научных и научно-популярных публикациях предопределило использование неизвестных ранее или малоизвестных архивных источников. Это переписка министра иностранных дел, российского императорского посланника в Пекине и российского консула в Шанхае, хранящаяся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Основным выводом исследования стало замечание о недостаточной в настоящее время научной проработанности истории как официальной, легальной, так и нелегальной агентуры Российской империи в Шанхае. Частные выводы говорят о том, что, судя по имеющимся данным, создать серьезную агентурную сеть в китайском городе во времена Российской империи не удалось. Причин тому, предположительно, было несколько: отсутствие квалифицированных агентов со знанием китайского или хотя бы английского языка, которые могли бы эффективно работать; отсутствие средств на содержание агентов, незначительное количество российских подданных, удаленность Шанхая от российско-китайской границы и др. Агентурная сеть будет создана в городе уже советской властью к середине третьего десятилетия XX в., а советские нелегальные агенты начали работать в начале 1920-х гг. История советской агентуры в Китае, в частности в Шанхае, изучена достаточно хорошо, чего не скажешь о предшествующем периоде. Очевидно, что требуется дальнейшая серьезная работа с архивными источниками по воссозданию как можно более полной истории российской легальной и нелегальной агентуры в Шанхае в досоветское время.

Ключевые слова: легальная и нелегальная агентура, императорский посланник, российский консул, Российская империя, Китай, Шанхай

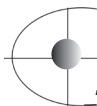
Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: DRZZ@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

On the Issue of Creating a Russian Agent Network in Shanghai at the Beginning of the 20th Century

The history of the creation of the agent network of the Russian Empire has not found comprehensive coverage in scientific publications so far. The existing research referred to specific names or mention private facts. This predetermined the relevance of the work. The object of the study is the Russian agents in China in general and in Chinese Shanghai, in particular. The subject is the study of peculiarities of the first attempts in creating Russian agent network in the city. The aim of the work is to analyze the attempt to create a network of Russian illegal agents in Shanghai in 1906–1908. The lack of materials on the problem in scientific and popular scientific publications predetermined the use of previously unknown or little-known archival sources. This is the correspondence of the Minister of Foreign Affairs, the Russian Imperial envoy in Beijing and the Russian Consul in Shanghai stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation (SARF). The main conclusion of the study was the remark about the lack of scientific elaboration, at the moment, the history of official, legal and illegal agents of the Russian Empire in Shanghai, China. Private findings suggest that, judging by the available data, creation of a serious network of agents in the city during the Russian Empire failed. The reasons for this, presumably, were several: the lack of qualified agents with knowledge of Chinese or, at least, English, who could work effectively; the lack of funds for the maintenance of agents, a small number of Russian citizens, the remoteness of Shanghai from the Russian-Chinese border, etc. A network of agents will be created in the city by the Soviet

© Дроботушенко Е. В., 2021

authorities by the middle of the third decade of the 20th century, and Soviet illegal agents began to work in the early 1920s. The History of Soviet agents in China and Shanghai, in particular, is studied quite well which cannot be said about the previous period. It is obvious that further serious work with archival sources is required to recreate as complete as possible the history of Russian legal and illegal agents in Shanghai in pre-Soviet times.

Keywords: legal and illegal agents, Imperial envoy, Russian Consul, Russian Empire, China, Shanghai

Введение. История присутствия Российской империи на рубеже XIX–XX вв., в лице её представителей или институтов на территории города Шанхая, чаще находила отражение в исследованиях через анализ экономической деятельности, работу консульства. Первая составляющая – это деятельность Русско-Китайского, а затем Русско-Азиатского банка, контор Добровольного флота и Восточно-Азиатской компании, ряда представительств российских фирм, вторая – это существование и деятельность открывшегося после подписания Тяньцзиньского договора 1858 г. нештатного консульского агентства, а с 1875 г. – штатного консульства. Ставшее в 1882 г. нештатным, с 1896 г. оно снова работало на штатной основе. Об относительном увеличении количества россиян в Шанхае, а также представительстве различных российских контор можно говорить применительно к самому концу XIX – началу XX в.

Активизация российского интереса к Шанхаю как крупному городу в целом и как к порту транзита грузов на российский Дальний Восток (в том числе и нелегальных) в частности, Русско-японская война, появление в городе и начало деятельности бежавших из России революционеров привели к возникновению вопроса о создании российской агентурной сети.

История создания российской агентуры в Китае нашла определённое отражение в научной и научно-популярной литературе. Это как обобщающие труды по истории внешней разведки в целом, так и специальные исследования по разведывательной деятельности в Азии, в том числе и в Китае.

Из обобщающих работ можно назвать большое многотомное издание «Очерки истории российской внешней разведки» («История российской внешней разведки. Очерки») под редакцией Е. М. Примакова. В них встречаем краткие упоминания отдельных имён или фактов, многотомное издание «Русская военная эмиграция 20–40-х годов» и др. [1–5 и др.]¹.

¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. – М.: Гея, 1998. – Кн. 1. Исход. – 432 с.; Кн. 2. На чужбине. – 752 с.; М.: Три-

Деятельность российской, а затем советской разведки в Китае в разные годы нашла отражение в специальных работах таких авторов, как М. Алексеев, С. С. Балмасов, О. А. Гоков, С. А. Фалько, В. Н. Усов и др. [6–13 и др.].

Отдельный интерес в рамках предметного поля статьи представляют заметки биографического характера по персоналиям, связанным с деятельностью российской агентуры в Китае или упоминающимся в архивных источниках. Здесь следует отметить, что данные разных публикаций часто расходятся².

Определённую информацию по истории пребывания в Шанхае сначала представителей Российской империи, затем эмигрантов и представителей советской власти можно встретить в исследованиях, изданных в разное время за рубежом [14–17 и др.]. Существуют публикации и по страницам истории разведки в Шанхае [18 и др.].

Несмотря на наличие определённого количества обобщающих и специальных публикаций по истории российской разведки в Китае, за пределами серьёзного научного интереса исследователей осталась история создания агентуры Российской империи в Шанхае в начале XX в. Это предопределило появление настоящего исследования.

Материалы по начальному этапу организации агентуры Российской империи в Шанхае собраны в отдельном деле 102 «Об организации агентуры в Шанхае. 1908 г.» департамента полиции. Раздел «Делопроизводство» описи 238 «Особый отдел. 1908 г.» фонда 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел» Государственного архива Российской Федерации³. Они содер-

да-Х, 1998. – Т. 2. Несбывшиеся надежды. – 484 с.; М.: Триада-Ф, 2002. – Т. 3. Возвращение. – 576 с.; М.: РГГУ, 2007–2010. – Т. 4. У истоков «Русского общевойскового союза». 1924. – 984 с.; Т. 5. Раскол. 1924–1925. – 776 с.

² Десино Константин Николаевич. – Текст: электронный // Русская армия в Первой мировой войне. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=150> (дата обращения: 04.11.2020); Десино Константин Николаевич. – Текст: электронный // Русская императорская армия. – URL: <http://www.regiment.ru/bio/D/81.htm> (дата обращения: 04.06.2021).

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 238. – Д. 102.

жат переписку Приамурского генерал-губернатора с российским императорским посланником в Пекине, переписку последнего с министерством иностранных дел Российской империи и консулом в Шанхае.

Объектом исследования является российская агентура в Китае; предмет изучения – попытка создания агентурной российской сети в Шанхае, особенности данного процесса.

Методология и методы исследования. Основу методологии исследования составили важнейшие принципы исторической науки. Принцип историзма дал возможность проанализировать попытку создания агентурной сети Российской империи в Шанхае в его историческом развитии. Принцип объективности направил автора на непредвзятую, взвешенную оценку происшедших событий. Данный принцип важен при оценке всех исторических событий и явлений, однако, на наш взгляд, он имеет особое значение при оценке событий, история которых в настоящее время практически не известна.

Методами исследования послужили общенаучные и специальные методы исторической науки. Среди первых, несомненно, методы сбора и анализа информации. Они важны при работе с архивными источниками и при оценке степени изученности проблемы. Общенаучные методы дедукции и индукции позволяют выстроить логические цепочки от частного к общему и наоборот. В случае настоящего исследования они помогли, с опорой на конкретные примеры, вывести общие закономерности в попытке создания российской агентурной сети Шанхая.

Исследование опирается также на специальные исторические методы. Так, проблемно-хронологический метод позволил выделить в рамках проблемного поля исследования разные проблемы и проследить их в хронологической последовательности событий. Сравнительно-исторический метод предоставил автору возможность выделить общие закономерности и отличительные особенности явлений и фактов и проследить их в историческом развитии.

Результаты исследования и их об-суждение. Начало агентуре Российской империи, по некоторым данным, было положено в 1880-е гг. С. А. Фалько говорит об организации при императорской российской миссии в Пекине военной агентуры в лице подполковника Генерального штаба В. А. Бо-

диско. Осознание в российских верхах необходимости создания агентуры в Китае пришло на рубеже 1870–1880-х гг., в 1881 г. было принято решение о создании постоянной военно-дипломатической должности в стране. Тогда была утверждена должность военного агента. Первым агентом и стал В. А. Бодиско, однако уже через год данную должность занял Н. Я. Шнеур. Помимо этого началась работа агентуры Приамурского военного округа в Маньчжурии, а Западно-сибирского – на западе Китая, в Синьцзяне, где в 1884–1885 гг. работали офицеры Генерального штаба генерал-майор Щетинин и капитан Галкин. Агентура Министерства иностранных дел действовала в Кашгаре [8, с. 30; 13, с. 241].

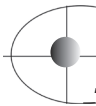
Некоторые исследователи говорят о том, что российская агентура работала в Шанхае с середины 90-х гг. XIX в., с 1896 г. (по иным данным – с 1893 г.) в Китае работали два военных агента, полковник Константин Ипполитович Вогак и полковник Николай Сумароков. В 1903 г. К. И. Вогака сменил полковник Федор Евлампиевич Огородников, который, в отдельных работах именуется военным агентом, в иных же – военным атташе в Тяньцзине, при этом некоторые авторы ведут его работу в Китае с 1904 г. [19, с. 9; 20, с. 107]¹.

По некоторым данным российская разведывательная миссия в 1904 г. отправилась через Синьцзян в Тибет. В её состав входили Наран Эренцинович Уланов, лама Дамбэ Ульянов и переводчик Лиджи Шарпов [3].

В свете предметного поля настоящей статьи наибольший интерес для нас представляет военный агент в Китае, генерал-майор Константин Николаевич Дессино (по ряду публикаций – Десино, в документах – Дессино), который, по некоторым данным, работал в Шанхае [20, с. 107]². М. Е. Болтунов пишет, что К. Н. Дессино первые три года работал (не слишком удачно) под прикрытием на должности секретаря

¹ Кавтарадзе А. Г. Огородников Фёдор Евлампиевич. – Текст: электронный // Большая советская энциклопедия. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article083642.html> (дата обращения: 04.06.2021).

² ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 238. – Д. 102. – Л. 9; Десино Константин Николаевич. – Текст: электронный // Русская армия в первой мировой войне. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=150> (дата обращения: 04.06.2021); Десино Константин Николаевич. – Текст: электронный // Русская императорская армия. – URL: <http://www.regiment.ru/bio/D/81.htm> (дата обращения: 04.06.2021).

консульства в Чифу. Позднее его назначили гласным помощником военного агента, сначала – к полковнику К. И. Вогаку, с 1903 г. – к полковнику Ф. Е. Огородникову [19, с. 11].

В 1905 г. в Китай на должность ещё одного помощника военного агента прибыл капитан С. Афанасьев [Там же].

С 1900 г. военной разведкой в Российской империи в азиатском направлении, в частности в Китае, занималось статистическое отделение, которое входило в генерал-квартирмейстерскую часть Главного штаба. К 1901 г. генерал-квартирмейстерская часть была передана в канцелярию Военно-учебного комитета. Отдел 2-го генерал-квартирмейстера продолжал функционировать вплоть до начального советского периода, несмотря на создание двух новых разведок в 1918 г. За работу в Китае отвечало 8-е (Дальневосточное) отделение [20; 21, с. 14].

С 1903 г. за организацию разведки в Центральном Китае отвечал штаб заместника на Дальнем Востоке. В его подчинение входили военные атташе в Китае. С упразднением заместничества в июне 1905 г. они были подчинены командующему 1-й Маньчжурской армией генерал-адъютанту Алексею Николаевичу Куропаткину [22, с. 19].

Об отдельных действиях российской разведки в Шанхае в первой половине первого десятилетия XX в. говорит Е. Ю. Сергеев со ссылкой на работу Ч. Инаба. Исследователь отмечает, что уже в 1904 г. удалось наладить перехват телеграфной переписки японских дипломатов из Европы в Токио, в частности, через Шанхай [10, с. 80; 11, с. 189; 23, с. 226].

Ч. Инаба отмечает, что в японском дипломатическом архиве сохранились документы, говорящие о том, что с мая 1904 г. японский консул в Шанхае с помощью агентурной сети добывал депеши российского Генерального штаба [23, с. 227].

Очевидно, что наличие в городе хорошо организованной японской агентуры заставляло, в свою очередь, российского консула Константина Васильевича Клейменова принимать какие-то меры.

Российские военные агенты в Китае действительно работали с конца XIX в., однако, во-первых, они были официальными лицами, т. е. были на виду у общества и китайских властей, во-вторых, данных о созданной ими агентуре в настоящее время не

встречено. Отсюда принципиальным становится вопрос именно о процессе создания в Китае агентурной сети.

Отдельный интерес вызывает создание российской агентурной сети в Шанхае. Город, в отличие от территорий Северного и Северо-Восточного Китая, значительно удалён от российско-китайской границы. В нём до 1920-х гг. было незначительное количество русских. При этом город являлся портовым, через него шли грузы на Дальний Восток Российской империи. Можно также добавить, что в Шанхае осела часть российских революционеров, бежавшая туда через Японию из Приморья. Ещё один аспект – это наличие в Шанхае консульства Российской империи, т. е. потенциальной возможности ведения разведывательной деятельности под прикрытием должностей консульских работников. Таким образом, заявленная тема представляется актуальной.

Хронологические рамки работы определяются достаточно сложно. Дело в том, что точные данные о времени появления в Шанхае первых российских тайных агентов в настоящее время отсутствуют. В архивных источниках находим сведения о попытках начала формирования шанхайской агентуры в 1906 г. В литературе можно встретить информацию о том, что отдельные агенты, выходцы из Шанхая, работали и ранее. Так С. В. Мироненко говорит о двойном агенте, сыне владелицы одной из шанхайских газет Хосе Марии Гидисе, который работал как на японскую, так и на российскую разведку. Он в 1904 г. предложил свои услуги лично Ф. Е. Огородникову, а после – консулу в Тяньцзине коллежскому советнику Н. Лаптеву [24]. В то же время, работал ли Хосе Мария Гидис в Шанхае, доподлинно не известно.

Согласно документам, процесс организации российской агентуры в Шанхае начался в 1906 г., когда туда был откомандирован служивший в Сеуле российский посланник. Речь идёт о чрезвычайном посланнике и полномочном министре при дворе корейского императора, действительном статском советнике Александре Ивановиче Павлове. Его миссия упоминается в письме № 382 министра иностранных дел Российской империи графа В. Н. Ламсдорфа от 21 марта 1906 г. Цель миссии заключалась в установлении негласной агентурной сети по сбору сведений секретного характера в Японии

и районах действия японских войск. Срок существования агентуры был незначительным, но «успехи были налицо»¹.

В. Н. Ламсдорф отмечал, что в Японии, Корее и Китае существует институт российских посланников, есть должности военных и финансовых агентов. На них, в частности, возложены функции сбора секретной информации. Действовали российские представители, по его мнению, эффективно. В то же время названные должности являлись официальными, и лица, их занимавшие, были на виду, как у общества, так и у властей. Необходимо было создать сеть «неофициальных» сотрудников по сбору различного рода агентурных данных².

Идея создания агентурной сети в Шанхае была поддержана Приамурским генерал-губернатором инженер-генералом Павлом Фридриховичем Унтербергером и к тому времени уже бывшим российским посланником в Сеуле А. И. Павловым. По предложению последнего, изначально можно было ограничить работу агента годичным сроком, а затем, по результатам деятельности, рассмотреть вопрос о создании постоянной агентурной сети. По примерным подсчётам, на содержание одного агента требовалось 54 000 рублей в год (по 4 500 рублей в месяц)³. Просьбу о выделении средств направили на имя министра внутренних дел, действительного статского советника Петра Николаевича Дурново, однако тот наложил резолюцию: «У нас средств нет»⁴.

Так закончилась первая попытка создания агентурной сети в Шанхае, однако в целом дело на этом не завершилось. Продолжение данной истории начинается с письма П. Ф. Унтербергера № 1061 на имя российского императорского посланника в Пекине, действительного статского советника Дмитрия Дмитриевича Покотилова от 5 декабря 1907 г. В нём сообщалось, что в японском Нагасаки ведётся «сосредоточенная деятельность» бежавших туда из Приамурья русских революционеров. Однако «...в последнее время она переносится в китайские порты, особенно в Шанхай». П. Ф. Унтербергер просил обратиться к китайским властям по вопросу принятия репрессивных мер по отношению к революционным элементам, которые находят себе убежище в городе. В

Государственном архиве Российской Федерации хранится копия с данного секретного письма⁵.

По сведениям К. Н. Дессино, действительно, уже в 1906 г. некоторые бежавшие из Владивостока революционеры поселились в Нагасаки и Шанхае. В Нагасаки они действовали под руководством русского эмигранта-революционера Николая Константиновича Судзиловского, одного из самых известных российских эмигрантов, который в 1901 г. стал первым президентом Сената Гавайских островов. Оставив пост в 1902 г., он переехал в Шанхай, где, по некоторым данным, начал готовить вторжение вооружённого отряда революционеров-эмигрантов на территорию Сибири для освобождения политкаторжан. По иным данным, он планировал сделать это посредством вооружённых отрядов хунхузов [25]⁶.

С началом Русско-японской войны у Н. К. Судзиловского возникла идея вооружить на японские деньги до 40 000 русских военнопленных, высадить их десантом на Дальнем Востоке, овладеть ключевыми станциями и двинуться на Москву. По иным данным, находясь в японском Нагасаки, он, приняв американское гражданство под фамилией Руссель (один из псевдонимов Н. К. Судзиловского), вынашивал иную идею – создать на Дальнем Востоке политическую партию, которая должна была путём террора заставить Государственную Думу Российской империи объявить о созыве Учредительного Собрания. К рассматриваемому времени группа эмигрантов в Кобе под руководством Н. К. Судзиловского начала издавать газету, по данным ряда публикаций, «Япония и Россия» или «Россия и Япония». Согласно архивным источникам, революционеры-эмигранты издавали газету «Воля» в Нагасаки. К моменту серьёзного поднятия вопроса о российской агентуре в Шанхае был издан один номер. Сведения о том, что под руководством Н. К. Судзиловского издавалась именно газета «Воля», находим в некоторых исследованиях [25–27]⁷.

Д. Д. Покотилев в ответном письме на имя П. Ф. Унтербергера отмечал, что проблема русских революционеров в Китае возникла ещё в 1906 г., и российский императорский посланник в Пекине обратился на неё

¹ ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 238. – Д. 102. – Л. 8.

² Там же.

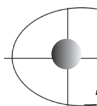
³ Там же. – Л. 8.

⁴ Там же. – Л. 9.

⁵ Там же. – Л. 1–2.

⁶ Там же. – Л. 9.

⁷ Там же.

внимание. Заключалась она в нелегальном ввозе в страну литературы, оружия и др.¹

В письме также сообщалось, что организация репрессивных мер по отношению к российским революционерам в Китае невозможна в принципе, так как власти страны признают «внеземельность» (экстерриториальность) иностранцев, т. е. иностранные граждане выпадали из-под действия китайского законодательства, находясь под действием законодательства государств, гражданами которых они являлись².

Ввиду важности поднимаемого вопроса, Д. Д. Покотиллов обратился к российскому консулу в Шанхае, действительному статскому советнику Константину Васильевичу Клейменову с просьбой рассказать о его планах по поводу организации в городе российской агентурной сети. К. В. Клейменов на это ответил, что существует большая разница между деятельностью агентуры в России и в Китае. «В России ловить революционеров относительно просто, а в Китае нет должностных лиц со знанием языка...»³.

В то же время отмечалось, что идея хорошая, но требуется прислать в Шанхай одного-двух опытных сыщиков, которые «хотя бы немного» знали английский язык. Особенно важно, чтобы они не были известны в Сибири и на Дальнем Востоке. На момент переписки лиц, которые могли бы реально работать в Шанхае, не было, существовала возможность организовать «частное» наблюдение за происходящим⁴.

В итоге Д. Д. Покотиллов озвучил российским властям рекомендацию о командировке в Шанхай опытного тайного агента для борьбы с деятельностью революционеров. Приамурскому генерал-губернатору он сообщил, что создание агентурной сети в Шанхае возможно, но с учётом местных условий⁵.

В связи с обсуждаемой проблематикой К. В. Клейменов обратился к шанхайскому таможенному комиссару по вопросу о возможности контроля над переброской из Шанхая на российский Дальний Восток оружия. Комиссар ответил, что при наличии информации в Шанхае согласны досматривать грузы с особой тщательностью и арестовы-

вать их, в случае обнаружения нарушений⁶. Наблюдение за товарами, следующими через Китай в целом и Шанхай, в частности, было усилено после того, как в ящиках со сгущённым молоком, следовавших из Франции, было обнаружено оружие⁷.

Дальнейшее развитие идея создания агентурной сети в Шанхае получила в начале 1908 г., когда 5 января появилось письмо министра иностранных дел Александра Петровича Извольского на имя министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина, в котором прописывалась значимость создания российской агентуры в городе⁸. Ответное письмо в рассматриваемом деле не содержится.

К сожалению, чем закончилась первая попытка создания российской агентурной сети в Шанхае, в настоящее время не известно. Вполне вероятно, что ввиду отсутствия средств, незначительного количества российских эмигрантов в городе, серьёзная агентурная сеть так и не была создана. По некоторым данным, в 1917 г. в Шанхае был один агент.

Сеть российских агентов в Китае к моменту революционных событий в России 1917 г. не получила должного развития. В 2005 г. из печати вышло репринтное издание двух книг К. К. Звонарева, увидевших свет в 1929 г. Они изданы IV Управлением Штаба рабоче-крестьянской Красной армии для служебных целей. На страницах встречаем данные о том, что, помимо одного агента в Шанхае, три было в Пекине и по одному в Калгане, Цзинаньфу, Ханькоу. В Цицикаре работа российских агентов была поставлена действительно серьёзно, там агентом выступал консул С. В. Афанасьев, который имел агентурную сеть, куда входили 10 человек. Помимо этого, так называемые «агенты-резиденты» были в следующих населённых пунктах: Далайеян Суихуасян, Мэргэн, Хайлунсян, Аньдасян, Маосинчжан, Тацзычен, Баяньсян. Наряду с ними существовали «подъагенты» в населённых пунктах Боян, Хайлун, Далан и Мэргэн. К. К. Звонарев отмечает, что единственный имевшийся агент в Шанхае давал ценные сведения о немецко-корейской организации в Китае [1, с. 263].

Однозначно утверждать, о каких населённых пунктах говорил автор, нельзя. Однако можно предположить, что в перечне в

¹ ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 238. – Д. 102. – Л. 3.

² Там же. – Л. 1.

³ Там же. – Л. 4.

⁴ Там же. – Л. 4–5.

⁵ Там же. – Л. 2.

⁶ Там же. – Л. 4.

⁷ Там же. – Л. 5.

⁸ Там же. – Л. 1.

первом случае упоминались Далянь, Мерген, Хэйлуцзян, Анда. Во втором, возможно, Далянь и Мерген. Если это так, то, когда речь шла об «агентах-резидентах», автор писал не о Даляне, а о каком-то ином населённом пункте.

В книге отсутствует отсылка к источникам, в связи с чем в настоящее время, на наш взгляд, вопрос с населёнными пунктами Китая, где к 1917 г. находились российские агенты и подагенты, остаётся открытым.

К середине 1920 г. в Шанхае будет предпринята попытка создания агентурой сети советской властью. Для этого в город из СССР прибыл бывший полковник А. Ф. Гуцин. Он работал с бывшими белогвардейцами. Первое его появление относится к 1923 г., затем он появился в Шанхае в 1924 г. Упоминание о деятельности в Шанхае А. Ф. Гуцина находим в некоторых публикациях. Так, С. С. Балмасов, со ссылкой на архивные источники, говорит о том, что агентурная сеть советской власти в Китае существовала уже в 1923 г. Она была представлена, помимо А. Ф. Гуцина, целым рядом агентов, таких как Войтинский, Даеванда, Лилисань, Пруссиакин [7, с. 328–329]¹.

К 1923 г., как отмечает В. Н. Усов, уже были созданы резидентуры советской власти в Пекине и Харбине. В Шанхае же формирование советской агентурной сети, по его мнению, началось в 1921 г. Исследователь предполагает, что одними из первых разведчиков в городе были Л. В. Кацов (псевдонимы Леонидов, Шмидт Иоганн) и Христофор Интович Салнын («Гришка») [12]. М. Алексеев отмечает, что работу по организации советской агентуры в Шанхае начал первый руководитель иностранного отдела ВЧК Яков Христофорович Давтян (Давыдов). В 1923 г. он писал, что уже тогда в Шанхае была приличная агентура. Схожее замечание встречаем в коллективном труде «Очерки истории российской внешней разведки» под редакцией Е. М. Примакова [5]. Исследователи А. И. Колпакиди и Д. П. Прохоров, говоря о работе в Шанхае в годы Гражданской войны, помимо Х. И. Салнына называют ещё Л. Я. Бурлакова и В. В. Бердникова [5, с. 13; 6; 21, с. 36].

К середине 1920-х гг. резидентура в Шанхае была сформирована. В 1925 г. в Китай на помощь местным агентам было направлено 39 сотрудников разведывательно-

го управления. С того же года шанхайская резидентура подчинена созданному Пекинскому разведцентру [21, с. 95].

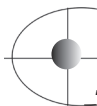
Заключение. История создания российской агентуры в китайском Шанхае растянулась более чем на двадцать лет. На необходимость сбора разведывательных данных в Китае указывали российские министры ещё в конце восьмого десятилетия XIX в. Однако процесс происходил медленно. Изначально больше официальным путём, через направленных военных агентов. Со временем пришло понимание того, что необходимо создание агентурной сети уже тайных агентов. Наибольшее развитие российская агентура получила на севере и северо-востоке страны, что предопределено Русско-японской войной 1904–1905 гг. В 1906 г. поднимается вопрос о создании российской агентуры в Шанхае. Причиной тому послужило бегство в Шанхай через японский Нагасаки определенного количества революционеров с российского Дальнего Востока и активизация ими нелегальной деятельности. Изначально целью создания агентуры была слежка именно за ними.

Отсутствовали профессионально подготовленные для подобной работы лица со знанием китайского или хотя бы английского языка. Не было средств, попытка их найти встретила, в свою очередь, отказ со стороны представителей российских органов власти.

Относительно объёмное архивное дело департамента полиции Российской империи «Об организации агентуры в Шанхае» не даёт нам представления, чем закончилась попытка создания агентурной сети в городе в 1906–1908 гг. Отсутствует чёткая картина того, как работали российские агенты в Шанхае вплоть до времени создания там резидентуры советского государства в середине 1920-х гг.

В настоящее время история разведки в Шанхае в советский период времени изучена достаточно неплохо, при этом история агентурной сети в период Российской империи требует дополнительного серьёзного внимания. Кроме раскрытия нескольких имён и ряда основных событий, связанных как правило с деятельностью военных агентов, поднятый вопрос остаётся непроанализированным. Для решения проблемы совершенно очевидно требуется основательная работа с источниками, прежде всего, с архивными документами.

¹ ГАРФ. – Ф. Р-5826. – Оп. 1. – Д. 135 (1). – Л. 43.

Список литературы

1. Звонарев К. К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Киев: Княгиня Ольга, 2005. 695 с.
2. История российской внешней разведки. Очерки: в 6 т. Т. 2. 1917–1933 / под ред. Е. М. Примакова. М.: Международные отношения, 2014. 76 с.
3. История российской внешней разведки. Русская разведка в Азии в конце XIX – начале XX века. Текст: электронный // LIVEJOURNAL. URL: <https://nickol1975.livejournal.com/10022800.html> (дата обращения: 04.06.2021).
4. Млечин Л. История внешней разведки: карьеры и судьбы. М.: Центрполиграф, 2011. 510 с.
5. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 1 / под ред. Е. М. Примакова. М.: Международные отношения, 1995. 65 с.
6. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М.: Кучково Поле, 2010. 608 с.
7. Балмасов С. С. Белоэмигранты на службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 567 с.
8. Гокон О. А., Фалько С. А. Военно-разведывательная миссия Н. Я. Шнеура и В. А. Бодиско по странам Европы, Северной Америки и Азии в 1880–1881 гг. // Гилея: научный вестник. 2016. № 115. С. 28–32.
9. Сергеев Е. Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии 1904–1905 гг. М.: КМК, 2010. 219 с.
10. Сергеев Е. Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92.
11. Сергеев Е. Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905) // Россия и АТР. 2014. № 1. С. 184–198.
12. Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-Пресс, 2002. 384 с.
13. Фалько С. А. Деятельность российской разведки в Китае в 70–80-х гг. XIX в.: проблема оценки вооружённых сил Цинской империи // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія "Історія". 2010. Вип. 42. С. 237–248.
14. Fedulenko V. V. Russian emigre life in Shanghai / An interview Conducted by Boris Raymond. Berkeley, 1967. 185 p. (Русские в Шанхае).
15. Kontenev A. M. The Status of the Russian Emigrants in China // The American Journal of International Law. 1934. Vol. 28. Pp. 562–565.
16. Newham F. The White Russians of Shanghai // History Today. 2005. No. 55. Pp. 20–27. (Русские в Шанхае).
17. Ristaino M. R. Port of Last Resort: The Diaspora Communities of Shanghai. Stanford: Stanford University Press, 2002. 84 p.
18. Wasserstein B. Secret War in Shanghai: Treachery, Subversion and Collaboration in the Second World War. New York: Bloomsbury Academic, 2017. 384 p. (В частности, деятельность разведки в Шанхае).
19. Болтунов М. Е. Дипломаты в погонах. М.: Кучково Поле, 2011. 368 с.
20. Федорова Т. В., Степанова А. В. Деятельность российской военной разведки на территории Китая в конце XIX – начале XX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-1. С. 106–110.
21. Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки: в 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 462 с.
22. Жабицкий А. К. Деятельность разведывательных органов России в Северо-Восточном Китае: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2012. 27 с.
23. Инаба Ч. Из истории разведки в годы Русско-японской войны (1904–1905). Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 222–227.
24. Мироненко С. В. Спецслужбы Японии против России: новый взгляд. Текст: электронный // Аргументы времени. Военно-патриотическое издание. URL: <http://svgbdvr.ru/istoriya/spetssluzhby-yaponii-protiv-russii-novyi-vzglyad> (дата обращения: 04.06.2021).
25. Николай Судзиловский: враг России, друг России. Текст: электронный // Союзное государство. Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. URL: <https://www.postkomsg.com/history/196547> (дата обращения: 04.06.2021).
26. Николай Судзиловский (1850–1930). Текст: электронный // Тайны веков. Загадки, истории, мистика и многое другое. URL: <https://agesmystery.ru/rubriki/lica-istorii/nikolaj-sudzilovskij-1850-1930> (дата обращения: 04.06.2021).
27. Савченко А. И. Пресса российской политической эмиграции в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М.: Московский государственный автомобильно-дорожный институт (Технический университет), 1998. 395 с.

Статья поступила в редакцию 10.06.2021; принята к публикации 27.07.2021

Сведения об авторе

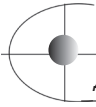
Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: drzz@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

Библиографическое описание статьи

Дроботушенко Е. В. К вопросу о создании российской агентурной сети в Шанхае в начале XX века // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 29–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-29-38.

References

1. Zvonarev, K. K. Human intelligence. Russian agent intelligence of all kinds before and during the war of 1914–1918. German secret service intelligence before and during the war of 1914–1918. Kiev: Publishing house “Princess Olga”, 2005. (In Rus.)
2. History of Russian foreign intelligence. Essays. Ed. In 6 vols. M: International relations, 2014. Vol. 1917–1933. (In Rus.)
3. History of Russian foreign intelligence. Russian intelligence in Asia in the late XIX – early XX century. LIVEJOURNAL. Web. 04.06.2021. <https://nickol1975.livejournal.com/100> (In Rus.)
4. Mlechin, L. History of foreign intelligence: careers and destinies. M: Tsentrpoligraf, 2011. (In Rus.)
5. Essays on the history of Russian foreign intelligence. Ed. In 6 vols. M: International relations, 1995. Vol. 1. (In Rus.)
6. Alekseev, M. Soviet military intelligence in China and the chronicle of the “Chinese turmoil” (1922–1929). M: Publishing House “Kuchkovo Field”, 2010. (In Rus.)
7. Balmasov, S. S. White immigrants in the service in China. M: Tsentrpoligraf, 2007. (In Rus.)
8. Gokov, O. A., Falko, S. A. Military intelligence mission of N. Ya. Shneur and V. A. Bodisko to the countries of Europe, North America and Asia in 1880–1881. Gilea: scientific Bulletin, no. 115, pp. 28–32, 2016. (In Rus.)
9. Sergeev, E. Yu. Military intelligence of Russia in the struggle against Japan 1904–1905 M: KMK, 2010. (In Rus.)
10. Sergeev, E. Yu. Military intelligence of Russia in the fight against Japan (1904–1905). Russian history, no. 3, pp. 78–92, 2004. (In Rus.)
11. Sergeev, E. Yu. Military intelligence of Russia in the fight against Japan (1904–1905). Russia and Asia-Pacific, no. 1, pp. 184–198, 2014. (In Rus.)
12. Usov, V. N. Soviet intelligence in China. The 1920s. M: OLMA–Press, 2002. (In Rus.)
13. Falko, S. A. Activity of Russian intelligence in China in the 1870s–1880s: the problem of evaluation of the armed forces of the Qing Empire. Bulletin of Kharkiv national University after V. N. Karazin. Series: History, vol. 42, pp. 237–248, 2010. (In Rus.)
14. Fedulenko, V. V. Russian emigre life in Shanghai / An interview Conducted by Boris Raymond. Berkeley. (In Engl.)
15. Kontenev, A. M. The Status of the Russian Emigrants in China. The American Journal of International Law, vol. 28, pp. 562–565, 1934. (In Engl.)
16. Newham, F. The White Russians of Shanghai. History Today, no. 55, pp. 20–27, 2005. (In Engl.)
17. Ristaino, M. R. Port of Last Resort: The Diaspora Communities of Shanghai. Stanford: Stanford University Press, 2002. (In Engl.)
18. Wasserstein, B. Secret War in Shanghai: Treachery, Subversion and Collaboration in the Second World War. New York: Bloomsbury Academic, 2017. 384 p. (In Engl.)
19. Boltunov, M. E. Diplomats in uniform. Moscow: Publishing House “Kuchkovo Field”, 2011. (In Rus.)
20. Fedorova, T. V., Stepanova, A. V. Activity of the Russian military intelligence on the territory of China in the late XIX – early XX centuries. International scientific research journal, no. 3–1, pp. 106–110, 2017. (In Rus.)
21. Kolpakidi, A. I., Prokhorov, D. P. The Empire of the GRU. Essays on the history of Russian military intelligence. In 2 vols. M: OLMA PRESS, 1999. Vol. 1. (In Rus.)
22. Zhabitsky, A. K. Activity of Russian intelligence agencies in North-Eastern China: end of XIX – beginning of XX centuries. Cand. sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2012. (In Rus.)
23. Inaba, H. From the history of intelligence during the Russo-Japanese war (1904–1905). International Telegraph communications and the interception of correspondence of the enemy. Domestic history. no. 4–5, pp. 222–227, 1994. (In Rus.)
24. Mironenko, S. V. Special Services of Japan against Russia: a new view. Arguments of time. Military-Patriotic edition. Web. 04.06.2021. <http://svgbdvr.ru/istoriya/spetssluzhby-yaponii-protiv-rossii-novyi-vzglyad> (In Rus.)

25. Nikolai Sudzilovsky: Enemy of Russia, friend of Russia. Union state. Official website of the Standing Committee of the Union state. Web. 04.06.2021. <https://www.postkomsg.com/history/196547/> (In Rus.)

26. Nikolai Sudzilovsky (1850–1930). Secrets of centuries. Riddles, Stories, Mysticism and Much More. Web. 04.06.2021. <https://agesmystery.ru/rubriki/lica-istorii/nikolaj-sudzilovskij-1850-1930> (In Rus.)

27. Savchenko, A. I. Press of Russian political emigration in the late XIX-early XX centuries. Dr. sci. diss. abstr. Moscow, 1998. (In Rus.)

Received: June 10, 2021; accepted for publication July 27, 2021

Information about author

Drobotushenko Evgeny V., Candidate of History, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: DRZZ@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

Reference to the article

Drobotushenko E. V. On the Issue of Creating a Russian Agent Network in Shanghai at the Beginning of the 20th Century // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 29–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-29-38.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 929(092)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-39-48

Александр Леонидович Калининченко,
 Книжно-журнальное издательство «Граница»
 (г. Москва, Россия),
 e-mail: lev1018@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1935-1268>

Певец забайкальского казачества: Ф. Ф. Тютчев на Русско-японской войне

Цель публикации – комплексная характеристика пребывания на Русско-японской войне 1904–1905 гг. полковника Фёдора Фёдоровича Тютчева (1860–1916), известного летописца русской армии и пограничной стражи. В работе использовались ранее не введённые в научный оборот источники, позволившие проанализировать формирование Ф. Ф. Тютчева как военного профессионала, а также конкретизировать литературно-эстетическую концепцию писателя. Ф. Ф. Тютчев, будучи на Русско-японской войне корреспондентом газеты «Новое время», оперативно передавал в редакцию «горячую» информацию о делах русского воинства. Писатель, собирая материал для будущих литературных сочинений, разговаривал с участниками японской кампании, дорожа возможностью вести беседы как с нижними чинами, находившимися на передовой, так и с генералами, от решения которых порой зависел исход боевых действий. По произведениям Фёдора Фёдоровича мы можем судить не только о событиях, которые происходили на Дальнем Востоке, но и анализировать гражданскую и авторскую позицию писателя, исследовать его философские убеждения на происходящее, уточнить мысли, сравнить оценки, данные им от увиденного и пережитого на войне. Представленная статья развивает научные идеи и традиции в области отечественной историографии, обобщая и анализируя отдельные, не известные ранее материалы о Русско-японской войне и её участниках. Ф. Ф. Тютчев, состоя в штате 1-го Аргунского полка, не только участвовал в боевых действиях, но и проявил себя как талантливый художник слова, передав в своих сочинениях правду о Русско-японской кампании, создав портретную галерею личного состава полков Забайкальского казачьего войска.

Ключевые слова: Российская империя, Русско-японская война 1904–1905 гг., Ф. Ф. Тютчев, П. И. Мищенко, П. К. Ренненкампф, Забайкальское казачье войско, газета «Новое время»

Alexander L. Kalinichenko,
 Book and Magazine Publishing House "Granitsa"
 (Moscow, Russia),
 e-mail: lev1018@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1935-1268>

Singer of the Trans-Baikal Cossacks: F. F. Tyutchev in the Russian-Japanese War

Russian Army and Border guard Colonel Fyodor Fyodorovich Tyutchev (1860–1916), a well – known chronicler of the Russian army and the border guard, served in the Russo-Japanese War of 1904–1905. The purpose of the publication is a comprehensive description of the stay in the Russo-Japanese War of 1904–1905. The work used sources that had not been previously introduced into scientific circulation, which allowed analyzing the formation of F. F. Tyutchev as a military professional, as well as concretizing the literary and aesthetic concept of the writer. Russian-Japanese War correspondent F. F. Tyutchev, being a correspondent of the newspaper *Novoe Vremya*, promptly transmitted "hot" information about the affairs of the Russian army to the editorial office. The writer collecting material for future literary works talked with the participants of the Japanese campaign, valuing the opportunity to have conversations not only with the lower ranks who were on the front line but also with the generals whose decisions the outcome of hostilities sometimes depended on. According to the works by Fyodor Fedorovich, we can judge not only the events that took place in the Far East but also analyze the writer's civil and author's position, investigate his philosophical beliefs on what is happening, clarify his thoughts, compare the assessments given to him from what he saw and experienced in the war. The presented article develops scientific ideas and traditions in the field of national historiography, generalizing and analyzing individual, previously unknown materials about the Russian-Japanese war and its participants. F. F. Tyutchev, being on the staff of the 1st Argun regiment not only participated in the fighting but also proved himself as a talented artist of the word, conveying the truth of the Japanese campaign in his writings, creating a portrait gallery of the personnel of the regiments of the Trans-Baikal Cossack army.

Keywords: The Russian Empire, the Russian-Japanese War of 1904–1905, F. F. Tyutchev, P. I. Mishchenko, P. K. Rennenkampf, the Trans-Baikal Cossack Army, the newspaper *Novoe Vremya*

© Калининченко А. Л., 2021

Введение. Фёдор Фёдорович Тютчев¹, помощник старшего адъютанта штаба Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), кавалер ордена Святой Анны III степени в январе 1904 г. подал рапорт об определении его в действующую армию. Он, следуя всеобщему патриотическому порыву соотечественников, отправился добровольцем на Дальний Восток защищать Отечество.

Есаул Ф. Ф. Тютчев на Русско-японской войне
Esaul F. F. Tyutchev in the Russian-Japanese War

«Не из выгод, не из корысти, единственно из чувства патриотизма ушёл я на войну...»², – так оценивал Фёдор Фёдорович свой поступок. Вскоре высочайшим приказом по военному ведомству от 17 февраля 1904 г. и приказом № 8 от 20 февраля 1904 г. управляющего Министерством финансов 43-летнего ротмистра пограничной стражи Ф. Тютчева перевели в 1-й Аргунский полк

¹ Чагин Г. В., Щемелева Л. М. Тютчев Фёдор Фёдорович // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. Б. Ф. Егоров. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. – Т. 6. С–Ч. – 656 с. – С. 361–363.

² Архив литературного музея имени Ф. И. Тютчева в Мураново Московской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 576.

Забайкальского казачьего войска «с переименованием его в есаулы»³.

Об этом крутом выраже в жизни Ф. Ф. Тютчева его дочь Надежда Фёдоровна вспоминала: «Товарищи по штабу ОКПС устроили ему тёплые проводы и подарили ему именную шашку, с которой он никогда не расставался»⁴.

Тютчев, не без основания считая себя подготовленным офицером, переодевшись в казачью форму, отправился на Дальний Восток, чтобы поскорее применить свой командирский опыт в военном деле. Бережно, как и личное боевое оружие, в кармане формы офицера хранилось полученное им накануне удостоверение корреспондента газеты «Новое время»⁵. Состоявшийся писатель, он, по договорённости с главным редактором этой газеты А. С. Сувориным⁶, намеревался оперативно и правдиво рассказывать своим читателям о происходящем в Маньчжурии.

К тому времени Тютчев уже имел большой опыт творческого сотрудничества. Так, успешно совмещая военную службу на границе, Фёдор Фёдорович регулярно печатался в известных тогда периодических изданиях: «Русский вестник», «Исторический вестник», «Военный сборник», «Природа и люди», «Разведчик», «Русский паломник», «Нива», «Живописное обозрение», других петербургских и московских журналах и газетах [1].

Офицер Ф. Ф. Тютчев, отправляясь на Русско-японскую войну, рискуя своим здоровьем и даже жизнью, вряд ли мог предположить, что этот период сложится для его военной карьеры весьма успешно. Анализируя послужной список офицера Ф. Тютчева, можно сделать вывод, что командование высоко оценило его боевые заслуги. За отличие и личную храбрость в сражениях с японцами есаул Ф. Тютчев был награждён орденами:

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 173974 (послужной список Ф. Ф. Тютчева).

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 505. – Оп. 1. – Ед. хр. 198. Крайняя дата: после 1935 г.

⁵ Газета «Новое время» выходила в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1868–1917 гг., сначала 5 раз в неделю, с 1869 г. – ежедневно. Редакцию лихорадило до 1876 г., когда газету выкупил А. С. Суворин с сыновьями. Разовый тираж в лучшие её годы составлял более 60 тыс. экз.

⁶ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – издатель, писатель, журналист, театральный критик и драматург.

Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» (6 августа 1904 г.), Святого Станислава II степени с мечами (15 октября 1904 г.), Святой Анны II степени с мечами (30 ноября 1904 г.), Святого Владимира IV степени с мечами и бантом (3 марта 1905 г.) – и произведён в войсковые старшины.

Заслужить четыре боевые награды менее чем за год и повышение в чине – большая редкость в те времена. Обладая качествами, присущими неустрашимым и храбрым людям, Ф. Тютчев не выделялся выдающимися физическими данными. В рассказе «Три портрета»¹ он представляет читателям автопортрет: «Есаул Т. небольшого роста, сутуловатый, пожилой офицер, в очках, казался задумчивым...».

О некоторых примерах воинской доблести офицера Ф. Тютчева нам стало известно из его дневников, писем и опубликованных очерков. Например, подробности своего рейда в тыл японцев он описал в рассказе «Три портрета». За храбрость и умелое руководство возглавляемой им сотней казаков, проявленные при выполнении задания, есаула Тютчева наградили орденом Святого Владимира IV степени с мечами. О его решительных действиях в разведке у селения Сахоян рассказали его коллеги – журналисты авторитетного в ту пору художественного альбома в статье «Русско-японская война на суше и на море» (1905), поместив фотопортрет героя с текстом: «Есаул 1-го Аргунского полка Ф. Тютчев отличился при разведке у Сахояна (корреспондент «Нового времени» – Эфтэ)»².

Личное участие в сражениях на войне с Японией, множество впечатлений от более чем двухлетнего его пребывания в Маньчжурии дали ему множество интересного материала для написания романа «Финал или увертюра». Кроме того, события Русско-японской войны 1904–1905 гг. нашли отражение в повести «На призыв сердца»³, написав о которой, Ф. Тютчев в письме публицисту

¹ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 226.

² Крит М. Н. Русскояпонская война на суше и на море: художественный альбом. – СПб.: Изд-во В. Березовского, 1905. – Вып. 6 (1-й и 2-й полувыпуски). – 170 с. – С. 134.

³ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 309.

Б. Б. Глинскому⁴ подчёркивал «истинность» произведения – она не «плод фантазии, а почти что исторический документ», как и повесть «Сила любви»⁵.

Отметим, что военные эпизоды, жизнь и природа Маньчжурии, наблюдения над национальными свойствами японцев, китайцев и собственно русских солдат занимают в произведениях автора значимое место. В центре сюжета его сочинений – жертвенная любовь двух сестёр милосердия из дворянских семей, отправившихся с риском для жизни за линию фронта спасать из японского плена мужа и жениха [2, с. 5–14].

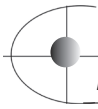
Силу русского духа, несгибаемость перед врагом, яркий национальный колорит, подчёркивающий казацкую удаль забайкальцев, их находчивость и храбрость, автор отразил в рассказах «Пари», «Мандолина», «Загадка», «Крещение огнём», «Под пулемётами», очерках «Георгиевские кавалеры», «Смелая разведка», «Путь страданий», «Сестрицы», «Из японского плена», «Санитарный поезд» и других сочинениях.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обращения к опыту деятельности военных исторических личностей, прославившихся не только ратным делом, отстаивая интересы России, но и правдиво запечатлевших в литературных сочинениях эпоху, в которой жили. Контент их произведений особенно востребован в настоящее время с целью противостоять фальсификации отечественной истории, стремиться к единению народов России.

При обосновании и аргументированности исследования использовались документы и материалы отечественных архивов и библиотек. Материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) содержат наиболее многочисленную и важную информацию о событиях Русско-японской войны, Первой мировой войны, сведения по истории ОКПС, послужные списки офицеров пограничной стражи. В качестве методологической литературы за основу взяты труды научных деятелей С. А. Венгерова, У. К. Аишевой, Т. Т. Давыдовой, М. М. Бахтина, Б. А. Леонова, Г. В. Чагина, В. Н. Аношкиной и др.

⁴ Глинский Борис Борисович (1860–1917) – историк, публицист, сотрудник журнала «Исторический вестник».

⁵ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 365.

Методология и методы исследования. Работа построена на принципах историзма и научной объективности. При разработке темы применялись общенаучные и специальные научно-исторические методы познания. Так, историко-генетический, историко-сравнительный использовался при рассмотрении и исследовании художественных произведений, очерков Ф. Тютчева с войны; историко-системный – для структуризации и систематизации ранее не использовавшегося фактического материала о жизни и творчестве Ф. Ф. Тютчева. Кроме того, автором применялись методы: ретроспективный, культурно-исторический, историко-литературный, историко-типологический, историко-биографический.

Результаты исследования и их обобщение. Первая корреспонденция с Русско-японской войны за подписью «Эфтэ» опубликована в марте 1904 г. в газете «Новое время». Писатель, направляясь на фронт, в очерке «Байкал»¹ увлекательно поведал читателям о переправе через одноимённое озеро,двигающихся на фронт русских частей. Природная красота Дальнего Востока, по мнению автора, вызывала восторг у людей, следовавших на войну в Маньчжурию.

Ф. Тютчев отмечал, что неожиданно, даже для человека военного, было видеть огромное количество повозок, перевозивших пассажиров с поезда по озеру, на берегу которого обрывался Великий Сибирский железнодорожный путь². Писатель признавался, с каким огромным интересом он наблюдал за продвижением по льду воинских обозов, внешне выделявшихся организованностью и подготовленностью к большому переходу по местности со сложным рельефом, в суровых условиях зимнего Забайкалья. Как профессионал офицер Ф. Тютчев высоко оценивал действия подразделений, встречавшихся ему на марше: «И лошади были в настоящем “походном теле”, и люди выглядят молодцами»³.

Ф. Тютчев, удовлетворённый новыми впечатлениями от увиденного в Забайкалье

¹ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 255.

² Великий Сибирский железнодорожный путь – Транссибирская магистраль (Транссиб) была заложена в 1891 г. Протяжённость железной дороги – 7,5 тыс. км.

³ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 258.

и на Дальнем Востоке, от встреч с незнакомыми людьми, сообщал в редакцию газеты «Новое время»: «Настроение у всех едущих на войну прекрасное»⁴.

Анализируя материалы авторитетного издания, приходим к выводу, что тема Русско-японской войны 1904–1905 гг. была в приоритете редакционной политики газеты «Новое время». Для полного и оперативного освещения событий в Маньчжурии руководство редакции газеты вместе с главным редактором А. С. Сувориным привлекало к сотрудничеству лучшие творческие силы. Несмотря на имевшуюся конкуренцию материалов на газетной полосе, корреспонденции, подготовленные Ф. Ф. Тютчевым, печатались регулярно. Его актуальные материалы отличались от публикаций других авторов живостью языка, простотой в изложении событий, происходящих на фронте. Ф. Тютчев, правдиво передавая динамику разворачивающихся военных действий, создавал у читателя ощущение его личного присутствия в различных фронтовых ситуациях: в бою, разведке, санитарном поезде, на командном пункте или на похоронах погибших в бою солдат [3, с. 5–32].

Когда на театре военных действий дела складывались не в пользу русского оружия, редакция газеты «Новое время» меняла тональность и стиль подачи материалов. Со временем сузилось её жанровое разнообразие, со страниц газеты исчезли бравурность и предвкушение лёгких побед над врагом.

В публикациях редакция всячески уходила от показа «суровой правды» событий, сохраняя у читателей оптимизм, уверенность, пытаясь «не раскачивать качели» в трудный период жизни для России, вступившей в пору революционных событий. Подобная установка для журналистов редакции исходила из существовавших политических реалий, в которых оказалось государство. На наш взгляд, по этой причине отдельные материалы Эфтэ, как и других корреспондентов, появлялись на газетных полосах в значительно сокращённом виде, отличаясь от авторского рукописного варианта. Так, в объёмной корреспонденции «Путь страданий»⁵ на газетной полосе осталось лишь общее описание боя в районе селения Каотайдзы в сентябре 1904 г. Обнаруженный нами оригинал материала доказывает существенную редакционную правку. В числе

⁴ Там же. – С. 259.

⁵ Там же. – С. 437.

других сокращений не попали на газетную полосу изображённые автором некоторые сцены страданий раненых русских солдат, которые в редакции сочли слишком жестокими для их публичного показа.

По жанровой принадлежности «маньчжурские» рассказы Ф. Тютчева, опубликованные в «Новом времени», находятся на границе между репортажем и художественной прозой: фамилии отдельных героев публикаций явно вымышленные (по требованию военной цензуры. – *Примеч. авт.*), но читатель знает, что за ними стоит автор, который мог бы сказать: «Я там был». Ф. Тютчев в сочинениях, оформленных как хроники с места, где находился репортёр, оставляя следы дневникового повествования, описывал событие от первого лица.

Проанализировав материалы послужного списка офицера, изучив свидетельства его сослуживцев, прочитав имеющиеся публикации автора, приходим к выводу, что, попав на фронт, есаул Ф. Тютчев не отсиживался в штабах. Очень скоро ему пришлось применить свой командирский опыт и практические навыки, накопленные на границе в схватке с контрабандистами, и кавалерийское мастерство, приобретённое в Тверском кавалерийском юнкерском училище.

Первое боевое крещение есаул Ф. Тютчев принял в расположении войск под начальством генерал-лейтенанта П. К. Ренненкампа. В апреле 1904 г. он, возглавляя сотню казаков 1-го Аргунского полка, участвовал в разведке местности, занятой японцами, от селения Саймадзы в направлении к городам Кундяньсянь и Юндяпу¹. В мае 1904 г. Ф. Тютчев как опытный офицер был задействован в усиленной разведке на местности от селения Саймадзы до окраин города Фын-хуан-чэна².

Свои впечатления от увиденного в боевой обстановке, множественных встреч на передовой с солдатами и авторитетными командирами писатель описал в очерке «Авангард генерала Ренненкампа»³, точно подмечая особенности характера своих литературных героев, указывая на источники, откуда черпались силы русских воинов, со-

¹ РГВИА. – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 173974 (послужной список Ф. Ф. Тютчева).

² Там же.

³ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 277.

вершавших героические поступки в экстремальной боевой обстановке.

Писатель, находясь на передовой линии фронта, не выпускал из виду примечательные случаи, произошедшие в самом тылу японских сил, которые характеризовали высокий уровень подготовки казаков. Так, увлекательно описан эпизод, произошедший с хорунжим Батуриным, который с 14 казаками из 1-го Аргунского полка, разведывая местность, прошёл по долине Бадаухэ в середину неприятельского расположения. Оказавшись в окружении, хорунжий Батурин, совершив тактический манёвр, уничтожив значительное количество японцев, в тот же день поздно вечером благополучно присоединился к отряду генерала П. К. Ренненкампа, сохранив жизни подчинённых, не потеряв ни одной лошади, проявив завидную храбрость, отменную выучку и смекалку.

Как военный корреспондент Ф. Тютчев, хотя и был прикомандирован к 1-му Аргунскому полку, по согласованию со штабом Главнокомандующего русскими войсками на Дальнем Востоке имел возможность перемещаться на всём театре военных действий. Так, в июле-августе 1904 г. он, выполняя задание газеты «Новое время», участвовал в боевых действиях в составе войск 4-го Сибирского корпуса под командованием генерал-майора П. И. Мищенко, где ему пришлось «нюхнуть пороху». В составе передовых частей Ф. Тютчев также находился в дальней разведке местности, занятой неприятелем, в районе ближе к селениям Кутятдзы-Мугой, Сяхотань⁴. Офицеру доверили возглавить отряд в составе одной сотни 1-го Читинского казачьего полка, а также пешую и конную охотничью команду 8-го Томского пехотного полка. В 1904 г. 10, 11, 18 июля Ф. Тютчев участвовал в боях вблизи селений Циэрлгоу, Танчи и Кангаулинь, Цаомяодзы. Позднее, 20 августа 1904 г., офицер Ф. Тютчев действовал в ночном бою у селения Сыквантунь⁵.

В одной из ночных разведок есаул Ф. Тютчев во главе группы казаков 1-го Читинского казачьего полка под прикрытием двух рот 8-го Омского пехотного полка под сильным огнём противника у селения Иншаугоу⁶ вывез в безопасное место раненого

⁴ РГВИА. – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 173974 (послужной список Ф. Ф. Тютчева).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

офицера, оставшегося после атаки на японских позициях.

В очерке «Редут у Шахедзы»¹, вышедшем в 1904 г. в апрельском номере «Нового времени», писателем подробно описано построение оборонительных порядков русских войск, где автор справедливо замечал, что «соотечественники проявляют как будто излишнюю доверчивость и гуманность как к китайцам, так и корейцам, забывая, что жители восточных стран к подобному отношению относятся своеобразно, принимая доброту за слабость».

В своих материалах Ф. Тютчев уважительно отзывался о противнике, делился своими наблюдениями, подчёркивая, что осторожность, проявляемая японцами, граничит с трусостью. Например, он отмечал, что их кавалерия уклонялась от всяких столкновений с казаками. Встречалось, когда японский разъезд силами до 20 человек «улепётывал» от наших «трёх-четырёх казаков».

Как офицер чести Тютчев не умалял достоинств врага. Он изображал японскую армию как «компактное единое целое, объединённое общим духом, а её солдаты – упорные и храбрые воины», но они, по мнению автора, были такими же людьми, как и другие, не имевшими ничего сверхчеловеческого. Многие участники войны свидетельствовали в воспоминаниях, как японские офицеры, не говоря уже о солдатах, бросались на колени, поднимая руки вверх, просили русских воинов о пощаде. Часто бегство японских солдат с боевых позиций собственные войска встречали огнём, чтобы удержать их от отступления [4, с. 201].

В корреспонденциях с войны Ф. Тютчев охотно рассказал о силе и слабости врага, но в большей мере его интересовала жизнь и служба русских войск. Он, описывая проведённые войсковые операции, оценивал тактическую выучку подразделений, их умение успешно и бесстрашно действовать в бою. Писатель обращал внимание читателя на отдельные «мелочи», от которых в решающих схватках с врагом зависел успех в боевом манёвре.

На боевых позициях писатель внимательно прислушивался к разговорам сослуживцев. Отдельные из них упоминали в том числе и о безопасности офицеров, находившихся вблизи неприятеля. Например, с

¹ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 263.

благоразумной осторожностью японцы одевают своих офицеров в форму, очень мало отличающуюся от формы своих солдат. В подразделениях же российских войск, подчёркивает Тютчев, можно было наблюдать иную картину: «У большинства наших офицеров пальто светлое, что издали, на фоне солдатской тёмно-серой массы, сильно выдаёт их и привлекает внимание японцев, не упускающих случая стрелять по офицерам»². Этим объясняли штабисты большие потери офицеров по сравнению с нижними чинами [5, с. 237].

Как свидетельствовали военные специалисты, в том числе и зарубежные, Русскую армию подводили устаревшая тактика и отсутствие защитной формы защитного цвета «хаки», на которую под влиянием британских военных советников переходили японцы. Противник превосходил русских и в умении маневрировать, незаметно перебрасывая на их фланги целые дивизии [6–10].

Корреспондент Ф. Тютчев, находясь в районе реки Шахедзы с 25 сентября по 5 октября 1904 г. в составе группировки войск под командованием генерал-лейтенанта М. М. Иванова, подробно передал напряжённость и тревогу, сложившиеся на оборонительных рубежах, как художник слова, сравнивая две противоборствующие армии «с притаившимися чудовищами, готовыми ринуться один на другого».

С 18 по 26 февраля 1905 г., будучи в распоряжении командира 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта М. М. Иванова, в боях под Мукденом Ф. Тютчев из штаба главнокомандующего как храбрый офицер неоднократно командирован с оперативными донесениями на передовые позиции. Кроме того, офицер Ф. Тютчев, рискуя жизнью, участвовал в самых кровопролитных сражениях, разыгравшихся в районе реки Шахэ под Ляояном и Мукденом³. По оценке военного историка А. А. Керсновского⁴, потери русских войск на этом участке были очень велики: «...но от генерала до рядового – никто не пал духом» [11, с. 142].

Огромное впечатление произвело на писателя знакомство в июле 1904 г. с генерал-майором Павлом Ивановичем Мищенко.

² Там же. – С. 322.

³ РГВИА. – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 173974 (послужной список Ф. Ф. Тютчева).

⁴ Керсновский Антон Антонович (1907–1944) – публицист, военный историк, автор книги «История Русской армии».

Как и большинство сослуживцев, Ф. Тютчев высоко ценил за мужество командующего российскими войсками на Дальнем Востоке, наделённого безграничным патриотизмом, «не искавшего выгод на войне»¹.

Несмотря на мужество отдельных генералов, таких как П. И. Мищенко, героизм русских солдат и офицеров, война была уже безнадежно проиграна. В своих корреспонденциях Ф. Ф. Тютчев пытался указать на отдельные, понятные ему причины этого поражения [4, с. 112–143]. К сожалению, пораженческие настроения всё больше охватывали войска, но военный корреспондент Ф. Тютчев по-прежнему писал об истинных героях войны, офицерах и солдатах, честно выполнявших свой воинский долг [12, с. 17].

В сочинениях писателя Ф. Тютчева мы выделяем особые черты его творчества – жизнелюбие, приверженность к реалистической манере письма, вместе с тем, тяготение к романтике, изображение образа простых людей, окружавших его в жизни: на войне, в пограничном дозоре, в быту. Например, о происходящем на войне он писал объективно, его внимание не обходило человеческое горе, кровь и смерть. Война для Ф. Тютчева – представлялась ситуацией экстремальной, способствующей максимальному проявлению чувств, оголявшей человека, показывающей его таким, какой он есть. Типичным представителем его литературных героев является персонаж рассказа «Загадка»² солдат Фролов, уничтоживший на войне более десятка вражеских солдат. На философский вопрос, заданный ему офицером, о справедливости убийства людей на войне из-за укрытия стрелок Фролов уверенно отвечал: «Божественно и справедливо защищать свою родину от врагов – любимым способом». Подобный поступок русского солдата оправдывает один из величайших Отцов церкви Афанасий Великий³: «Непозволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» [13, с. 127].

Литературовед Б. А. Леонов о таких русских солдатах, как Фролов писал: «Подвиг для него, как и для тысяч таких, как он, – это

экзамен на зрелость духа, на верность родной земле»⁴.

Ф. Ф. Тютчев, представляя в сочинениях образ русского солдата, соглашался с бытовавшим в литературе мнением, что «наш солдат вынослив, он привык ко всяким лишениям, покорно, без ропота переносит их». Вместе с тем качество русской армии отражало состояние культурного уровня страны (каков народ – такова и армия. – *Примеч. авт.*), а по уровню жизни и образованности населения России серьёзно отставала от европейских стран и Японии [14, с. 426–450].

Анализируя тексты Ф. Тютчева «маньчжурского» периода, мы наблюдаем, как писатель восторгался в своих сочинениях русскими необыкновенными «воинами-богатырями». Находясь в среде мужественных и смелых людей, а казачество во все времена считалось символом воинской доблести, впитывал их культуру и традиции. Так, в очерке «Под крылом смерти» автор характеризует чрезвычайно развитых, хладнокровных и беззаветно храбрых казаков-забайкальцев. Перед атакой вражеских редутов писатель, глядя на кавалериста, передаёт читателю свои чувства восхищения: «Если такой сокол налетит, то плохо будет. Тяжела казачья рука, остра казачья шашка, неотразима страшная пика, могуч грудью крепкий казачий конь»⁵.

Ф. Тютчев, описывая боевые картины, показывая воинов, отчаянно сражавшихся с врагом, выражал тем самым огромную надежду на победу, сознание русской несокрушимой силы. Он признавался, что в период общего подъёма с жадным любопытством вглядывался в лица солдат и офицеров, старался прочесть волнуемые их в эту минуту чувства: «У большинства, в особенности у молодёжи, восторг так и сиял в глазах. Видно было, как искренне захватило всех чувство, то славное чувство, которое именуется патриотизмом. Каждый как бы ощущал в себе мощь всей России, с гордостью сознавая в то же время, что он стоит здесь стражем её чести, её тысячелетней боевой славы»⁶.

Писатель подтверждал мысль о том, что русский солдат в бою – стоек в отражении

¹ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 348.

² Там же. – С. 211.

³ Афанасий Великий – православный великий отец.

⁴ Леонов, Б. А. Граница в огне. Рубежи подвига. – М.: Граница, 1999. – 726 с. – С. 715.

⁵ Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 324.

⁶ Там же. – С. 329.

атак и отважен в наступлении, пока налицо есть руководитель с такими же качествами, пока он в строю, но, «как только командир выбывает из него, солдаты теряются, как цыплята, от которых отнята мать»¹.

Отмечая доблесть солдат и офицеров, Ф. Тютчев видел различные типажи. Отдельным из них писатель посвящал проникновенные строки. Так, в очерке «Под крылом смерти» автор пишет: «Мне особенно врезалась в память одна фигура. Пожилой, очевидно, призванный из запаса унтер-офицер с широкой могучей грудью, приземистый, большеголовый, с густой, веером лёгшей ему на грудь, слегка курчавой рыжей бородой. Что-то львиное чудится во всей этой мускулистой фигуре, и голос у него как у льва, глухой, угрожающий. Я невольно представил его себе в бою. И много таких молодцов среди этой серой, загорелой, потной толпы, мимо которой мы проезжали с чувством невольного почтения и уважения к их будущей доблести, к их будущим мукам»².

Ф. Тютчев дорожил доверием к нему командиров как к военному профессионалу, имевшему боевой опыт. Так, 12 октября 1904 г. по приказу генерал-лейтенанта К. В. Сахарова он участвовал в дальней рекогносцировке в окрестностях селения Людзятунь³. В июле 1905 г. есаул Ф. Тютчев в составе 1-го Верхнеудинского казачьего полка, входившего в отряд генерал-майора В. И. Гурко, находился в усиленной разведке на территории Монголии в городе Бофан-фу⁴.

Несколько очерков из японской кампании Ф. Тютчев посвятил самоотверженному труду военных медиков, санитаров, сотрудников Красного Креста, от которых на войне многое зависело в оказании помощи солдатам и офицерам. Фёдор Фёдорович лично оценил заботливые руки медиков, когда внезапно наступила угроза его здоровью.

Заключение. В Маньчжурии Ф. Ф. Тютчев, как и большинство его сослуживцев, мужественно перенёс многие страдания. О них писатель говорил мало, делился впечатлениями лишь с близкими для него людьми.

¹ Священник Холмогоров А. В осаде: воспоминания порт-артурца. – СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1905. – 160 с. – С. 120–137.

² Тютчев Ф. Ф. Пограничник Российской империи. Кровавые дни: роман, повести, рассказы. – М.: Граница, 2016. – 560 с. – С. 324.

³ РГВИА. – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 173974 (послужной список Ф. Ф. Тютчева).

⁴ Там же.

Так, своему брату по отцу Ивану Фёдоровичу Тютчеву Фёдор Фёдорович писал: «К несчастью, война отняла моё здоровье. Я сильно простудился, и теперь у меня туберкулёз, последствием чего является необходимость выйти в отставку»⁵.

В июле 1906 г. подполковник Ф. Тютчев, вернувшись с Маньчжурии, к своему удовлетворению, продолжил службу в подразделениях ОКПС, где Фёдор Фёдорович по-прежнему продуктивно совмещал службу с творчеством, активно используя в сочинительстве накопленный материал о событиях Русско-японской войны 1904–1905 гг. [15].

Участие офицера Ф. Тютчева в Русско-японской кампании сильно повлияло на его формирование как военного профессионала. На поле брани офицер показал свою неустрашимость, войсковую и тактическую выучку, укрепив свои навыки командования при выполнении боевых заданий вверенными ему подчинёнными численностью от сотни казаков до роты пехотинцев. По записям его донесений с передовой линии фронта в штаб полка можно судить о высокой штабной культуре офицера, что помогло ему безошибочно оценивать обстановку в бою, принимать верное решение, отдавая приказ.

Примечательно, что произведения Ф. Ф. Тютчева о «злополучной» Русско-японской войне 1904–1905 гг. как «документальное свидетельство» в настоящее время проясняют отдельные разногласия в продолжающейся полемике в обществе об итогах, событиях, масштабах, происшедших в Маньчжурии военных действий, их характере, тактике, используемой противоборствующими сторонами. Он, один из немногих писателей, показал, как раскрывался военный талант русских полководцев – генералов П. И. Мищенко, П. К. Ренненкампа, Н. П. Линевича и др. Ф. Тютчев в своём творчестве поддерживал мнение патриотов, критиковавших профессиональную несостоятельность отдельных дипломатов, государственных деятелей в вопросах отстаивания интересов России на Дальнем Востоке. Его произведения поднимали дух русского народа и его армии, чтобы успешно противостоять врагу Отечества.

Дальнейшее изучение военной и литературной деятельности Ф. Ф. Тютчева

⁵ Архив литературного музея имени Ф. И. Тютчева в Мураново Московской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 576.

позволяет ввести в научный оборот новые, ещё не известные научной общественности документы и материалы. Они дадут возможность не только посмотреть под новым углом зрения на некоторые военные и политические аспекты таких крупных исторических проблем в начале XX в., как Русско-японская и Первая мировая войны, охрана границ Российской империи, но и определить перспективные направления будущих комплексных научных исследований.

Таким образом, Ф. Ф. Тютчев, находясь на Русско-японской войне 1904–1905 гг. с 12 января 1904 по 15 июля 1906 г., выдержал проверку на прочность как кадровый офицер, получив солидный боевой опыт¹.

Писатель Ф. Тютчев, описывая боевые картины, показывая воинов, отчаянно сражавшихся с врагом, выражал тем самым мощную надежду на победу, сознание русской несокрушимой силы, что очень актуально в настоящее время для консолидации разрозненных политических сил российского общества, чтобы давать отпор лживым утверждениям о несостоятельности государства и её армии противостоять возможной агрессии со стороны враждебных сил.

Творчество Ф. Ф. Тютчева в «маньчжурский» период относится к особому художественному явлению в русской литературе, писателя справедливо можно назвать певцом забайкальского казачества.

Список литературы

1. Нифагина Н. Н. Могучие звуки сердца: вступительная статья к сборнику произведений Ф. Ф. Тютчева. М.: Граница, 2013. С. 5–14.
2. Нифагина Н. Н. Проза Ф. Ф. Тютчева о героизме русского солдата. Война глазами писателя и гражданина: вступительная статья к сборнику произведений Ф. Ф. Тютчева. М.: Граница, 2014. 560 с.
3. Чагин Г. В., Нифагина Н. Н. Сын поэта, русский бытописатель: вступительная статья к сборнику произведений Ф. Ф. Тютчева. СПб.: Росток, 2011. Т. 3. 672 с.
4. Табурно И. П. Правда о войне. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1905. 233 с.
5. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1910.
6. Westwood J. N. Russia Against Japan, 1904–1905: A New Look at the Russo-Japanese War. New York: State Univ of New York Pr., 1986. 183 p.
7. Screen John Ernest Oliver. The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service. 1809–1917. London, 1976. 259 p.
8. Wirschafter Elise Kimerling. From serf to Russian soldier // Princeton university press. Cop. 1990. Vol. XIX. 214 p.
9. The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–1905 / Editor David Wells, Sandra Wilson. New York: Palgrave Macmillan, 1999. 229 p.
10. Schimmelpenninck Van Der Oye, D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire And the Path to War With Japan / David Schimmelpenninck Van Der Oye. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. 345 p.
11. Керсновский А. А. История Русской армии: в 4 т. / коммент. С. Нелиповича. М.: Голос, 1994. 334 с.
12. Белавенец П. И. Статья о храбрости полковника Ф. Ф. Тютчева // Герои и трофеи Великой народной войны. СПб., 1916. Вып. 2. 25 с.
13. Правила святых Апостолов и святых отец с толкованиями. М.: Русский Хронограф, 2020. 605 с.
14. Куропаткин А. Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. М.: Полигон, 2003. 638 с.
15. Вороничев О. Е. О жанрово-стилистических особенностях языка исторического романа Ф. Ф. Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» // Русский язык в школе. 2017. № 12. С. 47–51.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021; принята к публикации 21.07.2021

Сведения об авторе

Калиниченко Александр Леонидович, редактор, Книжно-журнальное издательство «Граница»; 115093, г. Москва, Большая Серпуховская ул., 19/37, стр. 1; e-mail: lev1018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1935-1268>.

Библиографическое описание статьи

Калиниченко А. Л. Певец забайкальского казачества: Ф. Ф. Тютчев на Русско-японской войне // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 39–48. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-39-48.

¹ РГВИА. – Ф. 2650. – Оп. 1. – Ед. хр. 10.

References

1. Nifagina, N. N. Mighty sounds of the heart: Introduction to the collection of works by F. F. Tyutchev. Moscow, Granitsa publ., 2013. (In Rus.)
2. Nifagina, N. N. Prose, F. Tyutchev's prose about the heroism of Russian soldiers. War through the eyes of a writer and a citizen: Introduction to the collection of proc. by F. F. Tyutchev. Moscow, Granitsa publ., 2014: 5–14. (In Rus.)
3. Chagin, G. V., Nifagina, N. N. Son of a poet, Russian writer on matters of everyday life: Introduction article to the collection of prose by F. F. Tyutchev. St. Petersburg: Rostok publ, 2011. Vol. 3, semi-volume 1: 5–32. (In Rus.)
4. Taburno, I. P. The truth about the war. St. Petersburg: Ed. Suvorina, 1905. (In Rus.)
5. Russian-Japanese War, 1904–1905 The work of the military-historical commission on the description of the Russian-Japanese War. St. Petersburg, 1910. 9 vol. (In Rus.)
6. Westwood, J. N. Russia Against Japan, 1904–1905: A New Look at the Russo-Japanese War. State Univ. of New York Pr., 1986. (In Engl.)
7. Screen, John Ernest Oliver. The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service. 1809–1917. London, 1976. (In Engl.)
8. Wirtschafter, Elise Kimerling. From serf to Russian soldier. Princeton university press. Cop. 1990 XIX. (In Engl.)
9. The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–1905 / Editors David Wells, Sandra Wilson. Palgrave Macmillan, 1999. (In Engl.)
10. Schimmelpenninck, Van Der Oye, D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War With Japan / David Schimmelpenninck Van Der Oye. Northern Illinois University Press, 2006. (In Engl.)
11. Kersnovsky, A. A. The history of the Russian Army / Publ. V. Khlodovsky; comm. S. Nelipovich. Moscow: Golos publ, 1994. (In Rus.)
12. Belavenets, P. I. Article about the bravery of Colonel F. F. Tyutchev. Heroes and trophies of the Great People's War. St. Petersburg, 1916. Issue 2. (In Rus.)
13. Rules of the Holy Apostles and Holy Fathers with interpretations. Moscow, Russia Hrongraf publ., 2020. (In Rus.)
14. Kuropatkin, A. N. Notes of General Kuropatkin on the Russian-Japanese War. Results of the war. Moscow, 2012. (In Rus.)
15. Voronichev, O. E. On the genre and stylistic features of the language of the historical novel by F. F. Tyutchev "On the rocks and valleys of Dagestan". Scientific and methodological journal "Russian language in School", no. 12, pp. 47–51, 2017. (In Rus.)

Received: June 28, 2021; accepted for publication July 21, 2021

Information about author

Kalinichenko Alexander L., Editor, Book and Magazine Publishing House "Granitsa"; 1 building, 19/37 Bolshaya Serpukhovskaya st., 115093, Moscow; e-mail: lev1018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1935-1268>.

Reference to the article

Kalinichenko A. L. Singer of the Trans-Baikal Cossacks: F. F. Tyutchev in the Russian-Japanese War // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 39–48. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-39-48.

АРХЕОЛОГИЯ: ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ

ARCHEOLOGY: THE ORIGINS OF CULTURE

УДК 902.2:550.838

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-49-61

Алхуссейни Амир Хамид Саффах,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань, Россия),
e-mail: safah436@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8252-542X>

Магнитометрические методы в археологии (на примере раскопок в г. Урук, Ирак): систематический обзор литературы

В статье рассматриваются различные теоретические точки зрения и концепции, существующие в современной литературе по проблеме концептуализации магнитометрии в аспекте археологических исследований. Цель статьи – систематизировать характеристики магнитометрических методов путём изучения того, как в литературе описывается конвергенция вопросов магнитометрии и археологических раскопок, а также определить области для будущих исследовательских разработок. При проведении данного исследования использовались такие общенаучные методы, как системный подход, анализ, синтез, обобщение. Проанализированы 72 научные статьи, полученные по результатам библиографического поиска в базах данных Scopus и РИНЦ. Систематический обзор доступной научной литературы выявил ограниченный, но быстро растущий охват данного феномена научными исследованиями, которые в основном сосредоточились на нескольких аспектах: характеристика магнитометрических методов, потенциал и проблемы их использования в археологии; археологическая разведка – исследование магнитной восприимчивости, магнитометрические исследования; археомагнитное датирование. Магнитометрические методы нашли широкое применение в археологических исследованиях города Урука и его окрестностей. Анализ литературы дал представление о важном вкладе информации, хранящейся в магнитной записи, в современную археологию Урука. Исследование магнитометром будет продолжено и даст исчерпывающую картину структуры Урука с течением времени. Дальнейшие исследовательские усилия по расширению сферы исследования возможностей использования магнитометрии в археологии могут быть направлены на преодоление ряда проблем. Перспективы расширения использования магнитометрии в археологии связаны с преодолением ряда методологических и технологических ограничений. Объединение данных магнитометрии и результатов статистических исследований, например, байесовской статистики, позволяет снизить количество ошибок каждого метода и приводит к повышению точности результатов.

Ключевые слова: геофизические исследования, магнитометрические исследования измерения, археологические раскопки, планировка древних городов, Урук

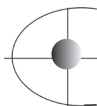
Alhousseini Ameer Hameed Saffah,
Kazan (Volga) Federal University
(Kazan, Russia),
e-mail: safah436@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8252-542X>

Magnetometric Methods in Archaeology (on the Example of Excavations in Uruk, Iraq): Systematic Literature Review

The article examines various theoretical points of view and concepts that exist in the modern literature on the problem of conceptualization of magnetometry in the aspect of archaeological research. *The aim* of the article is to characterize magnetometric methods by studying the literature which describes the convergence of magnetometry and archaeological excavation issues, as well as to identify areas for future research developments. In

© Саффах Алхуссейни Амир Хамид, 2021

conducting this study, such general scientific methods as a systematic approach, analysis, synthesis, and generalization were used. 72 scientific articles obtained from the results of a bibliographic search in the Scopus and RSCI databases were analyzed. A systematic review of the available scientific literature revealed a limited but rapidly growing coverage of this phenomenon by scientific research, which mainly focused on several aspects: characteristics of magnetometric methods, potential and problems of their use in archaeology; archaeological exploration-magnetic susceptibility studies, magnetometric studies; archaeomagnetic dating. Magnetometric methods are widely used in archaeological research of the city of Uruk and its surroundings. An analysis of the literature has provided insight into the important contribution of the information stored in the magnetic record to the modern archaeology of Uruk. The magnetometer study will continue and provide a comprehensive picture of the Uruk structure over time. Further research efforts to expand the scope of research on the possibilities of using magnetometry in archaeology can be aimed at overcoming a number of problems. The prospects for expanding the use of magnetometry in archaeology are associated with overcoming a number of methodological and technological limitations. Combining the magnetometry data and the results of statistical studies, such as Bayesian statistics, reduces the number of errors of each method and leads to an increase in the accuracy of the results.

Keywords: geophysical research, magnetometric measurement research, archaeological excavations, planning of ancient cities, Uruk

Введение. Измерения магнитометром относятся к разряду пассивных методов геофизических исследований [1, с. 45; 2]. Магнитометрические методы стали важными инструментами для научного исследования археологических памятников, причём наиболее заметными из них являются магнитные разведочные исследования и археомагнитное датирование [2, с. 75]. За рубежом магнитометрия в археологии применяется более активно, чем в России [3, с. 44]. Принципы, лежащие в основе этих методов, первоначально применялись для поиска рудных месторождений (магнитные аномалии для геологии и ресурсов) или палеомагнитного датирования (палеомагнетизм). Когда эти методы были адаптированы для археологических целей, было установлено, что требуются совсем другие методологии исследования. Археологические объекты относительно невелики и захоронены на небольшой глубине, а требуемая точность датировки составляет порядка десятков лет. Что ещё более важно, связь между археологическими особенностями и магнетизмом часто трудно предсказать, поэтому планирование исследований значительно усложнено. С этим связана проблема интерпретации, точной локализации на местности поселения, а также выяснение особенностей внутренней планировки [4, с. 47]. Геофизические результаты сами по себе имеют лишь ограниченное применение для решения археологической проблемы. Именно археологическая интерпретация результатов с использованием всей возможной справочной информации (условия местности, археологические знания, результаты других исследований и т. д.) даёт полезные новые идеи [5–7]. Если связь между магнитными свойствами и их археологическим формированием не-

известна, такая интерпретация может стать спекулятивной.

Понимание возможностей и нюансов использования **магнитометрических исследований в археологии** важно и для теории, и для практики. Как теоретически, так и практически данная тема представляет собой важную область для углубления и расширения нашего понимания ряда вопросов археологической науки.

Эта статья фокусируется на обзоре существующих исследований в области использования магнитометрии в археологии. Определяются различные теоретические точки зрения и концепции, применяемые для обозначения областей использования магнитометрических методов и проблем их применения. Представлены результаты магнитометрических исследований в Уруке (Варка), Ирак.

Цель статьи – охарактеризовать магнитометрические исследования путём изучения того, как в литературе описывается конвергенция вопросов магнитометрии и археологических раскопок, а также определить области для будущих исследовательских разработок.

Методология и методы исследования. При проведении данного исследования использовались такие общенаучные методы, как системный подход, анализ, синтез, обобщение.

Нами отобраны и проанализированы 72 публикации с помощью систематического обзора литературы.

Первичный поиск производился по базе Scopus по следующему алгоритму:

1) отбирались статьи из ряда предметных областей: «археология», «история», «естественные науки» и др.;

2) в тексте заголовка или среди ключевых слов были слова “magnetic” (“magnetometry”) “archeology”.

Статей, заголовки которых содержали указанные слова, нашлось 217. В 93 найденных статьях ключи содержали слова “magnetic” (“magnetometry”) “archeology”. После объединения статей в общую базу, удаления дубликатов мы получили 40 статей.

Аналогичная стратегия поиска была использована нами для отбора релевантных статей на русском языке в РИНЦ в области «магнетизм», «магнитометрия», «археология». В результате поиска и отбора релевантными были признаны 32 статьи, которые отобрали для анализа и включили в нашу базу.

Далее по причине ограничений, налагаемых требованиями к объёму публикуемых материалов, приведены выборочные результаты системного обзора с указанием на 24 источника из нашей базы литературы.

Результаты исследования и их об-суждение. Особенности магнитометрии в аспекте археологических исследований. Все магнитометрические исследования зависят от контраста в магнитном свойстве между объектом интереса и его окружающей средой, например, вмещающей почвенной матрицей [1]. Наиболее важными магнитными свойствами для археологических исследований являются намагниченность и магнитная восприимчивость.

Термореманентная намагниченность, вероятно, является наиболее хорошо изученным магнитным эффектом, вызванным прошлым человеческим жильём. Если материалы, богатые оксидами железа, нагреваются выше температуры Кюри, а затем охлаждаются в окружающем магнитном поле Земли, они могут приобрести значительную термостойкость, которая фиксируется в материале до дальнейшего нагрева. Типичными археологическими примерами являются печи, зачастую построенные из глины, которые во время циклов нагрева часто превышают температуры Кюри магнетита (Fe_3O_4) и маггемита ($\gamma\text{-Fe}_2\text{O}_3$) (578 и 578–675 °C соответственно). Точно так же обожжённые кирпичи и керамика могут проявлять термореманентность, но, когда готовые кирпичи используются в качестве строительного материала, их отдельные векторы намагничивания будут указывать во многих различных направлениях, создавая общую ослаблен-

ную магнитную сигнатуру, то же самое относится и к кучам глиняных черепков [8]. Это знание позволило создать метод археомагнитного датирования, который стал новым инструментом для хронологических исследований в археологии.

Следует отметить, что существуют магнитометрические исследования над глинобитными сооружениями, которые показывают отрицательный магнитный контраст этих объектов с окружающей почвой [9].

Любой материал с магнитной восприимчивостью приобретёт индуцированную намагниченность в магнитном поле Земли. Следовательно, если предыдущее проживание человека на конкретной территории привело к повышению уровня магнитной восприимчивости в почвах, магнитные измерения могут быть использованы для их обнаружения. «Эффект ферментации» относится к восстановлению гематита до магнетита в присутствии анаэробных бактерий, которые росли в разлагающемся органическом материале, оставленном человеческим жильём, либо в виде мусорных ям, либо в деревянном строительном материале. Этот эффект требует дальнейших исследований, но изменения в условиях pH/Eh, а также использование бактериями железа в качестве источника электронов ответственны за увеличение магнитной восприимчивости [10]. Уровень магнитной восприимчивости, который может быть достигнут за счёт антропогенного усиления, также зависит от количества оксидов железа, первоначально доступных в почве для преобразования. Таким образом, уровень усиления может быть количественно определён путём соотнесения текущей магнитной восприимчивости почвы с максимально достижимым значением. Это соотношение называется «фракционным преобразованием» и определяется путём нагрева образца примерно до 700 °C, чтобы максимально повысить его магнитную восприимчивость [11, с. 207]. Однако с помощью этого метода невозможно определить, была ли первоначальная магнитная восприимчивость усилена педогенными или антропогенными воздействиями.

Более поздние исследования показали дополнительные возможности для повышения магнитной восприимчивости. Одним из наиболее интересных является магнитотаксическая бактерия, которая процветает в

органическом материале и выращивает кристаллы магнетита в своих телах [12].

Археологическая разведка. Археологическая разведка относится к неинвазивному исследованию археологических объектов и ландшафтов для обнаружения погребённых археологических объектов [13, с. 302]. Чтобы понять прошлые общества, очень важно проанализировать, как люди жили и взаимодействовали, а расположение археологических памятников даёт жизненно важные подсказки; например, структура фундамента или расположение ограды железного века в более широком ландшафте [14].

Исследования магнитной восприимчивости. Поскольку человеческое жильё может привести к повышенной магнитной восприимчивости, измерения этого свойства почвы используются для идентификации областей деятельности. Такие исследования могут проводиться либо на месте (т. е. с неинтрузивными полевыми измерениями), либо путём сбора образцов почвы для измерений в лаборатории.

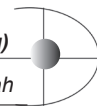
Основное различие между полевыми и лабораторными измерениями заключается в обработке образцов. Общепринятой практикой является высушивание и просеивание образцов почвы перед измерением их магнитной восприимчивости в лаборатории. Сушка устраняет зависимость удельной магнитной восприимчивости массы от содержания влаги, что влияет на насыпную плотность. Просеивание удаляет грубые включения (например, гальку), которые магнитно незначительны. Таким образом, лабораторные измерения отражают магнитную восприимчивость почвенного компонента образца, следовательно, могут быть сопоставлены со стандартными таблицами. Однако при полевых измерениях на результаты могут влиять включения, не относящиеся к почве; на преобразование объёмных измерений в массовые значения влияют изменения факторов окружающей среды (например, содержание влаги в почве).

Абсолютное значение магнитной восприимчивости способно сильно варьироваться между различными участками, «усиление» может быть идентифицировано только как контраст между областями с более высокой восприимчивостью по сравнению с фоновыми измерениями [1; 15]. Для этого контраста не существует заранее определённого порога, поэтому оправдано

использование более качественных измерений магнитной объёмной восприимчивости на основе поля для археологических исследований.

Исследования магнитной восприимчивости, выполняемые либо в качестве полевых измерений на месте, либо в качестве лабораторных измерений образцов почвы, могут использоваться тремя различными способами: 1) в качестве основного метода разведки для получения информации об отдельных погребённых объектах; 2) в дополнение к магнитометрическим исследованиям и для помощи в их интерпретации путём предоставления данных о лежащих в основе изменениях магнитной восприимчивости; 3) для быстрого и грубого «рекогносцировочного» обследования с использованием больших интервалов отбора проб для указания областей усиления вместо описания отдельных объектов [16]. Обычно невозможно интерполировать грубо отобранные данные, и места поселений могут быть идентифицированы только в том случае, если несколько соседних измерений имеют стабильно высокие уровни по сравнению с окружающей областью.

Магнитометрические исследования. В отличие от исследований, которые непосредственно измеряют магнитную восприимчивость, магнитометрические исследования регистрируют магнитные поля, создаваемые контрастом намагниченности, независимо от того, индуцируется ли он в результате контраста магнитной восприимчивости или является остаточным, например, от термореманентной намагниченности. Обратный процесс реконструкции археологического объекта по его измеренной аномалии, как правило, невозможен из-за сложной формы и неоднородного состава таких объектов. Некоторые успешные инверсии были достигнуты, когда были сделаны археологически обоснованные предположения об ожидаемых формах объектов и магнитных свойствах почвы [17]. Если съёмки проводятся с достаточно высоким пространственным разрешением, картографические данные часто уже дают очень чёткие очертания погребённых объектов, позволяя их археологическую интерпретацию даже без инверсии данных. Однако при непосредственной интерпретации измеренных данных необходимо учитывать типичные характеристики магнитных аномалий.

В последнее время стало возможным собирать случайно отобранные данные с высокой точностью, которые могут быть либо привязаны к сетке с заранее определённым разрешением, либо визуализированы непосредственно с помощью триангуляции Делоне.

Из-за часто небольшой силы аномалий, вызванных археологическими особенностями, для съёмок требуются очень чувствительные магнитометры. «Дальность обнаружения» археологических геофизических исследований зависит от намагниченности и глубины объектов, а также чувствительности используемых магнитометров и поэтому не может быть легко определена. Основываясь на практическом опыте работы с обычными приборами, подсчитано, что типичные особенности почвы, такие как ямы или каналы, могут быть обнаружены на глубине до 1–2 м, в то время как железистые и терморективные особенности могут быть идентифицированы ещё глубже [18].

До их окончательной интерпретации данные магнитометров часто приходится обрабатывать с помощью компьютерного программного обеспечения для устранения недостатков съёмки и обработки полученных карт данных. Улучшение данных может уменьшить некоторые ошибки, возникающие в ходе опроса, такие как полосы и сдвиги между соседними линиями опроса. Чтобы сократить время исследования, соседние линии магнитометрической съёмки часто записываются, проходя вверх и вниз по полю («зигзагообразная» запись). Однако, поскольку большинство магнитометров имеют, по крайней мере, небольшую ошибку курса, изменение выравнивания датчика в результате этого метода сбора данных может привести к незначительным смещениям соседних линий, которые затем видны в виде полос в результирующих данных [1].

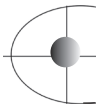
Ещё одной распространённой проблемой, возникающей с некоторыми приборами, является «дрейф» их значения смещения, в основном из-за температурных эффектов. Если регулярные измерения проводятся по выделенным опорным точкам, эффекты дрейфа могут быть уменьшены численно. Все эти методы улучшения данных требуют подробной информации о съёмке, например, о длине каждой линии съёмки, направлении линий, размере блоков данных между эталонными измерениями и т. д. Поэтому

крайне важно, чтобы метаданные были все-сторонне записаны [19, с. 321, 332]. После того как все данные были скорректированы для общих проблем и все блоки обследования сбалансированы друг с другом, они могут быть собраны в более крупную единицу (часто называемую «составной») и обработаны далее.

Многие археологические магнитометрические исследования проводятся для решения чётко определённого вопроса, например, для поиска археологических останков в поле до его разработки для жилья. Дальнейшие археологические исследования (шурфовки и раскопки), а также бурение помогут уточнить полученные геофизические данные [20, с. 107].

Археомангнитное датирование. Как и в случае палеомагнитного датирования, для их датировки можно использовать магнитную остаточную силу, сохранённую в археологических сооружениях. Хотя были проведены некоторые исследования по отложениям («детритным»), остаткам в отложениях [8], археомангнитное датирование в основном применяется к термореманентной намагниченности. При обжиге археологических структур, богатых оксидами железа, выше их температуры Кюри (около 650–700 °C) они легко намагничиваются в направлении окружающего поля, которое обычно является магнитным полем Земли. При последующем охлаждении ниже температуры блокировки эта приобретённая намагниченность образует магнитную остаточную намагниченность. При раскопках археологических объектов, подвергшихся такому нагреву и охлаждению, ориентированные образцы могут быть извлечены, измеряется их термореманентная намагниченность. Сравнивая эти данные с археомангнитной калибровочной кривой, которая отображает изменение магнитных параметров со временем, можно определить дату последнего запуска археологического объекта.

Большинство методов археомангнитного датирования используют две или три составляющие вектора остаточной намагниченности (наклон, склонение и иногда интенсивность). Поэтому обязательным условием является сбор образцов из конструкций, которые не изменили своей ориентации с момента последнего выстрела. Типичные особенности включают печи, очаги, обожжённые полы и печи. К сожалению,

не всегда можно оценить на месте, найден ли археологический объект нетронутым.

После последнего обжига археологической структуры магнитно-мягкие материалы, возможно, приобрели вязкую остаточную намагниченность, которая постепенно следовала за изменением направления магнитного поля Земли. Его вклад в общую намагниченность образца может привести к неправильным оценкам возраста, поэтому его необходимо оценить с помощью эксперимента Телье, а затем удалить. Последующее измерение вектора намагниченности образца, например, во вращающемся магнитометре, является хорошим приближением его термореманентности. Статистика Фишера используется для оценки распределения всех измеренных векторов намагниченности археологического объекта путём вычисления среднего значения направления вместе с его угловым разбросом α_{95} . Последнее описывает распределение всех

измеренных направлений вокруг среднего и представляет собой половину угла раскрытия конуса (следовательно, появляется как «радиус» на стереографическом графике), который содержит среднее векторное направление с вероятностью 95 %. Разброс отдельных векторных направлений может быть вызван ошибками в маркировке образца, ошибками измерений и распределением различных направлений в пределах одного объекта.

Магнитометрические исследования в Уруке. Урук, расположенный в плодородных землях долины р. Евфрат, примерно в 250 километрах от современного Багдада, является одним из древнейших городских центров мира и местом действия древнейшего эпоса человечества, знаменитого «Эпоса о Гильгамеше» [21]. Площадь городской территории достигала 5,5 квадратных километра, внутри его стен проживало от 30 до 60 тысяч человек (рис. 1).

Рис. 1. Урук (Варка) Зиккурат Инанны. Современный вид. Фото автора, 2019 г.

Fig. 1. Uruk (Varka) Ziggurat of Inanna. Modern view. Photo by the author, 2019

Археологические раскопки в г. Урук ведутся немецкими учёными с 1912 г. Несмотря на то, что полевые работы несколько раз прерывались из-за начала Первой и Второй мировых войн или других региональных конфликтов, в настоящее время проведено 46 полевых экспедиций. С 1954 г. ответственность за раскопки была передана SBAH Немецкому археологическому институту, который в 1955 г. смог открыть исследовательский

институт в Багдаде. Начало Ирано-иракской войны 1980 г. затруднило постоянное присутствие в Ираке, и полевые исследования могли проводиться только в некоторые годы: между 1982 и 1984 гг. проводилось обследование всего города внутри городской стены [22, с. 8], в 1985 и 1989 гг. были проведены раскопки домов в жилых кварталах Урука [23, с. 63]; в 2001 и 2002 гг. было дано разрешение на короткие полевые экспедиции для ге-

офизических исследований некоторых областей в город Урук [23, с. 135].

Предметом интереса статьи являются результаты магнитометрических исследований в Уруке как пример многолетних исследований, демонстрирующий потенциал и возможности применения метода в археологии. Магнитные разведки в Уруке начались в 2001 г. под руководством ван Эсс. Моргарата и Йорга Фассбиндера и были продолжены в 2002 г. [24], затем возобновлены в 2016 г., наконец, проведены на большей площади

в 2018 г. (рис. 2, источник: van Ess M., Fassbinder). В ходе работ использовались три различных типа магнитометров: caesium Scintrex Smartmag SM4G-special, магнитометр caesium Geometrics G-858G, оба применяемые в качестве магнитометров полного поля в двухдатчиковой конфигурации и Foerster Ferex 4.032, градиентометр fluxgate в четырёхдатчиковой конфигурации [12]. Датчики были установлены на раме и передвигались по зигзагообразному маршруту примерно на 30–40 см над землёй.

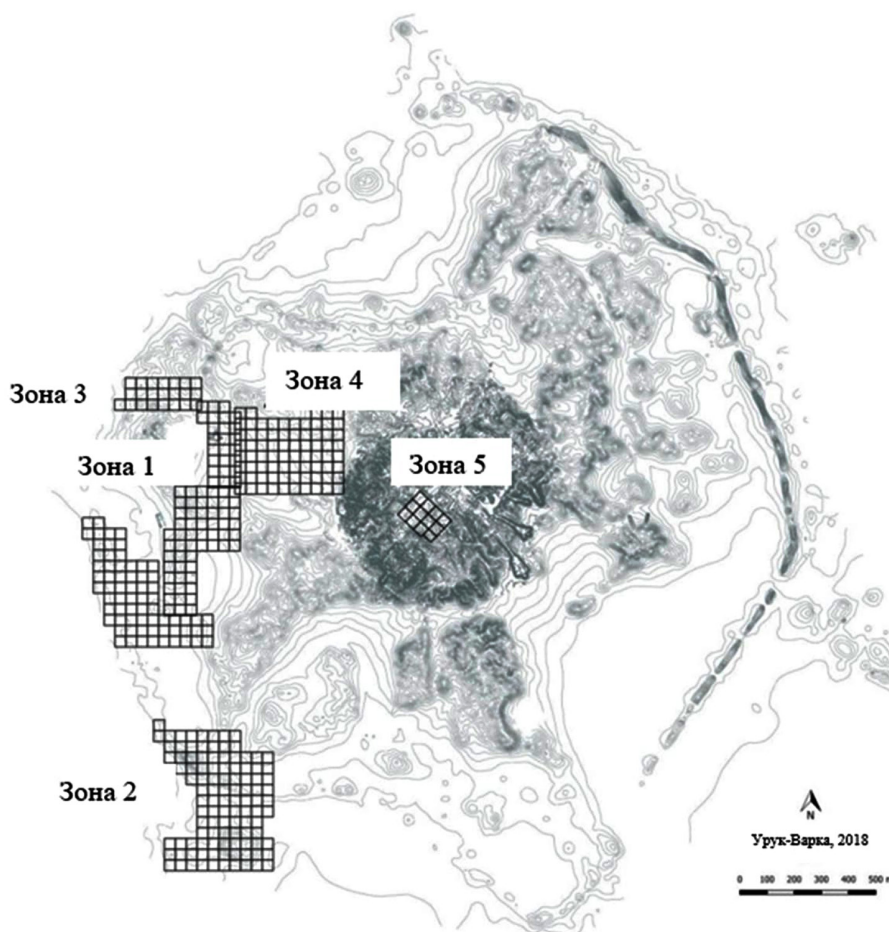

Рис. 2. Топографическая карта съёмки местности методом магнитных измерений, 2001–2018 гг.

Fig. 2. Topographic map of the area survey by magnetic measurement method, 2001–2018

Поверхность на территории Урука представляет собой мягкий пылеватый грунт, что исключает возможность использования любой колёсной системы.

Магнитометрические исследования были начаты на участке, расположенном внутри городской стены, в непосредственной близости от неё. В дальнейшем охват территории, подлежащей исследованию, был расширен за счёт всех остальных райо-

нов городища, на которых проведение работ возможно по техническим условиям, за исключением центрального района Урука, где поселенческие слои имеют мощность всего от 10 до 20 см и залегают один под другим на многих уровнях. Геофизические исследования были начаты в юго-западной части города и были сосредоточены на территории к северу от дворца Синкашид и к юго-западу от него, на большом канале, проходящем

через эту местность на востоке и его ответвлениях, в гавани и районе поселений на востоке. Второй участок исследований расположен у южной городской стены, где была изучена структура городской стены, сады и поля рядом с ней, технические сооружения для большого западного канала и огромный комплекс зданий к югу.

В 2016 г. исследовали район в центре города, чтобы проверить возможность исследования этой части с помощью магнитометра (зона 5). Здесь, между районом святилища Эанна и храмом Эшгал (Иригал), большая, почти квадратная территория,

никогда ранее не исследовавшаяся археологически.

Район 1 дал представление о поселениях, садах и полях вблизи городской стены, а также о сети каналов, которые, очевидно, служили главными артериями Урука (рис. 3, источник: van Ess M., Fassbinder). Магистральный канал был прослежен в восточной части магнитограммы на протяжении 400 м. Его ширина составила 10 м, в некоторых местах были прослежены ответвления канала меньшего размера, отходившие от основного ирригационного сооружения в западном направлении.

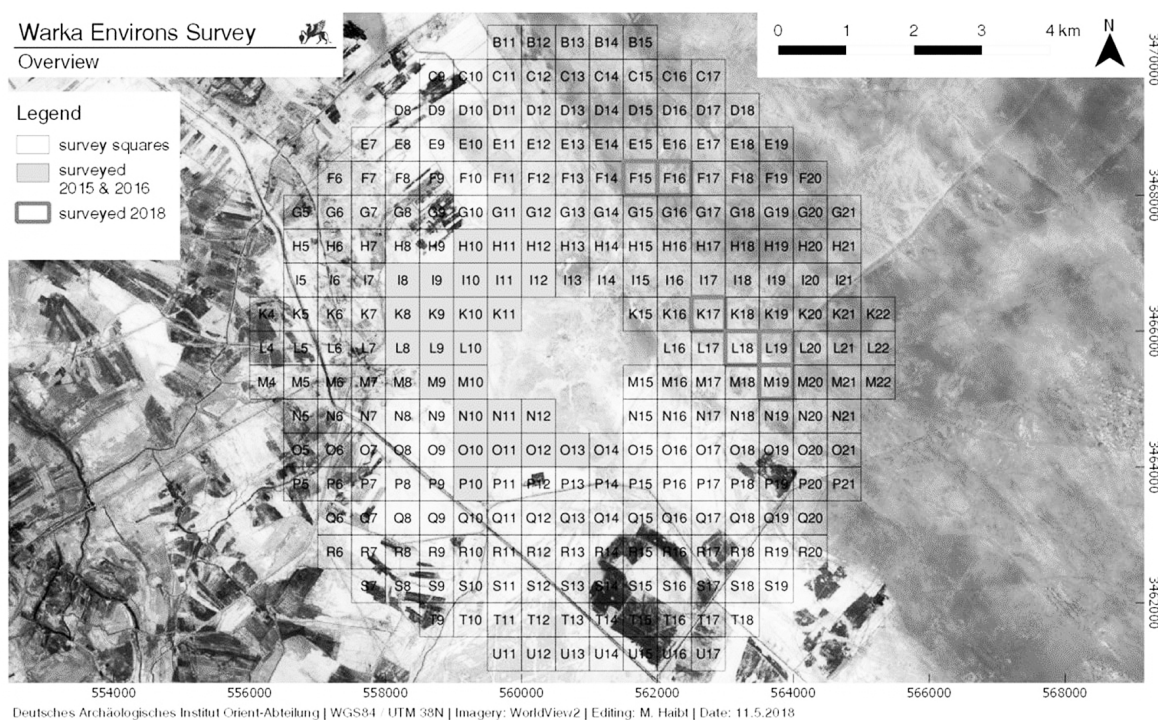

Рис. 3. Карта района съёмки окрестностей Урука

Fig. 3. Map of the Uruk neighborhood survey area

Слева и справа от канала находятся поселения, разделённые меньшими каналами, ведущими к полям и садам к западу от поселений. Поля характеризуют каналы разной ширины, самые маленькие из которых относятся к системам полива.

В зоне 2 можно увидеть городскую стену и канал, пересекающий городскую стену (рис. 4, источник: J. Fassbinder и M. Scheiblecker, 2018). Здесь отчётливо виден ход городской стены и через определённые промежутки времени – её бастионы, известные из предыдущих раскопок и документации

в других частях города. Кроме того, магнитограмма показывает, что части стены с внутренней и внешней сторон сделаны из обожжённого кирпича, что ранее не было известно. Также очевидно, что стена состояла из большего количества отдельных линий, чем было известно ранее, и что канал, опоясывающий город, проходил сразу за ним. Весь комплекс стен был почти 40 метров в ширину. Сама стена с её внутренней и внешней оболочками из обожжённого кирпича имеет толщину около 9 метров, что соответствует результатам раскопок.

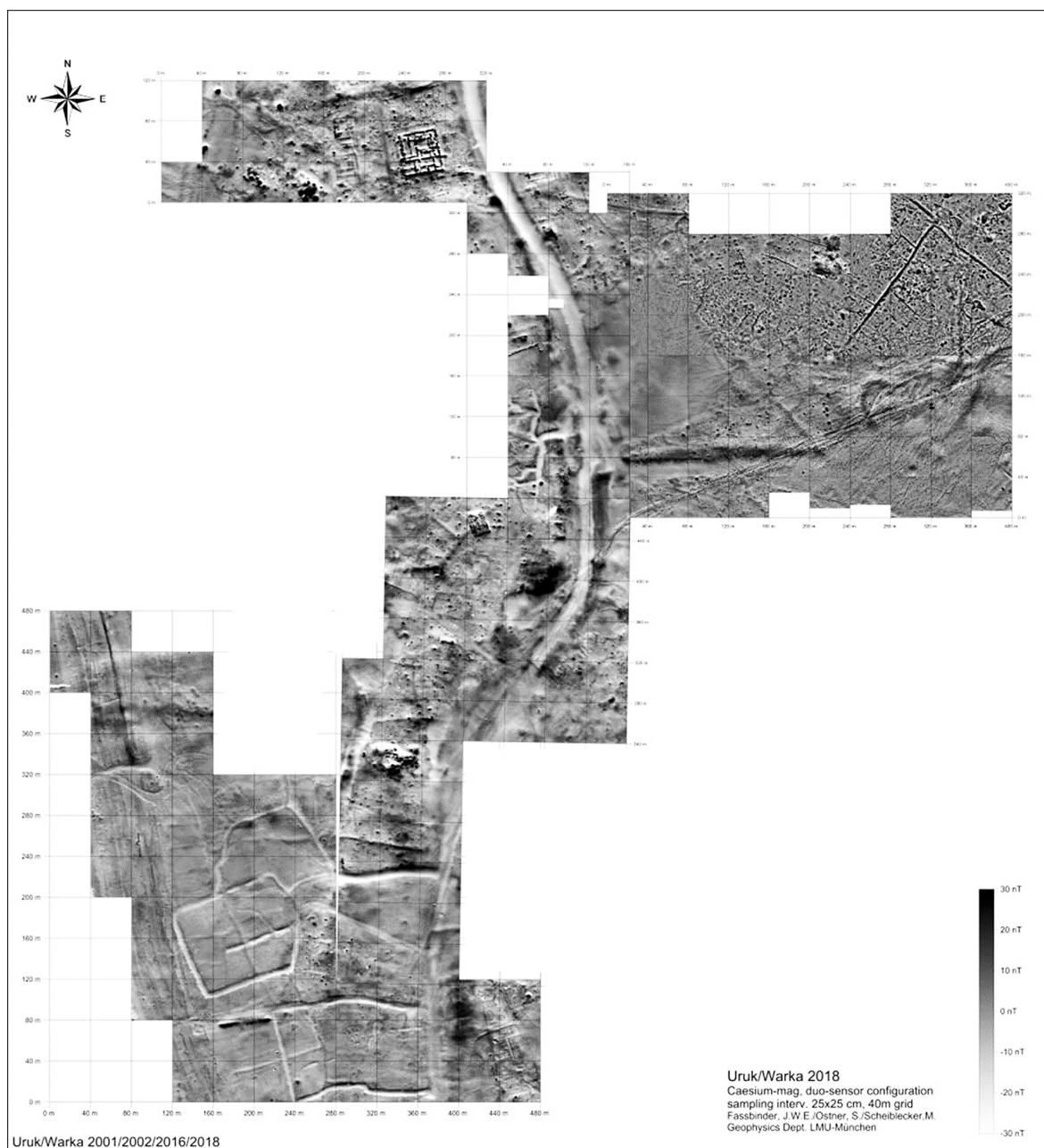

Рис. 4. Магнитограмма участков обзора 1, 3 и 4

Fig. 4. Magnetogram of survey areas 1, 3 and 4

Новые данные о структуре застройки Урука были получены и на основании магнитограммы юго-западных ворот Зоны 2, которые имеют ширину почти 15 метров. Данное сооружение исследователи предлагают интерпретировать также как шлюз, через который выводятся через стену большие западный и центральный каналы внутреннего города. Снаружи ворота были окружены башнями и укреплены обожжённым кирпичом (рис. 5, источник: Becker и J. Fassbinder,

2002). Перед шлюзом на расстоянии 240 метров небольшой боковой канал разветвляется на юго-восток, расширяясь примерно на полпути перед большим зданием из обожжённых кирпичей, превращаясь в небольшую структуру, похожую на гавань.

Зона 4 характеризуется двумя основными особенностями (рис. 5). На юге большая структура, идущая с востока на запад, кажется, сопровождает каналы к северу и югу от неё, ведущие к востоку, то есть к центру

города. Другое, более короткое и похожее сооружение, в нескольких метрах западнее, очевидно, блокирует часть основного канала. Ни одной из этих структур не видно на поле, которое в этой части города очень ровное. Без раскопок определить характер

этих построек не удастся. Однако кажется, что они контролируют или направляют поток воды и каналы. Район к югу от него и другие районы к северу от него характеризуются затопленным материалом, который был перенесён сюда с северо-востока.

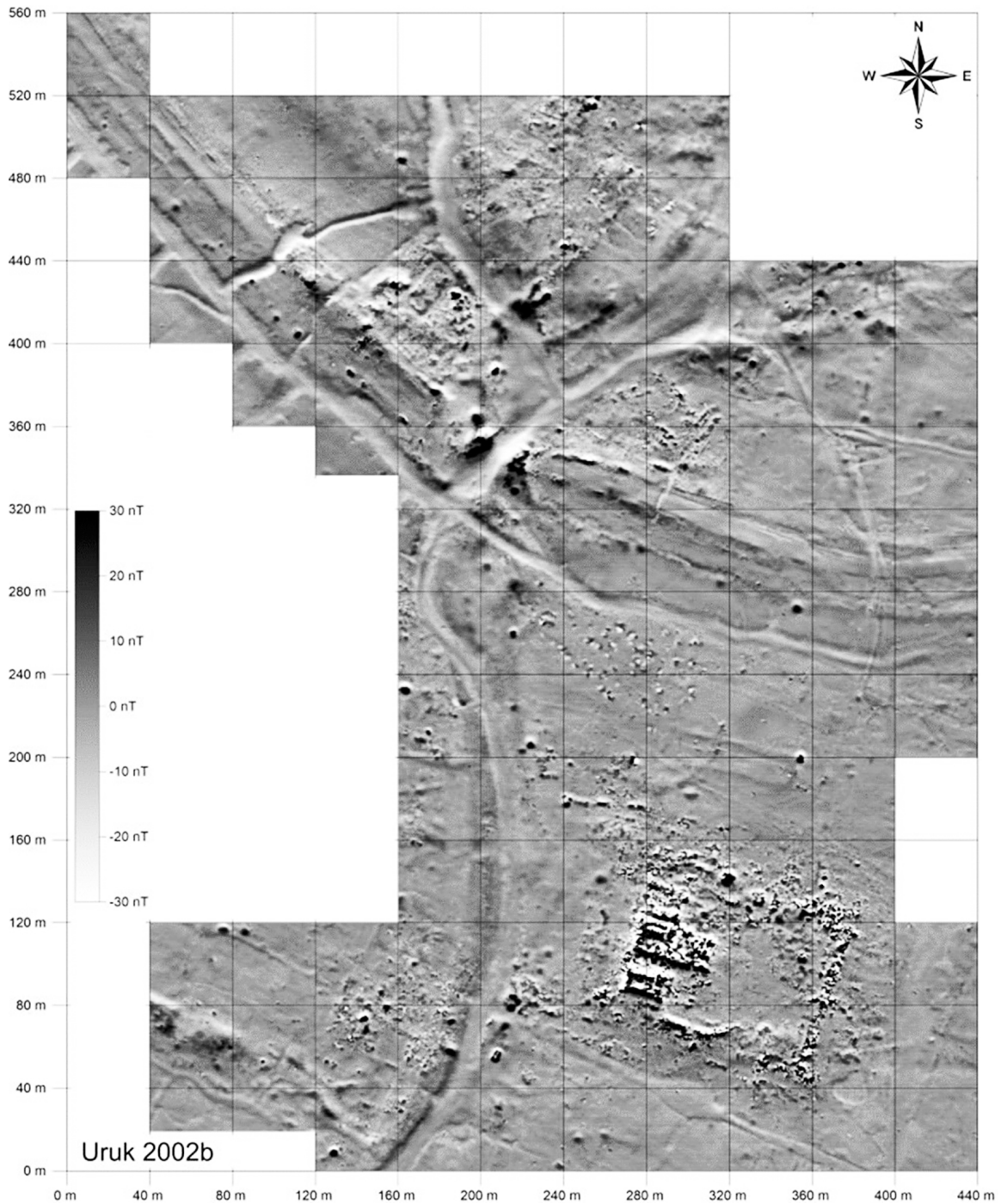
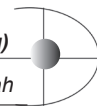

Рис. 5. Магнитограмма зоны обзора 2
Fig. 5. Magnetogram of the viewing area 2

Заключение. Существует множество способов использования магнитных методов в археологических исследованиях, что объясняет их популярность в научной среде. Магнитометрические исследования стали эффективным инструментом археологических исследований, не менее важным, чем проведение археологических вскрытий, но более требовательным к технологическому обеспечению и методам интерпретации. Вместе с тем этот магнитометрический анализ продолжает и расширяет логику стратиграфического изучения археологических памятников, когда выделение различных горизонтов происходит на основании различий в условиях их формирования, проявляющихся в окрасе, структуре и составе включений в материал слоя. Сходным образом различия в условиях формирования тех или иных напластований фиксируются и при магнитометрическом исследовании, когда ключевую роль для выделения объектов играет выявление магнитного контраста на различных участках исследования.

Несмотря на то, что объяснение магнитных свойств археологизированных объектов может быть сложным и требует проведения отдельного исследования, само применение магнитометрии для выявления объектов существенно расширяет сферу доступных для анализа данных. Археомангнитное датирование является важной частью комплексной стратегии археологического датирования.

Подробный анализ магнитограмм, топографическая информация и доступные археологические данные позволяют лучше понять динамику развития и планировку древних городских центров, а также функции отдельных объектов, включённых в их структуру, без проведения раскопок. Объединение данных магнитометрии и результатов статистических исследований, например байесовской статистики, позволяет снизить количество ошибок каждого метода и приводит к повышению точности результатов. Богатство информации, хранящейся в магнитных данных, безусловно, внесло важный вклад в современную археологию Урука. Можно предполагать, что продолжение магнитометрических исследований даст исчерпывающую картину структуры Урука в будущем.

Ограничения исследования. Обзор литературы, проведённый в данной работе, имеет некоторые ограничения. Во-первых, мы сосредоточились на научных журнальных статьях и материалах конференций, написанных на русском и английском языках. Мы отдаём себе отчёт в том, что исключение работ на других языках, а также других типов публикаций могло бы ограничить наши выводы. Во-вторых, из-за метода поиска (по ключевым словам), применяемого к публикациям, вполне возможно, что некоторые статьи, связанные с направлением исследования, но содержащие другие ключевые слова, были исключены.

Список литературы

1. Позднякова О. А. Оценка перспектив применения магниторазведки для изучения археологических памятников // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2020. № 5. С. 44–57.
2. Фассбиндер Й. В. Е. Магнитометрия в археологии – от теории к практике // Российская археология. 2019. № 3. С. 75–91.
3. Муравьев Л. А., Носкевич В. В., Федорова Н. В. Результаты магнитометрических исследований археологических памятников эпохи бронзы на Южном Урале // Уральский геофизический вестник. 2009. № 1. С. 44–49.
4. Носкевич В. В., Федорова Н. В., Муравьев Л. А. Картирование археологических памятников с помощью магнитометрии // Уральский геофизический вестник. 2010. № 2. С. 47–52.
5. Бондар К. М., Дараган М. М., Прилуков В., Полин С. В., Цюпа И. В., Диденко С. В. Магнитометрия скифского курганного могильника Екатериновка в Нижнем Поднепровье // Геофизический журнал. 2019. № 3. С. 134–152.
6. Едемский Д. Е., Попов А. В., Прокопович И. В., Садыков Т. Р., Блохин Е. К., Каспари Д. Применение геофизических методов при обследовании периферии кургана Туннуг-1 // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2019. № 11. С. 40–48.
7. Asăndulesei A. Geophysical prospecting techniques used in archaeology. Magnetometry // Studia antiquae et archaeologica. 2011. No. 1. Pp. 5–17.
8. Clark A. J., Tarling D. H., Noel M. Developments in archaeomagnetic dating in Britain // Journal of Archaeological Science. 1988. No. 15. Pp. 645–667.
9. Fassbinder J. W. E., Becker H., von Ess M. Prospections magnétiques à Uruk (Warka). La cité, du roi Gilgamesh (Iraq) // Dossiers Archéologie. 2005. Vol. 308. Pp. 20–25.

10. Linford N. T. Magnetic Ghosts: Mineral Magnetic Measurements on Roman and AngloSaxon Graves // *Archaeological Prospection*. 2004. Vol. 11. Pp. 167–180.
11. Crowther J., Barker P. Magnetic susceptibility: distinguishing anthropogenic effects from the natural // *Archaeological Prospection*. 1995. Vol. 2. Pp. 207–216.
12. Becker H., von Ess M., Fassbinder J. W. E. Uruk: Urbane Strukturen im Magnet- und Satellitenbild, in Uruk: 5000 Jahre Megacity // Petersberg: Imhof Verlag. 2013. Pp. 355–361.
13. Krivánek R. Different Use of Magnetometric Field Methods in Czech Archaeology // *Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry*. Leuven. 2012. Pp. 302–305.
14. Fassbinder J. W. E., Hahn S., Scheiblecker M., von Ess M. Uruk (Iraq) Magnetometry in the first Megacity of Mesopotamia. Текст: электронный // Fassbinder J. W. E. et al. (Eds.) 2018 NSGG Archaeological Geophysics Uruk. Recent Work in Archaeological Geophysics. 2018. URL: https://mu-munich.academia.edu/Departments/Near_Eastern_Archaeology/Documents?page=2. (дата обращения: 20. 05. 2021).
15. Hodgetts L., Dawson P., Eastaugh E. Archaeological magnetometry in an Arctic setting: a case study from Maguse Lake, Nunavut // *Journal of Archaeological Science*. 2011. Pp. 1754–1762.
16. Fassbinder J. W. E., Gorka T. H. Beneath the desert soil – archaeological prospecting with a caesium magnetometer // M. Reindel and G. A. Wagner (Ed.) *New technologies for archaeology. Multidisciplinary investigations in Palpa and Nasca, Peru*. Berlin: Springer. 2009. Pp. 49–69.
17. Neubauer W., Eder-Hinterleitner A. 3D-Interpretation of Postprocessed Archaeological Magnetic Prospection Data // *Archaeological Prospection*. 1997. No. 4. Pp. 191–205.
18. Kattenberg A. E., Aalbersberg G. Archaeological prospection of the Dutch perimarine landscape by means of magnetic methods // *Archaeological Prospection*. 2004. No. 11. Pp. 227–235.
19. Kvamme K. L. Magnetometry: Nature's gift to archaeology // J. K. Johnson (Eds.) *Remote Sensing in Archaeology: An Explicitly North American Perspective*. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2006.
20. Бездудный В. Г. Магнитометрические исследования на Хумаринском городище // *Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований*. М., 2020. С. 90–111.
21. Абед А. Н. А. «Расширение Урука» и влияние новых раскопок на оценку ранней урбанизации Месопотамии // *Клио*. 2015. № 4. С. 146–148.
22. Finkbeiner U. Uruk. Kampagne 35–37, 1982–1984 // *Die archäologische Ober- flächenuntersuchung (Survey), Ausgra – bungen in Uruk-Warka*. Endberichte. Mainz, 1991. 333 p.
23. Boehmer R. M. Ausgrabungen in Uruk-WarkaUruk. Kampagne 38, 1985. Endberichte. 1987. Butterlin P. *Architecture et société au Proche-Orient Ancien. Les bâtisseurs de mémoire en Mésopotamie*. Paris, 2018. Pp. 242.
24. Van Ess M., Fassbinder J. W. E. Magnetic prospection of Uruk (Warka) Iraq. *La Prospection Géophysique // Dossiers Archeologie*. 2005. Vol. 308. Pp. 20–25.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021; принята к публикации 30.06.2021

Сведения об авторе

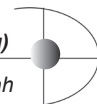
Саффах Алхуссейни Амир Хамид, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: safah436@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8252-542X>.

Библиографическое описание статьи

Саффах Алхуссейни Амир Хамид. Магнитометрические методы в археологии (на примере раскопок в г. Урук, Ирак): систематический обзор литературы // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 6. С. 49–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-49-61.

References

1. Pozdnyakova, O. A. Assessment of the prospects for the application of magnetic survey for the study of archaeological monuments. *Bulletin of Novosibirsk State University*, no. 5, pp. 44–57, 2020. (In Rus.)
2. Fassbinder, J. W. E. Magnetometry in Archeology – from theory to practice. *Russian Archeology*, no. 3, pp. 75–91, 2019. (In Rus.)
3. Muravyov, L. A., Noskevich, V. V., Fedorova, N. V. Results of magnetometric studies of archaeological sites of the Bronze Age in the Southern Urals, no. 1, pp. 44–49, 2009. (In Rus.)
4. Noskevich, V. V., Fedorova, N. V., Muravyov, L. A. Mapping of archaeological sites using magnetometry, no. 2, pp. 47–52, 2010. (In Rus.)

5. Bondar, K. M., Daragan, M. M., Prilukov, V., Polin S. V., Tsyupa, I. V., Didenko, S. V. Magnetometry of the Scythian burial mound Ekaterinovka in the Lower Dnieper region. *Geophysics journal*. no. 3, pp. 134–152, 2019. (In Rus.)
6. Edemsky, D. E., Popov, A. V., Prokopovich, I. V., Sadykov, T. R., Blokhin, E. K., Kaspari, D. Application of geophysical methods in the survey of the periphery of the Tunnug-1 mound. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, no. 11, pp. 40–48, 2019. (In Rus.)
7. Asăndulesei, A. Geophysical prospecting techniques used in archaeology. *Magnetometry. Studia antiquae et archaeologica*, no. 1, pp. 5–17, 2011. (In Engl.)
8. Clark, A. J., Tarling, D. H., Noel, M. Developments in archaeomagnetic dating in Britain. *Journal of Archaeological Science*, no. 15, pp. 645–667, 1988. (In Engl.)
9. Fassbinder, J. W. E., Becker, H., von Ess, M. Prospections magnétiques à Uruk (Warka). *La cité, du roi Gilgamesh (Irak). Dossiers Archéologie*, vol. 308, pp. 20–25, 2005. (In French)
10. Linford, N. T. Magnetic Ghosts: Mineral Magnetic Measurements on Roman and Anglo-Saxon Graves. *Archaeological Prospection*, vol. 11, pp. 167–180, 2004. (In Engl.)
11. Crowther, J., Barker, P. Magnetic susceptibility: distinguishing anthropogenic effects from the natural. *Archaeological Prospection*, vol. 2, pp. 207–216, 1995. (In Engl.)
12. Becker, H., von Ess, M., Fassbinder, J. W. E. Uruk: Urbane Strukturen im Magnet- und Satellitenbild, in Uruk: 5000 Jahre Megacity. Petersberg: Imhof Verlag, 2013: 355–361. (In German)
13. Krivánek, R. Different Use of Magnetometric Field Methods in Czech Archaeology, *Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry*. Leuven. 2012: 302–305. (In Engl.)
14. Fassbinder, J. W. E., Hahn, S., Scheiblecker, M., von Ess, M. Uruk (Iraq) Magnetometry in the first Megacity of Mesopotamia. In Fassbinder J. W. E et al. editors 2018 NSGG Archaeological Geophysics Uruk. Recent Work in Archaeological Geophysics. 2018. Web. 20. 05. 2021. https://imu-munich.academia.edu/Departments/Near_Eastern_Archaeology/Documents?page=2. (In Engl.)
15. Hodgetts, L., Dawson, P., Eastaugh, E. Archaeological magnetometry in an Arctic setting: a case study from Maguse Lake, Nunavut. *Journal of Archaeological Science*, pp. 1754–1762, 2011. (In Engl.)
16. Fassbinder, J. W. E., Gorka, T. H. Beneath the desert soil – archaeological prospecting with a caesium magnetometer. In M. Reindel, G. A. Wagner, (eds) *New technologies for archaeology. Multidisciplinary investigations in Palpa and Nasca, Peru*. Berlin: Springer, 2009: 49–69. (In Engl.)
17. Neubauer, W., Eder-Hinterleitner, A. 3D-Interpretation of Postprocessed Archaeological Magnetic Prospection Data. *Archaeological Prospection*, no. 4, pp. 191–205, 1997. (In Engl.)
18. Kattenberg, A. E., Aalbersberg, G. Archaeological prospection of the Dutch perimarine landscape by means of magnetic methods. *Archaeological Prospection*, no. 11, pp. 227–235, 2004. (In Engl.)
19. Kvamme, K. L. Magnetometry: Nature's gift to archaeology. In J. K. Johnson, editor *Remote Sensing in Archaeology: An Explicitly North American Perspective*. 2006: 321–332. (In Engl.)
20. Bezdudny, V. G. Magnetometric studies on the Khumarinsky settlement. *Results of interdisciplinary research*. Moscow, 2020: 90–111. (In Rus.)
21. Abed, A. N. A. "The expansion of Uruk" and the impact of new excavations on the assessment of the early urbanization of Mesopotamia. *Klio*, no. 4, pp. 146–148, 2015. (In Engl.)
22. Finkbeiner, U. Uruk. Kampagne 35–37, 1982–1984. *Die archäologische Oberflächensuntersuchung (Survey), Ausgrabungen in Uruk-Warka*. Endberichte. Mainz, 1991:333. (In German)
23. Boehmer, R. M. Ausgrabungen in Uruk-Warka. *Kampagne 38, 1985*. Endberichte. 1987. *Butterlin P. Architecture et société au Proche-Orient Ancien. Les bâtisseurs de mémoire en Mésopotamie*. Paris, 2018: 242. (In French)
24. Van Ess, M., Fassbinder, J. W. E. Magnetic prospection of Uruk (Warka) Iraq. *La Prospection Géophysique. Dossiers Archeologie*, vol. 308, pp. 20–25, 2005. (In French)

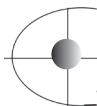
Received: May 28, 2021; accepted for publication June 30, 2021

Information about author

Saffah Alhusseini Ameer Hameed, Postgraduate Student, Kazan (Volga) Federal University; 18 Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russia; e-mail: safah436@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8252-542X>.

Reference to the article

Saffah Alhusseini Ameer Hameed. Magnetometric Methods in Archaeology (on the Example of Excavations in Uruk, Iraq): Systematic Literature Review // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 49–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-49-61.

УДК 902

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-62-77

Всеволод Игоревич Лясович,

Уфимский федеральный

исследовательский центр Российской академии наук

(г. Уфа, Россия),

e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>

Погребения с вооружением и конской уздой Кушулевского III могильника пьяноборской культуры: сравнительная характеристика

Одним из важных направлений в изучении военного дела пьяноборской культуры является изучение оружейных наборов. Под оружейным набором подразумевается совокупность предметов вооружения, зафиксированных в конкретном закрытом комплексе. Их изучение позволяет понять степень вооружённости населения, его разнообразие, востребованность определённых видов оружия. Проблема исследования заключается в том, что подобные выводы сделаны на основе анализа комплексов с вооружением только из одного могильника. Именно по этой причине было принято решение проанализировать более масштабный некрополь пьяноборской культуры, в котором количество погребённых с предметами вооружения значительно превышает ранее изученные. Таким стал Кушулевский III могильник. Цель данной статьи – выделение и анализ наборов вооружения мужских погребений Кушулевского III могильника. Необходимо сравнить полученные данные по оружейным наборам Кушулевского III могильника с уже изученными подобным образом некрополями: Охлебининским кара-абызской культуры и Юлдашевским пьяноборской культуры. Принципиально важным станет выделение типов наконечников стрел из погребений Кушулевского III могильника. Представлена объяснительная модель снижения количества наборов конской узды в воинских погребениях пьяноборской культуры. В специальной литературе данные теоретические заключения описываются впервые, что определяет новизну работы. Выполнение работы стало возможным благодаря применению статистических подсчётов, сравнительно-исторического метода, а также методов хронологии и типологии. Использование данных приёмов позволило установить количество предметов вооружения, их типы, виды оружейных наборов, хронологию и т. д. Результатом выполненной работы стала демонстрация близости оружейных наборов пьяноборской и кара-абызской культуры. В некоторых случаях преобладают отдельные категории оружия, например костяные наконечники стрел. В клинковом оружии самым используемым является однолезвийный боевой нож. В названной категории оружия наблюдается выборность и единичность попадания мечей к пьяноборскому населению. Сочетание боевого ножа с луком или копьём формирует стандартизированный комплекс вооружения пьяноборской культуры.

Ключевые слова: пьяноборская культура, вооружение, воинские погребения, Кушулевский III могильник, Южный Урал

Vsevolod I. Lyasovich,

Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences

(Ufa, Russia),

e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>

Weapon Sets of the Kushulevsky III Burial Ground of the Pyanobor Archaeological Culture

One of the important directions in the study of military affairs of the Pyanobor culture is the study of weapon sets. A set of weapons means armaments in a specific closed complex. Their study allows us to understand the degree of the population's armament, its diversity, the demand for certain types of weapons. The problem of the research lies in the fact that such conclusions were made on the basis of an analysis of complexes with weapons from only one burial ground. It was for this reason that the decision was made to analyze the larger-scale necropolis of the Pyanobor culture, in which the number of those buried with items of weapons significantly exceeds those previously studied. This was the Kushulevsky III burial ground. The purpose of this article is to identify and analyze sets of weapons for male burials at the Kushulevsky III burial ground. It is also necessary to compare the data obtained on the weapon sets of the Kushulevsky III burial ground with the necropolises already studied in a similar way: the Okhlebininsky Kara-Abyz culture and the Yuldashevsky Pyanobor culture. It will be fundamentally important to identify the types of arrowheads from the burials of the Kushulevsky III burial ground.

© Лясович В. И., 2021

An explanatory model for reducing the number of horse bridle sets in military burials of the Pyanobor culture is also presented. In the specialized literature, these theoretical conclusions are described for the first time, which determines the novelty of this work. This work was made possible by the use of statistical calculations, the comparative historical method, as well as the methods of chronology and typology. The use of these techniques made it possible to establish the number of weapons items, their types, types of weapon sets, chronology, etc. The result of the work performed was a demonstration of the proximity of the weapon sets of the Pyanobor and Kara-Abyz cultures. In some cases, certain categories of weapons predominate, for example, bone arrowheads. In bladed weapons, the single-edged combat knife is the most used. In the same category of weapons, there is an electiveness and singularity of swords hitting the drunken population. The combination of a combat knife with a bow or spear forms a standardized complex of weapons of the Pyanobor culture.

Keywords: Pyanobor culture, weapons, military burials, Kushulevsky III burial ground, southern Urals

Введение. Одним из важных направлений в деле понимания особенностей военной культуры пьяноборского общества является выделение так называемых оружейных наборов. Под оружейным набором подразумеваются предметы вооружения, встречаемые в конкретных закрытых комплексах и отождествляемые с прижизненными занятиями погребённого. В иностранной литературе встречается термин «оружейный комплект из воинского погребения» [1, с. 1]. Подобная терминология применяется и к комплектам защитного снаряжения эпохи раннего железа [2, с. 26].

Одной из работ, раскрывающих данную проблематику, стала работа С. Э. Зубова 2012 г., где автор осуществил попытку ранжирования кара-абызского войска – южных соседей и ближайших родственников населения пьяноборской культуры [3]. С. Э. Зубову удалось выделить оружейные наборы крупнейшего могильника кара-абызской культуры – Охлебининского [Там же, с. 117].

В 2021 г. автор данной статьи проанализировал оружейные наборы Юлдашевского могильника пьяноборской культуры [4]. Проведённая работа показала отсутствие специализированных воинов среди населения, оставившего данный некрополь.

Юлдашевский могильник относится к одному из наиболее «вооружённых» некрополей пьяноборской культуры, вместе с тем количество костяков с предметами вооружения (28 погребений из 131) наталкивает на мысль о скудности выборки. Для проверки полученных данных требуется проанализировать оружейные наборы из могильника, содержащего в себе большее количество погребений. Таковым стал Кушулевский III могильник.

Кушулевский III могильник – один из крупнейших некрополей пьяноборской культуры. Найден в 1969 г. и исследовался Б. Б. Агеевым и Н. А. Мажитовым [5, с. 32]. Из 361 погребения выделяется 101 с пред-

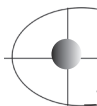
метами вооружения пьяноборского времени. В них содержится большой массив находок оружия: наконечники стрел, копья, мечи, боевые ножи, конская узда и др.

Как и в случае с предметами вооружения Юлдашевского могильника, анализ оружия пьяноборской культуры, происходящего из погребений Кушулевского III могильника, должен привести нас к большему пониманию военной культуры пьяноборского общества. Их сравнение между собой, а также сравнение с оружейными наборами Охлебининского могильника дают возможность показать или уникальность каждого могильника или единообразие в оружейных наборах культур постананьинского круга.

Методология и методы исследования. Статистический расчёт позволил установить конкретное количество предметов вооружения на отдельное погребение. Статистические группировки сделали возможным вычленение самостоятельных классов оружия. С помощью метода обобщающих статистических показателей удалось показать взаимосвязь между отдельными находками оружия из воинских комплексов Кушулевского III могильника.

Новым методом, который ранее не был задействован при анализе оружейных наборов Юлдашевского могильника, стало использование типологического метода. Его применение позволило разделить типы наконечников стрел Кушулевского III могильника и проанализировать их совстречаемость друг с другом. Привлечение хронологических построений позволило установить хронологические рамки для некоторых погребений с вооружением Кушулевского III могильника. Сравнительно-исторический метод используется в работе для сравнения оружейных наборов исследуемого могильника с рядом других некрополей.

Результаты исследования и их об- суждение. Кушулевский III могильник находится в 1,5 км северо-западнее д. Кушу-

лево, Дюртюлинского района Республики Башкортостан, на левом коренном берегу реки Куваш (левый приток р. Белая). Открыт в 1969 г. Вскрыто 1 660 м² [5, с. 1].

Исследуемый некрополь можно соотнести с одним из наиболее «вооружённых» могильников пьяноборских племён. Из 324 пьяноборских погребений в 101 содержатся предметы вооружения.

Выкладки относительно временных рамок существования Кушулевского III могильника опираются исключительно на работы Б. Б. Агеева и Н. А. Мажитова (I в. до н. э. – III в. н.э). [Там же, с. 32]. Немного позже Б. Б. Агеев скорректировал свои предположения относительно конечной даты существования могильника на II в. н. э., ссылаясь на такие хронологические

маркеры, как железные пряжки с подвижным язычком, меч позднесарматского облика и т. д. [6, с. 76].

Количественные данные погребений с присутствующим в них оружием свидетельствуют о следующих фактах (табл. 1). Основной массив предметов вооружения представлен наконечниками стрел. Они присутствуют в 96 из 101 погребения с оружием (табл. 4). Преобладание лука в оружейных наборах пьяноборской культуры продемонстрировано, в том числе и на материалах Юлдашевского могильника [4, с. 164].

Наконечников копий и боевых ножей найдено 22 и 12 экз. соответственно (табл. 1). В пяти погребениях наконечники копий являлись единственным предметом вооружения.

Таблица 1

Количество предметов вооружения в погребениях Кушулевского III могильника

<i>Предмет вооружения</i>	<i>Общее количество</i>	<i>% от всего количества предметов вооружения</i>	<i>Количество погребений</i>
Наконечники стрел	673	96	96
Копье	22	3	22
Дротик	1	0,15	1
Меч	2	0,25	2
Боевой нож	12	1,60	12
Узда	8	1	7
Всего	718	100 %	101
В том числе			
Бронзовые наконечники стрел	25	3,62	7
Железные наконечники стрел	214	33,2	60
Костяные наконечники стрел	434	57,4	72

При описании оружейных наборов отдельное место нужно уделять анализу встречаемости конкретных типов наконечников стрел в закрытых комплексах. Именно для этой цели наконечники стрел Кушулевского III могильника были типологически поделены на несколько типов.

За основу типологии бронзовых наконечников стрел взята типология О. И. Куринских, основанная на материалах кочевнических могильников у с. Покровка в Степном Приуралье [7]. Железные укладываются в типологию позднесарматских железных черешковых наконечников стрел А. М. Хазанова [8, с. 40–41]. Типология костяных наконечников стрел вписывается в типологию инвентаря пьяноборской культуры, разработанную Б. Б. Агеевым [6, с. 45]. Исходя из этого, наконечники стрел Кушу-

левского III могильника можно поделить на шесть типов.

Тип 1. Бронзовые трёхлопастные со скрытой втулкой и треугольной (пирамидальной) головкой. Лопасты срезаны под прямым углом (рис. 1:12, 13).

Тип 2. Бронзовые трёхлопастные с выступающей втулкой и треугольной (пирамидальной) головкой. Лопасты срезаны под прямым углом (рис. 1:14).

Тип 3. Костяные со скрытой втулкой и трёхгранной пирамидальной головкой (рис. 1:1–8).

Тип 3. Вариант А. Костяные со скрытой втулкой и бипирамидальной трёхгранной головкой (рис. 1:10).

Тип 4. Костяные с выступающей втулкой и трёхгранной пирамидальной головкой (рис. 1:9).

Тип 5. Железные трёхлопастные черешковые (рис. 1:15–18).

Тип 6. Железные трёхлопастные с выступающей втулкой (рис. 1:11).

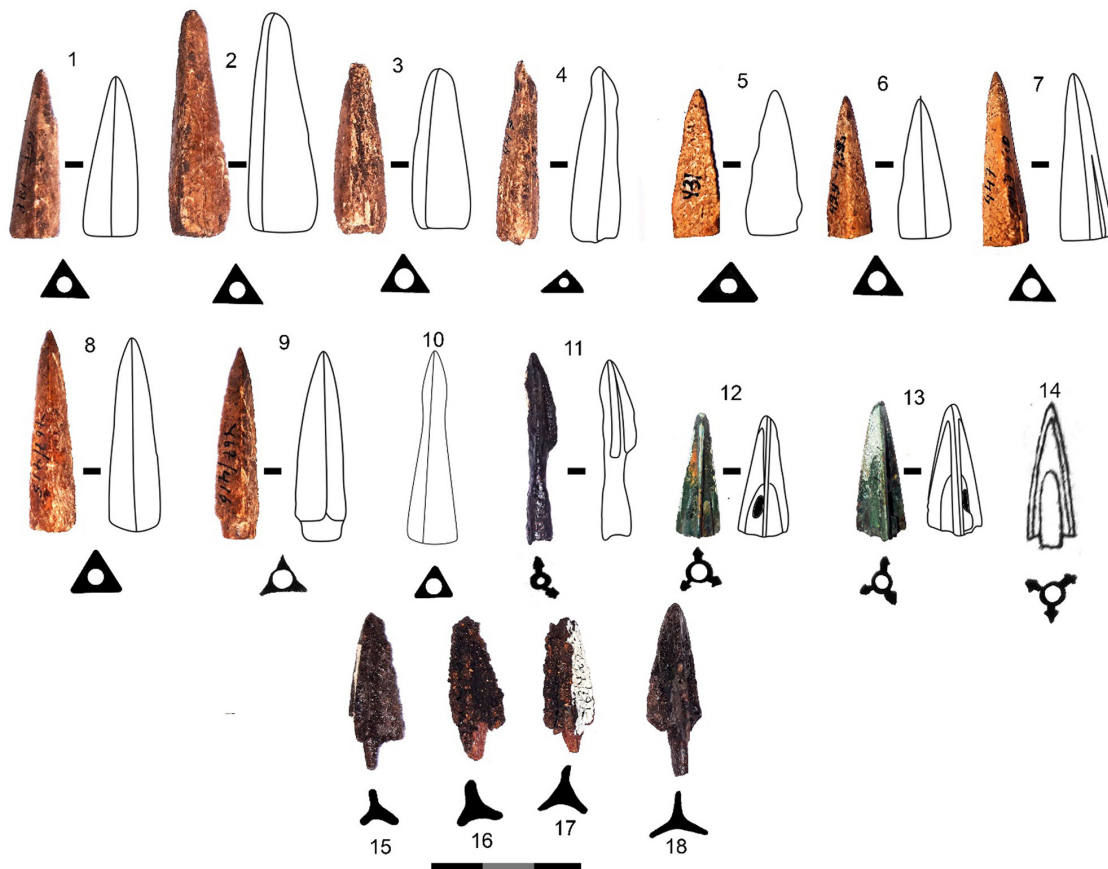

Рис. 1*. Наконечники стрел Кушулевского III могильника: 1–4 – п. № 8; 5–7 – п. № 28; 8 – п. № 115; 9 – п. № 122; 10 – п. № 121; 11 – п. № 46; 12, 13 – п. № 205; 14 – п. № 275; 15–18 п. № 122; 1–10 – кость; 11, 15–18 – железо; 12–14 – бронза

Fig. 1*. Arrowheads of the Kushulevsky III burial ground: 1–4 – burial No. 8; 5–7 burial No. 28; 8 – burial No. 115; 9 – burial No. 122; 10 – burial No. 121; 11 – burial No. 46; 12, 13 – burial No. 205; 14 – burial No. 275; 15–18 burial No. 122; 1–10 – bone; 11, 15–18 – iron; 12–14 – bronze

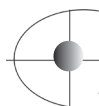
* Рисунки, отмеченные звёздочкой (1, 3–5), предоставлены Музеем археологии и этнографии ИЭИ им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН. Авторы раскопок Кушулевского III могильника Б. В. Агеев, Н. А. Мажитов.

* Figures marked with an asterisk (1, 3–5) are provided by the Museum of Archeology and Ethnography R. G. Kuzeev, Institute of Ethnological Research, the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. The authors of the excavations of the Kushulevsky III burial ground are B. V. Ageev, N. A. Mazhitov.

Таблица 2

Встречаемость типов наконечников стрел в колчаных наборах

№ п/п	Погребение	Т.1 Бронза	Т.2 Бронза	Т.3 Кость	Т.3А Кость	Т.4 Кость	Т.5 Железо	Т.6 Железо
1	1	-	-	3	-	-	2	-
2	2	-	-	8	-	-	-	-
3	4	-	-	1	-	-	-	-
4	7	-	-	4	-	-	1	-
5	18	-	-	-	-	-	3	-
6	22	-	-	2	-	-	3	-
7	28	-	-	4	-	-	-	-
8	29	-	-	9	-	1	-	-

Продолжение табл. 2

№ п/п	Погребение	Т.1 Бронза	Т.2 Бронза	Т.3 Кость	Т.3А Кость	Т.4 Кость	Т.5 Железо	Т.6 Железо
9	32	-	-	2	-	-	1	-
10	36	-	-	6	-	-	-	-
11	37	-	-	8	-	-	-	-
12	38	-	-	5	-	-	-	-
13	46	-	-	-	-	-	-	1
14	51	-	-	3	-	-	1	-
15	52	-	-	8	-	-	1	-
16	57	-	-	11	-	-	5	-
17	66	-	-	-	-	-	7	-
18	70	-	-	5	-	-	-	-
19	72	-	-	4	-	-	4	-
20	76	-	-	-	-	-	1	-
21	81	-	-	-	-	-	1	-
22	96	-	-	-	-	-	1	-
23	97	-	-	-	-	-	3	-
24	99	-	-	1	-	-	1	-
25	103	-	-	-	-	-	1	-
26	104	-	-	5	-	-	5	-
27	108	-	-	8	-	-	1	-
28	111	-	-	4	-	-	-	-
29	114	-	-	2	-	-	-	-
30	115	-	-	3	-	-	2	-
31	116	-	-	2	-	-	-	-
32	117	-	-	19	-	-	-	-
33	118	-	-	8	-	-	7	-
34	120	-	-	9	-	-	-	-
35	121	-	-	-	9	-	8	-
36	122	-	-	1	-	1	-	-
37	128	-	-	8	-	-	-	-
38	133	-	-	1	-	-	-	-
39	134	-	-	2	-	-	10	-
40	136	-	-	9	-	-	9	-
41	137	-	-	11	-	-	-	-
42	148	-	-	9	1	1	-	-
43	158	-	-	4	-	-	2	-
44	159	-	-	28	-	-	-	-
45	161	-	-	4	-	-	-	-
46	165	-	-	-	-	-	1	-
47	168	-	-	2	-	-	-	-
48	169	-	-	10	-	-	-	-
49	170	-	-	11	-	-	-	-
50	173	-	-	8	-	-	-	-
51	175	-	-	9	-	-	-	-
52	181	-	-	-	2	-	5	-
53	188	-	-	-	-	-	16	-
54	199	-	-	5	-	-	2	-
55	205	7	-	12	-	-	8	-
56	207	-	-	3	-	-	3	-
57	208	-	-	4	-	-	2	-
58	212	-	-	-	-	-	1	-
59	219	-	-	5	-	-	2	-
60	220	-	-	9	-	-	6	-
61	222	-	-	-	-	-	3	-
62	223	-	-	-	-	-	4	-
63	228	-	-	19	-	1	-	-

Окончание табл. 2

№ п/п	Погребение	Т.1 Бронза	Т.2 Бронза	Т.3 Кость	Т.3А Кость	Т.4 Кость	Т.5 Железо	Т.6 Железо
64	231	-	-	-	-	-	5	-
65	237	-	-	3	-	-	-	-
66	251	-	-	9	-	-	1	-
67	255	-	-	6	-	-	7	-
68	257	-	-	9	-	1	2	-
69	259	-	-	-	-	-	1	-
70	269	-	-	1	-	-	1	-
71	274	-	-	10	-	-	2	-
72	275	-	2	-	-	-	5	-
73	276	-	-	4	-	-	-	-
74	284	-	-	10	-	-	-	-
75	288	2	-	-	-	-	1	-
76	293	-	-	-	-	-	1	-
77	296	-	-	2	-	-	1	-
78	298	-	-	-	-	-	1	-
79	302	-	-	3	-	-	4	-
80	305	-	-	-	-	-	1	-
81	306	6	-	-	-	-	1	-
82	307	2	-	10	-	-	2	-
83	316	-	-	11	-	-	-	-
84	318	-	-	-	-	-	2	-
85	321	-	-	3	-	-	15	-
86	322	5	-	1	-	-	-	-
87	324	1	-	12	-	1	-	-
88	330	-	-	3	-	-	-	-
89	331	-	-	-	-	-	3	-
90	334	-	-	4	-	-	1	-
91	337	-	-	3	-	-	3	-
92	344	-	-	-	-	-	1	-
93	347	-	-	-	-	-	11	-
94	351	-	-	2	-	-	3	-
95	352	-	-	4	-	-	-	-
96	361 к.2	-	-	1	-	-	4	-

Планиграфия могильника показывает, что основной массив погребений только с костяными наконечниками стрел (НС) приурочен к северо-восточной части могильника (рис. 2). Подавляющее большинство костяных наконечников стрел относятся к типу 3. Они присутствуют в 70 из 96 погребений со стрелами (табл. 2). Причём наконечники стрел типа 3 встречаются со всеми другими типами, кроме типов 2 и 6. Черешковые костяные наконечники стрел не встречаются.

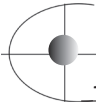
Железные наконечники, исключая один, черешковые, трёхлопастные. Лишь один из железных наконечников стрел (тип 6) втульчатый, трёхлопастной (рис. 1:11), совершенно нетипичный для пьяноборского круга древностей, но находящий свои аналогии у меотов Прикубанья и на Кавказе [8, с. 38].

Колчаные наборы, в которых присутствуют наконечники только из железа, распростра-

нены почти по всей площадке могильника, но не попадают в его северо-восточную часть, где доминирующими являются костяные (см. рис. 2).

Бронзовые наконечники стрел во всех случаях сопровождаются наконечниками или из кости, или из железа (см. табл. 2). В трёх случаях (п. № 288, 306 и 322) бронзовых наконечников больше, нежели чем иных (табл. 2). Хотя в количественном отношении их преобладание в колчаных наборах незначительно. В других трех погребениях бронзовых наконечников меньше, чем железных или костяных (п. № 205, 307 и 324). В одном случае наблюдается паритет в видах наконечников стрел (п. № 275).

Погребения с бронзовыми наконечниками стрел располагаются в трех частях могильника (рис. 2). В погребении № 275 найдено одинаковое количество бронзовых и

железных наконечников; в погребении № 288 бронзовых наконечников на один больше, чем железных (см. табл. 2). К ним примыкает погребение № 324, где с одним бронзовым найдено тринадцать костяных (см. табл. 2). Немногим к западу от этих погребений могильник заканчи-

вается. Исследованная южная часть показывает, что участок с погребениями № 275, 288 и 324 может продолжаться на юг, до широты № 27 (см. рис. 2). В связи с этим можно сделать вывод, что три этих погребения относятся к ранней части Кушулевского III могильника.

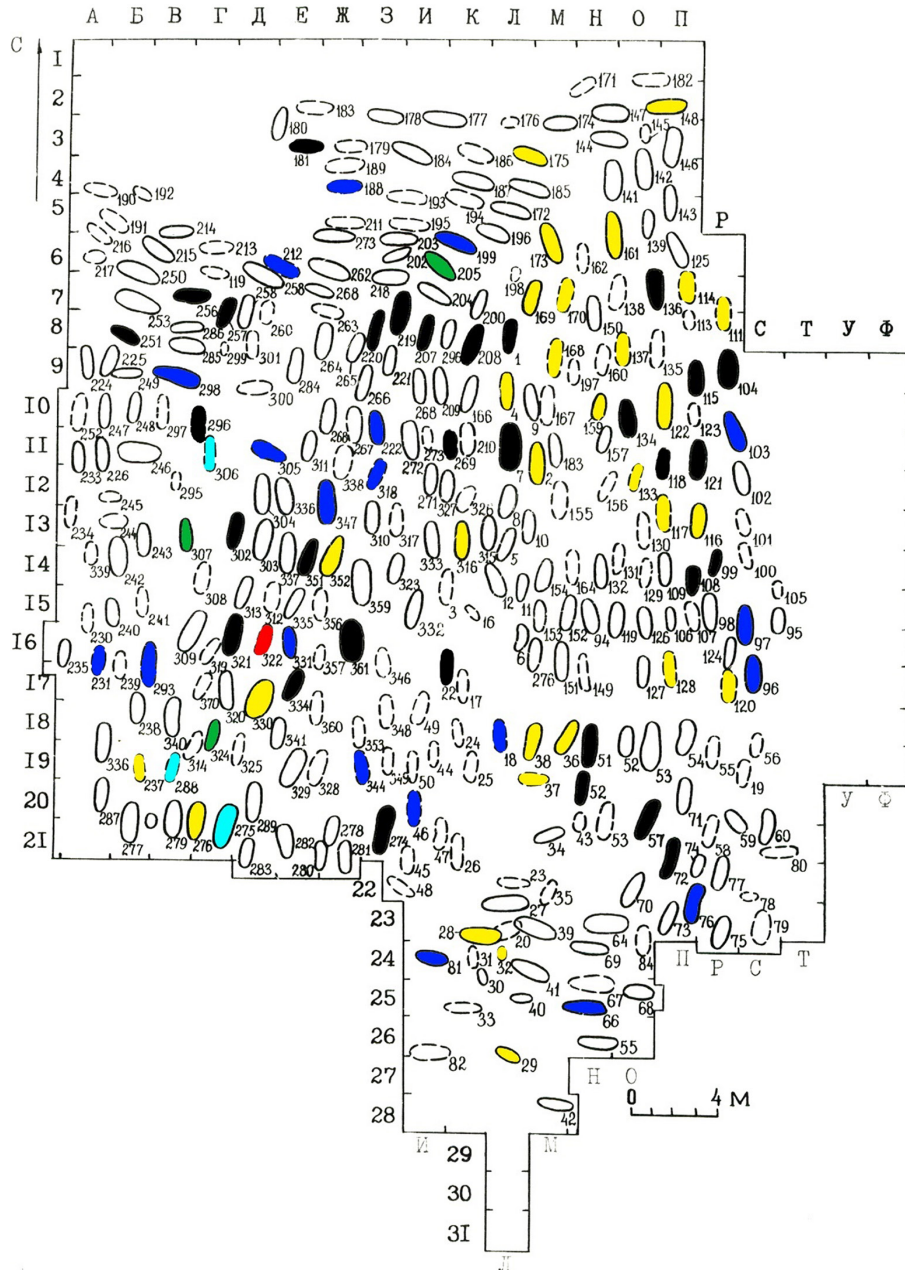

Рис. 2. План Кушулевского III могильника. Составлен Н. А. Мажитовым и Б. Б. Агеевым. Цветом обозначены: бирюзовым – погребения с бронзовыми и железными НС; зелёным – погребения с бронзовыми, железными и костяными НС; красным – погребения с бронзовыми и костяными НС; чёрным – погребения с железными и костяными НС; синим – погребения с железными НС; жёлтым – погребения с костяными НС

Fig. 2. Plan of the Kushulevsky III burial ground. Compiled by N. A. Mazhitov and B. B. Ageev. Color marked: turquoise – burials with bronze and iron AH; green – burials with bronze, iron and bone AH; red – burials with bronze and bone AH; black – burials with iron and bone AH; blue – burials with iron AH; yellow – bone burials AH

Говоря о встречаемости типов наконечников стрел, наиболее устойчивый результат даёт сочетание железных наконечников стрел типа 3 с костяными типа 5 (36 случаев из 96) (см. табл. 3). В 6 случаях из 96 наблюдается совстречаемость костяных

наконечников стрел со скрытой и с выступающей втулкой (типы 3 и 4) (см. табл. 3). В остальных случаях наконечники стрел в колчанах представлены либо своим же типом, либо незначительным процентом сочетания с другими типами.

Таблица 3

Встречаемость типов наконечников стрел в погребениях Кушулевского III могильника

Тип наконечника стрелы	Тип наконечника стрелы и его встречаемость с другими типами						
	T.1	T.2	T.3	T.3 В.А	T.4	T.5	T.6
T.1	0	0	4	0	1	3	0
T.2	0	0	0	0	0	2	0
T.3	4	0	0	1	6	36	0
T.3 В.А	0	0	1	0	0	0	0
T.4	1	0	6	0	0	2	0
T.5	3	1	36	0	2	0	0
T.6	0	0	0	0	0	0	0

Древковое оружие представлено наконечниками копий – 22 экземпляра (рис. 3:1–4) и наконечником дротика в 1 экземпляре (рис. 3:5). Как и в случае с наконечниками копий Юлдашевского могильника, кушулевские экземпляры могли выступать как самостоятельным предметом вооружения (п. № 156, 240, 241, 246, 279), так и во взаимосвязи с другим оружием.

В хронологическом отношении в погребениях с наконечниками копий почти во всех случаях отсутствуют более или менее чёткие хронологические индикаторы. Выделяются только два погребения (№ 66 и 246), материал которых позволя-

ет говорить о каких-либо хронологических границах.

Наконечник копья из погребения № 66 находился вместе с мечом позднесарматского облика – без навершия и перекрестия. В погребении зафиксирована сьюльгама с миндалевидной рамкой, железные наконечники стрел [5, с. 8]. Датированным материалом здесь выступает сьюльгама, хронология которой была определена ещё В. Ф. Генингом в пределах I–II вв. н. э. [9, табл. VI-2]. Подобные сьюльгамы имеются в материалах памятников писеральско-андреевского типа, они продатированы С. Э. Зубовым в I–II вв. н. э. [13, с. 70–71, 84–85].

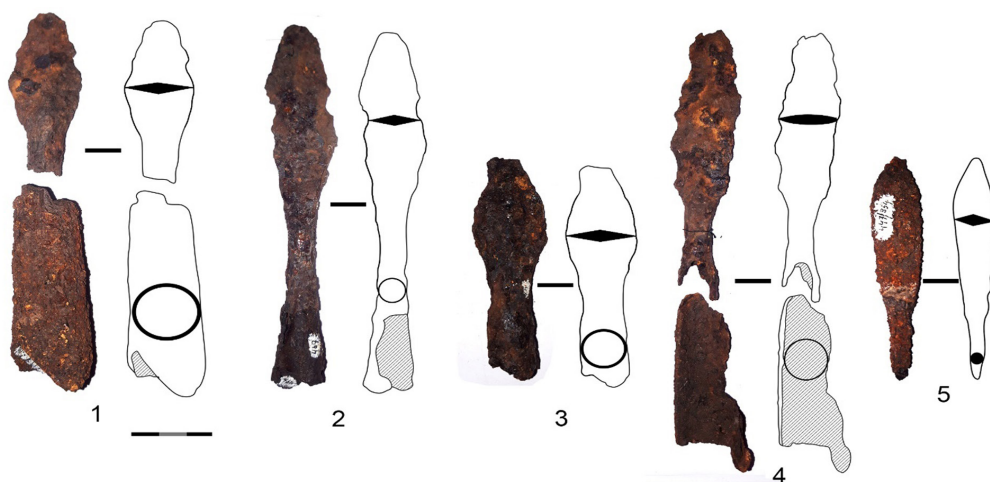
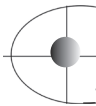

Рис. 3.* Наконечники копий Кушулевского III могильника: 1 – п. № 18; 2 – п. № 96; 3 – п. № 175; 4 – п. № 189; 5 – п. № 59

Fig. 3.* Tips of javelins of the Kushulevsky III burial ground: 1 – burial No. 18; 2 – burial No. 96; 3 – burial No. 175; 4 – burial No. 189; 5 – burial No. 59

В погребении № 246 обнаружена бородавчатая бусина чёрного цвета с многослойными белыми глазками [5, рис. 1:30]. Данный вид бус анализировался в работе А. В. Симоненко и Е. С. Дженеладзе. Авторы связывают его с элементами украшения конской узды, распространенного в Северном Причерноморье в III–II вв. до н. э. [по: 10, с. 36]. В ряде случаев подобные бусы встречаются в комплексах I в. до н. э. могильника Псенафа Северо-Западного Предкавказья [Там же]. Конкретно этот экземпляр (п. № 246) Б. Б. Агеев отнёс к первым векам нашей эры [6, с. 35].

Необычной находкой является наконечник дротика из погребения № 59 (рис. 3:5). Метрические характеристики данного артефакта позволили допустить предположение,

что мы имеем дело с наконечником стрелы. Более того, похожие по форме наконечники стрел встречаются среди хуннских [11, с. 72]. Однако их размер мало сопоставим с рассматриваемым экземпляром. Более того, нужно учитывать унифицированность положения наконечников стрел в могилах пьяноборской культуры – у ступней или голей умершего. В нашем случае указанная находка находилась между бёдрами усопшего. На основании данных фактов можно предположить, что мы имеем дело не с наконечником стрелы, а с наконечником дротика. Наконечники дротиков и в целом метательное оружие нетипичны для пьяноборской и кара-абызской культур. Неизвестны они в Урало-Поволжье и в предшествующие эпохи.

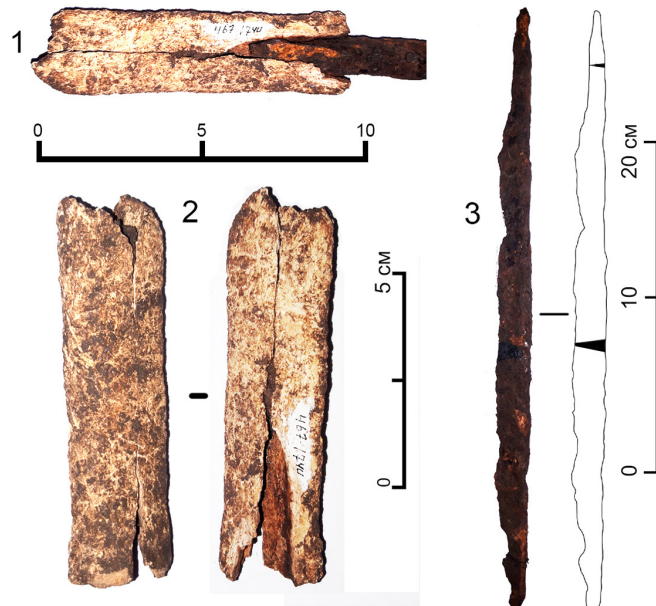

Рис. 4.* Боевой нож и костяная рукоять из п. № 189 Кушулевского III могильника: 1, 2 – костяная рукоять и способ крепления; 3 – боевой нож

Fig. 4.* Combat knife and bone handle from burial № 189 of the Kushulevsky III burial ground: 1, 2 – bone handle and method of attachment; 3 – combat knife

Боевые ножи также имеются в материалах погребений Кушулевского III могильника в 12 экземплярах, они представляют собой однолезвийные клинки без навершия и перекрестия (рис. 4:3). В погребении № 189 вместе с боевым ножом была найдена его костяная рукоять, которая позволяет наглядно показать её крепление к черешку клинка (рис. 4:1,2).

Сопровождающий инвентарь погребений, где встречены боевые ножи, не даёт

установить узкие хронологические рамки для этих предметов. Из всего массива погребений с боевыми ножами имеются: погребения № 122, 188, 274, 293, 298, 305 и 347, где фиксируются железные наконечники стрел. На их фоне выделяется погребение № 275, которое можно отнести к однозначно ранним, так как в нём наблюдается сочетание и бронзовых, и железных наконечников стрел. В специальной литературе уже не раз поднимался вопрос о запазды-

вании применения бронзовых наконечников стрел у населения пьяноборской культуры. Р. Р. Саттаровым и С. Э. Зубовым на материалах Кипчаковского могильника было убедительно доказано, что бронзовые наконечники стрел имели распространение в пьяноборской среде вплоть до рубежа эр [12, с. 213]. Анализ автора, проведённый по погребениям с вооружением Юлдашевского могильника пьяноборской культуры, также подтвердил данный вывод [4, с. 158].

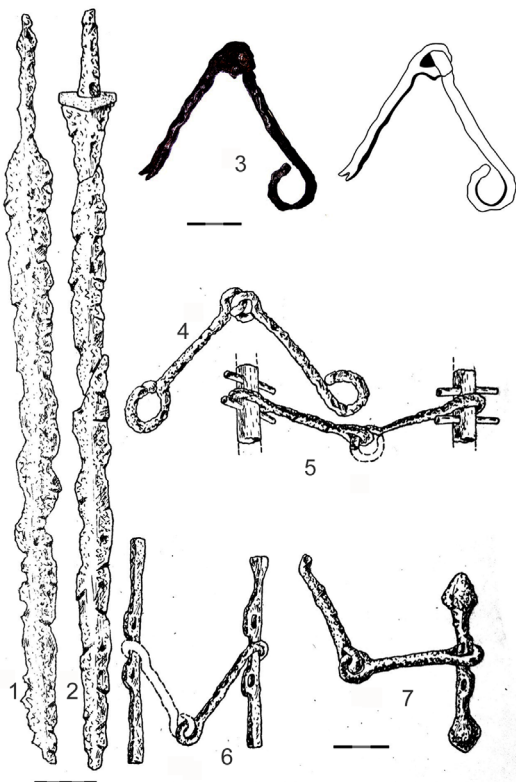

Рис. 5.* Мечи и конская узда Кушулевского III могильника: 1 – п. № 66; 2 – п. № 306; 3 – п. № 122; 4 – п. № 103; 5 – п. № 298; 6 – п. № 57; 7 – п. № 361

Fig. 5.* Swords and a horse bridle of the Kushulevsky III burial ground: 1 – burial No. 66; 2 – burial No. 306; 3 – burial No. 122; 4 – burial No. 103; 5 – burial No. 298; 6 – burial No. 57; 7 – burial No. 361

Мечи содержатся в двух погребениях. Меч из погребения № 66 позднесарматского облика. У него отсутствует навершие и перекрестие (рис. 5:1). Его хронология (I–II вв. н. э.) рассмотрена немногим ранее. Меч из погребения № 306 относится к так называемым мечам ханьского типа (рис. 5:2). Их отличительной особенностью является

наличие многоугольного перекрестия. В своё время они были выделены А. С. Скрипкиным в тип 7 мечей, распространённых у кочевников Волго-Уральских степей [14, с. 62].

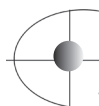
Прототипы мечей подобного облика известны в арсенале китайских воинов с VIII в. до н. э. Бронзовый меч с аналогичным перекрестием является типичным для этого времени¹. Подобный аналогичному кушулевскому типу 3 мечей с бронзовым многоугольным перекрестием один меч датируется периодом Синьман, названным по столице Западной Хань в 9–23 гг. н. э. [15, с. 1]. Меч ханьского типа, обнаруженный в 1987 г. в гробнице династии Хань, датируется первым годом правления императора Юнгуана из династии Западная Хань – 43 г. до н. э. [16, с. 57]. Относительно Южного Урала железные мечи ханьского типа появились в сарматских комплексах в раннесарматское время и активно использовались вплоть до позднесарматского времени, а именно со II–I вв. до н. э. по II–III вв. н. э. [14, с. 202].

Сопутствующий мечу инвентарь погребения № 306 представлен боевым ножом, бытовым ножом, круглой бляшкой, наконечниками стрел и наконечником копья. Нужно обратить внимание на то, что набор наконечников стрел включал в себя 6 бронзовых и 1 железный. По преобладанию в колчане бронзовых наконечников стрел можно отнести данное погребение к рубежу эр.

Что касается взаимосвязи мечей Кушулевского III могильника с иными предметами вооружения, то здесь можно обозначить следующие моменты. Мечам Кушулевского III могильника в обоих случаях сопутствовали вспомогательные виды вооружения. Мечи данного некрополя не связаны с уздечными наборами, поэтому их применение, вероятно, не относится к всадничеству. Меч из погребения № 66 зафиксирован с наконечником копья и наконечниками стрел. Причём в указанном погребении – это исключительно железные наконечники стрел типа 5. В погребении № 306 мечу сопутствовал боевой нож, наконечник копья и наконечники стрел из бронзы (тип 1) и железа (тип 5).

Конская узда обнаружена в 8 экземплярах. В погребениях № 103, 122, 243, 352 наборы представляют собой только железные удила без псалий. В погребении № 57

¹ 李缙云. 于文物收藏图解辞典. 杭州: 浙江人民出版社. 2002. 第 59. = Ли Цзиньюнь. Иллюстрированный словарь Коллекции культурных реликвий. – Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2002. – Гл. 59.

найлены железные удила со стержневидными псалями с двумя боковыми петлями (рис. 5:6). В погребении № 361 узда – это железные удила с двудырчатыми псалями, концы которых раскованы в виде ромба (рис. 5:7). Ещё в двух погребениях (№ 298 и 351) имеются железные удила с костяными псалями (рис. 5:5). находка фибулы в Чертовицком могильнике, комплекс п. 711 Усть-Альмы, к. 8/п. 2 хут. Шевченко, Усьман к. 4/п. 2, Неаполь Скифский, конское погребение 3 позволяют датировать стержневые псалии с двумя боковыми петлями I – началом II в. н. э. [17, с. 76]. Уздечный набор из погребения № 361 находит аналогию с уздой из погребения № 16 Андреевского I кургана [18, рис. 22:7], который датируется последней четвертью I–II вв. н. э. [Там же, с. 53]. В остальных случаях находки конской узды Кушулевского III могильника – это удила без псалий или удила с костяными псалями (рис. 5:3–5).

бение 3 позволяют датировать стержневые псалии с двумя боковыми петлями I – началом II в. н. э. [17, с. 76]. Уздечный набор из погребения № 361 находит аналогию с уздой из погребения № 16 Андреевского I кургана [18, рис. 22:7], который датируется последней четвертью I–II вв. н. э. [Там же, с. 53]. В остальных случаях находки конской узды Кушулевского III могильника – это удила без псалий или удила с костяными псалями (рис. 5:3–5).

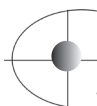
Таблица 4

Оружейные наборы Кушулевского III могильника

№ п/п	Погребение	Лук	Копьё	Боевой нож	Меч	Дротик	Узда
1	1	+	-	-	-	-	-
2	2	+	+	-	-	-	-
3	4	+	-	-	-	-	-
4	7	+	-	-	-	-	-
5	18	-	+	+	-	-	-
6	22	+	-	-	-	-	-
7	28	+	-	-	-	-	-
8	29	+	-	-	-	-	-
9	32	+	-	-	-	-	-
10	36	+	-	-	-	-	-
11	37	+	-	-	-	-	-
12	38	+	+	-	-	-	-
13	46	+	-	-	-	-	-
14	51	+	-	-	-	-	-
15	52	+	-	-	-	-	-
16	57	+	-	-	-	-	+
17	59	-	-	-	-	+	-
18	66	+	+	-	+	-	-
19	70 к.1	+	-	-	-	-	-
20	72	+	-	-	-	-	-
21	76	+	-	-	-	-	-
22	81	+	-	-	-	-	-
23	96	+	+	-	-	-	-
24	97	+	-	-	-	-	-
25	99	+	-	-	-	-	-
26	103	+	-	-	-	-	+
27	104	+	-	-	-	-	-
28	108	+	-	-	-	-	-
29	111	+	-	-	-	-	-
30	114	+	-	-	-	-	-
31	115	+	-	-	-	-	-
32	116	+	-	-	-	-	-
33	117	+	-	-	-	-	-
34	118	+	-	-	-	-	-
35	120	+	-	-	-	-	-
36	121	+	-	-	-	-	-
37	122	+	-	+	-	-	+
38	128	+	-	-	-	-	-
39	133	+	-	-	-	-	-
40	136	+	+	-	-	-	-

Продолжение табл. 4

№ п/п	Погребение	Лук	Копье	Боевой нож	Меч	Дротик	Узда
41	137	+	-	-	-	-	-
42	148	+	-	-	-	-	-
43	156	-	+	-	-	-	-
44	158	+	-	-	-	-	-
45	159	+	-	-	-	-	-
46	161	+	-	-	-	-	-
47	165	+	-	-	-	-	-
48	168	+	-	-	-	-	-
49	169	+	-	-	-	-	-
50	170	+	-	-	-	-	-
51	173	+	+	+	-	-	-
52	175	+	-	-	-	-	-
53	181	+	-	-	-	-	-
54	188	+	+	+	-	-	-
55	199	+	-	-	-	-	-
56	205	+	-	-	-	-	-
57	207	+	-	-	-	-	-
58	208	+	-	-	-	-	-
59	219	+	-	-	-	-	-
60	220	+	-	-	-	-	-
61	222	+	-	-	-	-	-
62	223	+	-	-	-	-	-
63	228	+	-	-	-	-	-
64	231	+	-	-	-	-	-
65	240	-	+	-	-	-	-
66	241	-	+	-	-	-	-
67	243	-	+	-	-	-	+
68	246	-	+	-	-	-	-
69	251	+	-	-	-	-	-
70	255	+	-	-	-	-	-
71	257	+	+	-	-	-	-
72	259	+	-	-	-	-	-
73	269	+	-	-	-	-	-
74	274	+	-	+	-	-	-
75	275	+	+	+	-	-	-
76	276	+	-	-	-	-	-
77	279	-	+	-	-	-	-
78	284	+	-	-	-	-	-
79	288	+	-	-	-	-	-
80	293	+	-	+	-	-	-
81	296	+	-	-	-	-	-
82	298	+	-	+	-	-	+
83	302	+	+	-	-	-	-
84	304	-	+	+	-	-	-
85	305	+	-	+	-	-	-
86	306	+	+	+	+	-	-
87	307	+	-	-	-	-	-
88	316	+	-	-	-	-	-
89	318	+	-	-	-	-	-
90	321	+	-	-	-	-	-
91	322	+	-	-	-	-	-
92	324	+	-	-	-	-	-
93	330	+	-	-	-	-	-
94	331	+	-	-	-	-	-
95	334	+	-	-	-	-	-

Окончание табл. 4

№ п/п	Погребение	Лук	Копье	Боевой нож	Меч	Дротик	Узда
96	337	+	-	-	-	-	-
97	344	+	-	-	-	-	-
98	347	+	+	+	-	-	-
99	351	+	+	-	-	-	+
100	352	+	-	-	-	-	+
101	361	+	+	-	-	-	+

При анализе встречаемости определённых видов вооружения и конской узды в погребениях, выделены 12 оружейных наборов (табл. 5). Наиболее распространённый результат даёт набор, состоящий просто из лука – 69 погребённых. В 6 погребениях фиксируется оружейный набор № 2.

По 5 погребений приходится на оружейные наборы № 3 и 8. Совершенно уникальными для погребённых в Кушулевском III могильнике являются оружейные наборы № 5, 9 и 12 (см. табл. 5).

Таблица 5

Соотношение оружейных наборов Кушулевского III могильника

№ п/п	Набор	Всего погребений	Процент от общего количества погребений с предметами вооружения ¹
1	Лук	69	68
2	Лук+копье	6	6
3	Лук+копье+боевой нож	5	5
4	Лук+узда	3	3
5	Дротик	1	1
6	Лук+копье+меч	2	2
7	Лук+боевой нож+узда	2	2
8	Копье	5	5
9	Копье+узда	1	1
10	Лук+боевой нож	4	4
11	Копье+боевой нож	2	2
12	Лук+копье+узда	1	1

¹Проценты округлены в пользу целостности числа

Описанные в табл. 5 данные демонстрируют: 1) «полный набор» вооружения пьяноборского мужчины, погребённого в Кушулевском III могильнике: а) лук, копье, боевой нож и б) лук, копье, меч; 2) в 8 из 12 оружейных наборов фиксируются наконечники стрел, т. е. лук; 3) проявляются три самостоятельных

предмета вооружения – лук, дротик, копье; 4) набор вооружения почти каждого третьего погребённого состоит только из лука; 5) в 4 из 12 наборов встречается конская узда.

Сведения, полученные в ходе исследования информации при сравнении с данными других могильников, отражены в табл. 6.

Таблица 6

Сравнительная характеристика наличия предметов вооружения в Кушулевском III, Юлдашевском и Охлебининском могильниках

Предмет	Могильники		
	Кушулевский III	Юлдашевский	Охлебининский
количество погребений			
Меч	2	0	3
Лук	96	26	178
Кинжал	0	2	6
Палаш	0	0	2
Копье	22	10	101
Боевой нож	12	10	38
Дротик	1	0	0
Узда	8	12	79

Интересной особенностью является то, что погребений с уздой в Охлебининском могильнике 79, в Юлдашевском – 12, в Кушулевском III – 8. Однако уздечные наборы Юлдашевского могильника в основном представлены удилами без псалий или с костяными псалиями. Узда из погребений Кушулевского III могильника более вариативна, имеются стержневидные железные псалии с разным оформлением их окончаний. Вполне вероятно, что падение количества погребений с уздой по линии Охлебинино – Кушулево (154 км на северо-запад от последнего) связано с отдалением последнего от кочевого мира. Количество уздечных наборов Охлебининского могильника можно объяснить влиянием населения, оставившего могильника Бишунгарово и Старые Кишки.

Заключение. Таким образом, приведённая информация убедительно демонстрирует доминирование лука в оружейных наборах населения пьяноборской культуры. В случае с Кушулевским III могильником мы видим, что здесь идёт унификация оружейного набора в виде только лука. Более того, чётко выделяется форма наиболее используемого наконечника стрелы типа 3. В Юлдашевском и Охлебининском могильниках формы костяных наконечников стрел более разнообразны. В 4 из 12 оружейных наборов присутствуют наконечники копий. Причём имеются как массивные наконечники копий (рис. 3:1), так и более изящные экземпляры (рис. 3:2). Важным открытием стало обнаружение в погребении № 189 боевого ножа с костяной рукоятью, которая позволяет реконструировать внешний облик данного предмета вооружения.

Материалы Кушулевского III и Юлдашевского могильников свидетельствуют о

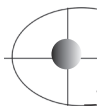
разительном отличии пьяноборского комплекса вооружения от сарматского: выборность попадания мечей, единичность кинжалов, преобладание в колчаных наборах костяных наконечников стрел.

Пока необъяснимой остаётся ситуация с преобладанием в колчаных наборах костяных наконечников стрел типа 3. Одно из предположений – географическая закрытость ареала пьяноборской культуры для серьёзных внешних изменений в материальной культуре. Следующим объяснением может быть их одноразовость. На этот факт ссылался К. Ф. Смирнов [19, с. 282]. «Одноразовость» определяется способом крепления наконечника стрелы на древке, так как при его попытке извлечения из тела жертвы наконечник отделялся и оставался внутри [20, с. 49]. Таким образом, костяные наконечники стрел могли сохраняться в колчаных наборах на протяжении долгого времени. Ещё одно предположение – костяной втульчатый, трёхгранный наконечник стрелы был своеобразным этнокультурным маркером пьяноборского общества. Поэтому их изготовление в пьяноборской среде стало определённой традицией.

Оружейные наборы Кушулевского III, Юлдашевского и Охлебининского могильников показывают определённую близость друг к другу, за исключением преобладания в некоторых случаях отдельных категорий оружия или конской узды, при этом Охлебининский могильник относится к кара-абызской культуре. Здесь же наглядно видно, что в клинковом оружии самым используемым является однолезвийный боевой нож, нежели чем меч или кинжал. Сочетание боевого ножа с луком или копьём формирует стандартизированный комплекс вооружения пьяноборской культуры.

Список литературы

1. Tal Kan Cipor Meron Metal Weapons of "Warrior" Burials" Found in the Middle Bronze Age II Southern Levant – Economical and Social Aspects // *Global Journal of Archaeology & Anthropology*. 2018. Vol. 6. Pp. 1–3.
2. Sabine Reinhold Tradition in transition: some thoughts on late bronze age and early iron age burial costumes from northern Caucasus // *European journal of archeology*. 2003. Vol. 6. Pp. 25–54.
3. Зубов С. Э. О военной структуре среднебелых племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника). // *Уфимский археологический вестник*. 2012. Вып. 12. С. 108–123.
4. Лясович В. И. Погребения с вооружением и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья // *Гуманитарный вектор*. 2021. № 3. С. 152–167.
5. Агеев Б. Б., Мажитов Н. А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа, 1985. 40 с.
6. Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
7. Куринских О. И., Куринских О. И. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // *Российская археология*. 2011. № 3. С. 42–54.
8. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 173 с.

9. Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 10. С. 3–224.
10. Эрлих В. Р. Два богатых эллинистических погребения из могильника Псенафа // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. Т. 6. С. 13–47.
11. Засецкая И. П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV – V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 70–83.
12. Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. А. А. Выборнова. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 210–214.
13. Зубов С. Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–II вв. н. э.). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 201 с.
14. Скрипкин А. С. Азиатская сарматия. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 303 с.
15. Fengyan Z., Manli S., Xiuhui L., Guo M. The manufacturing technology of iron swords from the capital of the Han Empire in China. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs42452-020-03312-x>. (дата обращения: 10.06.2021). Текст: электронный.
16. 朱棒. 江苏仪征出土永光元年羊头铁剑考 / 朱棒. 总第260期>>年第6期>>地域文明, 2017. 55–58.
17. Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
18. Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.
19. Смирнов К. Ф. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60. С. 206–322.
20. Бугров Д. Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2006. 351 с.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; принята к публикации 28.08.2021

Сведения об авторе

Лясович Всеволод Игоревич, научный сотрудник, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук; 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71, лит. У; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Библиографическое описание статьи

Лясович В. И. Погребения с вооружением и конской уздой Кушулевского III могильника пьяноборской культуры: сравнительная характеристика // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 62–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-62-77.

References

1. Tal Kan Cipor Meron Metal Weapons of “Warrior” Burials” Found in the Middle Bronze Age II Southern Levant – Economical and Social Aspects. Global Journal of Archaeology & Anthropology, vol. 6, pp. 1–3, 2018. (In Engl.)
2. Sabine Reinhold Tradition in transition: some thoughts on late bronze age and early iron age burial costumes from northern Caucasus. European journal of archeology, vol. 6, pp. 25–54, 2003. (In Engl.)
3. Zubov, S. E. On the military structure of the Middle Belian tribes of the early Iron Age (based on materials from the Okhlebin burial ground, vol. 12, pp. 108–123, 2012. (In Rus.)
4. Lyasovich, V. I. Burials with Weapons and Horse Bridle of Yuldashevsky Burial Ground in the South Ural Region. Humanitarian Vector, no. 3, pp. 152–167, 2021. (In Rus.)
5. Ageev, B. B., Mazhitov, N. A. A new monument to the Pyanobor culture in Bashkiria (preprint). Ufa, 1985. (In Rus.)
6. Ageev, B. B. The Pyanobor culture. Ufa: BNTs UB RAS, 1992. (In Rus.)
7. Kurinskikh, O. I. Arrowheads of the early nomads of the Left Bank Ilek, 6th – 1st centuries. BC (based on materials from burial grounds near the village of Pokrovka). Russian archeology, no. 3, pp. 42–54, 2011. (In Rus.)
8. Khazanov, A. M. Essays on the military affairs of the Sarmatians. Moscow: Nauka, 1971. (In Rus.)
9. Gening, V. F. The history of the population of the Udmurt Kama region in the drunken era. Part 1: Cheganda culture (III century BC – II century AD). Questions of archeology of the Urals, issue 10, pp. 3–224, 1970. (In Rus.)

10. Erlich, V. R. Two rich Hellenistic burials from the Psenafa burial ground. *Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology, art and material culture*, vol. 6, pp. 13–47, 2017. (In Rus.)
11. Zasetzkaya, I. P. Classification of arrowheads of the Hunnic era (late 4th – 5th centuries AD). *History and culture of the Sarmatians*. 1983: 70–83. (In Rus.)
12. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. Arrowheads of the Pyanobor culture as chronological markers (based on materials from the burial complexes of the Kipchakov I Kurgan-ground burial ground). XXI Ural Archaeological Meeting. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Samara: Publishing house SGSPU, 2018: 210–214. (In Rus.)
13. Zubov, S. E. Military migrations of the Roman period in the Middle Volga region (I–III centuries AD). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. (In Rus.)
14. Skripkin, A. S. *Asian Sarmatia*. Saratov: Saratov University Press, 1990. (In Rus.)
15. Fengyan, Z., Manli, S., Xiuhui, L., Guo M., The manufacturing technology of iron swords from the capital of the Han Empire in China. Web. 10.06.2021. <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs42452-020-03312-x>. (In Engl.)
16. 朱棒, 江苏仪征出土永光元年羊头铁剑考 /朱棒 // 总第260期>>年第6期>>地域文明, 2017: 55–58. (In Chin.)
17. Goldina, R. D., Krasnoperov A. A. Nyrgynda I burial ground, 2nd – 3rd centuries. on the Middle Kama. Izhevsk: Publishing House “Udmurt University”, 2012. (In Rus.)
18. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. Andreevsky Kurgan in the system of archaeological cultures of the Early Iron Age in Eastern Europe. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009. (In Rus.)
19. Smirnov, K. F. Mounds near the villages of Ilovatka and Politotdelskoe, Stalingrad region. *MIA*. 1959: 206–322. (In Rus.)
20. Bugrov, D. G. Pyanobor culture settlements in the Iksko-Belsk interfluve. Cand. sci. diss. Kazan, 2006. (In Rus.)

Received: July 22, 2021; accepted for publication August 28, 2021

Information about author

Lyasovich Vsevolod I., Research Assistant, Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences; U lit., 71 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, Russia; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Reference to the article

Lyasovich V. I. Weapon Sets of the Kushulevsky III Burial Ground of the Pyanobor Archaeological Culture // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 62–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-62-77.

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГУМАНИТАРНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

BAIKAL REGION IN HUMANITARIAN AND GEOPOLITICAL DIMENSION

УДК 94(571)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-78-86

Виталий Григорьевич Зеляк,

Новосибирский государственный педагогический университет

(г. Новосибирск, Россия),

e-mail: Zelyak75@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2431-5536>

Организация управления золотодобывающей промышленностью Сибири в начале 1920-х годов

Основная цель статьи – провести анализ эволюции организационных форм управления золотопромышленным комплексом Сибири в 1920–1922 гг. Актуальность исследования определяется тем, что восполняются существенные пробелы в историографии промышленного развития Сибири, изучается опыт управленческих решений по организации работы золотодобывающего комплекса Сибири в чрезвычайных условиях начала 1920-х гг. Автором использовались историко-генетический, историко-сравнительный, конкретно-исторический методы. Методологической основой исследования является регион-ориентированный подход, разрабатываемый в рамках теории модернизации. В ходе изучения установлено, что во время революционных событий в Сибири золотодобывающая промышленность этого региона пришла в упадок, поэтому центральным и сибирским властям пришлось проделать огромную работу по восстановлению этой отрасли. Для управления горнодобывающей промышленностью и золотодобывающей отраслью, как её составной части, в 1920 г. был организован Сибирский горный отдел со специализированным подотделом Сибзолото. Многочисленные проблемы затрудняли управление золотодобывающим комплексом, однако деятельность Сибирского горного отдела следует признать весьма полезной. Для организации золотодобывающих работ на местах были сформированы районные управления золотодобывающей и платиновой промышленности. Работу всех районных отделов координировал Сибирский горный отдел, через который осуществлялось их взаимодействие с центром. Однако такие крупные подразделения, как Лензолото и Ензолото, часто напрямую взаимодействовали с Москвой. В конце 1921 г. Сибирский горный отдел был сокращён, управление золотодобывающей промышленностью серьёзно нарушилось. Одновременно в этот период со стороны центральных органов власти наблюдался существенно больший интерес к развитию золотодобычи, чем со стороны Сибревкома и Сибпромбюро, что в свою очередь сдерживало развитие отрасли. В целом ряд недостаточно продуманных управленческих решений, прежде всего ликвидация единого органа управления горной промышленности Сибири, усугубляли нестабильную работу отрасли.

Ключевые слова: золотодобывающая промышленность, управление, горный отдел, Сибирь, Сибпромбюро

© Зеляк В. Г., 2021

Vitaliy G. Zelyak,
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia),
e-mail: Zelyak75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2431-5536>

Organization of Management of the Gold Mining Industry in Siberia in the Early 1920s

The main purpose of the article is to analyze the evolution of organizational forms of management of the Siberian gold industry in 1920–1922. The relevance of the research is determined by the fact that significant gaps in historiography of the industrial development of Siberia are filled, the experience of managerial decisions on the organization of the work of the Siberian gold mining in the emergency conditions of the early 1920s is studied. The author used primarily historical-genetic, historical-comparative, concrete-historical methods. The methodological basis of the research is a region-oriented approach developed within the framework of the modernization theory. The study found that during the revolutionary events in Siberia, the gold mining industry in this region declined, so the central and Siberian authorities had to do a lot of work to restore this industry. In 1920, the Siberian Mining Department with a specialized sub-department Sibzoloto was organized to manage the mining industry and the gold mining industry as an integral part of it. Numerous problems made it difficult to manage the gold mining complex, but the activities of the Siberian Mining Department should be recognized as very useful. Regional departments of the gold mining and platinum industry were formed to organize gold mining operations on the ground. The work of all district departments was coordinated by the Siberian Mining Department, through which their interaction with the center was carried out. However, such large units as Lenzoloto often directly interacted with Moscow. At the end of 1921, the Siberian Mining Department was reduced and the management of the gold mining industry was seriously disrupted. At the same time, during this period, there was a significantly greater interest in the development of gold mining on the part of the central authorities than on the part of Sibrevkom and Sibpromburo, which in turn hindered the development of the industry. In general, a number of poorly thought-out management decisions, and above all, the liquidation of the unified management body of the Siberian mining industry, aggravated the unstable work of the industry.

Keywords: goldmining industry, management, mining department, Siberia, Sibpromburo

Введение. В ходе революционных событий и Гражданской войны в Сибири золотопромышленность этого огромного региона пришла в упадок, поэтому центральным и сибирским властям необходимо было проделать колоссальную работу по восстановлению этой отрасли. Актуальность исследования определяется прежде всего тем, что трудов по проблемам восстановления золотодобывающего комплекса в основных регионах его добычи после установления советской власти чрезвычайно мало. Это в свою очередь не позволяет в достаточной степени полно воссоздать общий процесс эволюции отечественной золотопромышленности в советский период. Востребованным представляется и анализ опыта управленческих решений по организации работы золотодобывающего комплекса Сибири в чрезвычайных условиях начала 1920-х гг. Новизна исследования определяется тем, что в нём впервые в современной историографии предпринят анализ организации управления золотопромышленностью Сибири в начале 1920-х гг.

Хронологические рамки исследования составляют 1920–1922 гг. Нижняя граница определяется тем, что в 1920 г. Сибирь была освобождена Красной армией, на зна-

чительной части её территории установилась советская власть, а золотодобывающие предприятия региона были национализированы. Верхняя граница полностью включает 1922 г., так как в последующее время произошли качественные изменения в развитии советской золотопромышленности, связанные с интенсивным развитием старательской добычи, появлением золотопромышленников-арендаторов и концессий, включением ДВР – крупного региона золотодобычи – в состав РСФСР. Выделение такого временного периода можно считать устоявшимся и общепринятым в историографии [1]. Территориальные границы охватывают Томскую, Алтайскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, подчинённые в изучаемый период Сибирскому революционному комитету (Сибревком).

Цель исследования заключается в исторической реконструкции организационных форм управления золотопромышленной отраслью Сибири в 1920–1922 гг. Источниковую базу преимущественно составили материалы фонда Р-918 «Сибирское областное промышленное бюро ВСНХ (Сибпромбюро)» Государственного архива Новосибирской области.

В советской историографии долгое время не уделялось внимания организа-

ционными проблемами золотодобывающей промышленности в Сибири в изучаемый период, в лучшем случае, перечислялись крупные предприятия. Так, в четвёртом томе «Истории Сибири» указано «на деятельность в начале 1920-х гг. объединений (трестов) на р. Лене и р. Енисее», но об органах управления золотопромышленностью, например, о горном отделе Сибпромбюро, упоминания отсутствуют [2, с. 195–197]. В монографии «Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири (1917–1925)», изданной в 1983 г., М. М. Хатылаев кратко указал на деятельность в 1920 г. горного отдела Сиббюро ВСНХ и наличие в его составе специализированного подотдела Сибзолота, также он перечислил основные подотделы райзолота, особое внимание уделил наиболее крупному золотодобывающему подразделению страны того периода – Лензолоту [3, с. 6–34]. На современном этапе в трудах исследователей советской золотопромышленности проблема функционирования и результатов деятельности общесибирских органов по управлению золотопромышленностью не получила должного освещения [4–9].

При изучении проблем истории Сибири начала 1920-х гг. особое значение имеет обращение к современным исследованиям истории деятельности Сибирского революционного комитета и Сибирского промышленного бюро (Сибпромбюро) – главных органов власти и управления в регионе, в ведении которых находилась и золотопромышленность. Так, П. В. Сорокун, изучая исторический опыт советских органов власти Сибири в развитии промышленности в 1920-е гг., особое внимание уделил деятельности Сибревкома [10]. А. А. Николаев исследовал органы управления государственной промышленностью в Сибири, прежде всего, – Сибпромбюро [11]. Однако роль этих органов и их структурных подразделений в управлении золотопромышленностью Сибири в этих работах не раскрывается.

В современных англоязычных исследованиях Сибири, например, Алана Вуда (Alan Wood), при общем внимании к золоту и его роли в истории Сибири проблемы поиска организационных форм работы золотодобывающей отрасли не освещаются [12]. Таким образом, представляется очевидным наличие серьёзных пробелов в

изучении организации управления золотодобывающей промышленностью Сибири в начале 1920-х гг.

Методология и методы исследования. С учётом принципов объективности, научности, историзма в процессе раскрытия темы использовались такие методы, как историко-генетический (охарактеризована специфика периода 1920–1922 гг.), историко-сравнительный (сопоставлялась эффективность различных организационных преобразований), конкретно-исторический (на основе архивных материалов освещена динамика управления отраслью) и формально-юридический (проведён тематический анализ законодательства). Методологическая основа исследования – регион-ориентированный подход, разрабатываемый в рамках теории модернизации. Отечественными учёными, в частности И. В. Побережниковым, обоснован принцип непропорциональности территориального развития России, определены основные закономерности этого явления [13]. Применительно к началу 1920-х гг. в золотопромышленном комплексе Сибири наблюдалась деиндустриализация, закрытие многих приисков и рудников, вместе с тем последовательные усилия центральной власти по восстановлению работы предприятий и поступлению золота текущей добычи в казну.

Результаты исследования и их обсуждение. Начиная с декрета «О земле», все недра, имевшие общегосударственное значение, переходили в исключительное пользование государства. Последующие узаконения: декрет ВЦИК «О социализации земли» от 9 февраля 1918 г., декрет СНК от 28 июня 1918 г. о национализации, декрет СНК «О недрах земли» 1920 г. – развивали нормы о национализации недр и эксплуатации их государством. В январе 1918 г. при ВСНХ РСФСР был создан орган отраслевого управления по добыче золота и платины (секция благородных металлов), установлена государственная монополия торговли золотом во всех видах, кроме изделий из золота; все предприятия по добыче золота были обязаны сдавать его в казну по фиксированной цене. В дальнейшем СНК, СТО и ВСНХ РСФСР уделяли внимание обеспечению золотодобывающих районов рабочими и специалистами, продовольствием и материалами. С переходом к НЭПу в золотопромышленности также произошёл отход

от жёстких, мобилизационных мер при сохранении монополии государства на золото, добытое из недр (декрет СНК «О золотой и платиновой промышленности» от 31 октября 1921 г.)¹.

С установлением советской власти на Урале и в Сибири в этих регионах потребовалось наладить в том числе и работу горной промышленности. В ноябре 1919 г. начала работать Урало-Сибирская комиссия ВСНХ с большими полномочиями по организации работы промышленности; местопребывание комиссии определялось в Екатеринбурге и Омске [14, с. 42]. Основное внимание Урало-Сибирской комиссии было сосредоточено на восстановлении работы уральской металлопромышленности, что наряду с небольшим штатом этого учреждения отодвинуло вопросы развития золотодобычи в Сибири на второй план.

Одновременно с этим в конце 1919 – начале 1920 г. усилия по организации работы горной промышленности в Западной Сибири предпринимал Омский губернский совнархоз, в составе которого функционировала горная секция². Её ведущие сотрудники имели профильное горное образование и опыт соответствующей работы, однако при этом их, скорее, можно назвать «спецами», так как большого энтузиазма в отношении партии большевиков многие из них не испытывали.

Достаточно оперативно возникла необходимость координации усилий по развитию горной промышленности с Москвой. От имени горной секции Омского совнархоза 27 февраля 1920 г. сибирские власти запросили у горного совета ВСНХ РСФСР «руководящих указаний» по организации горного дела в регионе³. Ответ от горного совета ВСНХ пришёл через месяц, его подписал видный большевик с горным образованием и опытом работы на Урале Ф. Ф. Сыромолотов. Он поручил действовать в полном соответствии со всеми постановлениями ВСНХ и немедленно приступить к организации при губсовнархозах специальных горных отделов, которые бы временно управляли всеми без исключения горнодобывающими предприятиями губернии под общим руко-

водством, финансированием и контролем горного совета ВСНХ. В отношении структуры управления Ф. Ф. Сыромолотов впрямь до специальных указаний просил придерживаться ранее существовавшей системы надзора, инспекции и разделения на округа, «о реформах» он обещал сообщить дополнительно⁴.

Вскоре управление промышленностью Сибири перешло к Урало-Сибирской комиссии, которая назначила Николая Александровича Матрошилина заведующим горной секцией этой организации. В связи с этим 31 марта 1920 г. Омский губсовнархоз постановил ликвидировать свою горную секцию, штат и дела передать в ведение Н. А. Матрошилина⁵. Однако уже в мае 1920 г. Президиум ВСНХ РСФСР принял решение об упразднении Урало-Сибирской комиссии. Вместо неё были учреждены два самостоятельных органа на Урале и в Сибири [Там же, с. 45]. Так, 5 мая 1920 г. был образован Сибирский совет народного хозяйства (Сибсовнархоз, впоследствии – Сиббюро ВСНХ/Сибпромбюро), подотчётный ВСНХ РСФСР и подконтрольный Сибревкому [11, с. 16, 19].

В июне 1920 г. Президиум Сибсовнархоза утвердил положение о горном отделе Сибири (в делопроизводственной документации преимущественно именовался Сибирским горным отделом)⁶. На горный отдел возлагались следующие функции: а) организация и ведение горного хозяйства подчинённых ему горных предприятий на средства государства; б) контроль и регулирование горной промышленности Сибири; в) открытие новых рудников, промыслов и заводов, закрытие, а также слияние горных предприятий; г) финансирование, снабжение и оборудование предприятий горной промышленности; д) составление производственных планов и программ работ по всем подчинённым предприятиям; е) издание правил и инструкций по всем предметам своего ведения. Возглавил горный отдел Сибсовнархоза Н. А. Матрошин. В структуре горного отдела был образован специализированный подотдел золота (Сибзолото), в ведение которого передавались все золотые промыслы Сибири. Из делопроизводственной документации известно, что в

¹ О золотой и платиновой промышленности: декрет СНК от 31 октября 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1921. – № 74. – Ст. 604.

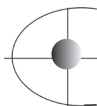
² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Р-918. – Оп. 2. – Д. 459. – Л. 7–8.

³ Там же. – Д. 117. – Л. 1.

⁴ Там же. – Л. 3–9.

⁵ Там же. – Л. 11.

⁶ Там же. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 447, 484, 522.

ноябре 1920 г. подотдел Сибзолото возглавлял Иван Трифонович Гуштюк¹.

С первой половины 1920 г. началось деловое взаимодействие между горным отделом и его подотделом Сибзолото с одной стороны и золотодобывающими подразделениями – с другой. Руководители приисков, рудников, других объектов приезжали в горный отдел (в г. Омск, а затем – в г. Новониколаевск) для решения различных проблем, присылали отчёты и различную информацию о состоянии золотодобычных работ на местах. При этом очевидно, что отдалённость приисковых районов, неразвитость путей сообщения, затруднённый обмен информацией вносили свои трудности в деятельность управленцев².

Для организации золотодобычных работ на местах были образованы подотделы райзолота, под которыми понимались районные управления золотоплатиновой промышленностью³. В течение 1920 г. сложилась организационная структура золотопромышленности Сибири, в которую входили четыре районных центра: Усть-Каменогорское райзолото, райзолото Западной Сибири, Среднесибирское райзолото и правление Лензолото⁴. Работу всех Райзолото координировал Сибирский горный отдел, через него осуществлялось их взаимодействие с центром (при этом Лензолото зачастую соотносилось непосредственно с Москвой). Предприятия отрасли работали нестабильно, часть из них вынужденно закрылись, на ряде объектов, например, на Бирюсинских приисках, в начале 1920-х гг. эксплуатационные работы так и не начались. В течение 1921 г. система районных управлений (райзолото) фактически перестала функционировать. Этим структурам, по объективным причинам не удалось добиться увеличения золотодобычи. Немного дольше просуществовало управление Алтзолото – подразделение бывшего райзолота Западной Сибири, – оно было расформировано 7 октября 1922 г.⁵

В целях усиления влияния на местах из Москвы в Сибирь периодически направлялись специальные уполномоченные по восстановлению горной промышленности.

¹ ГАНО. – Оп. 2. – Д. 113. – Л. 10.

² Там же. – Д. 463. – Л. 19–23.

³ Главный Комитет золото-платиновой и серебряной промышленности. Производственная программа на 1920 г. по Уралу // Горное дело. – 1920. – № 1. – С. 1.

⁴ Отчёт Сибирского областного бюро ВСНХ за 1920 г. – Омск: Сиб. гос. изд-во, 1921. – С. 18.

⁵ ГАНО. – Ф. Р-918. – Оп. 1. – Д. 226. – Л. 82.

Например, весной и летом 1920 г. в Сибири находился уполномоченный Горного совета ВСНХ инженер И. Л. Швейнциг, он распределял денежные средства, выделенные центром, присутствовал на заседаниях Президиума Сибсовнархоза, посвящённых развитию золотодобычи и скупке драгметалла⁶. В течение 1922 г. с аналогичными полномочиями в Сибири действовал В. Вяельщик. В 1920 и 1921 гг. на Ленских приисках вследствие их особого значения для государства и чрезвычайных трудностей в организации золотодобычи работал представитель Москвы С. Ф. Бородин.

Важным событием 1921 г. стал переезд Сиббюро ВСНХ из г. Омска в г. Новониколаевск. Горный отдел во главе с Н. А. Матрошиным был перемещён в составе шести подотделов и технического бюро. Подотделом Сибзолото руководил И. Т. Гуштюк, однако вскоре он перешёл на другую работу⁷. В списке сотрудников горного отдела от 22 сентября 1921 г. исполняющим обязанности заведующего подотделом Сибзолото указан Б. М. Порватов, инженером для поручений – Н. Д. Горковенко⁸.

К концу 1921 г. Сибирский горный отдел и его подотдел Сибзолото были ликвидированы в ходе кампании по сокращению административно-управленческих расходов. Многие горные предприятия Сибири перешли в ведение Сибирского производственного управления, в составе которого функционировал эксплуатационный отдел. В подчинении последнего находилась золотая секция, возглавляемая Николаем Диомидовичем Горковенко⁹. В течение многих последующих месяцев в системе Сиббюро ВСНХ/Сибпромбюро Н. Д. Горковенко оставался единственным специалистом по золоту, который непосредственно занимался данной отраслью. В целом это свидетельствовало о снижении значимости золотопромышленности для руководства Сибири.

Действительно, многие руководящие работники Сибири оказались скептически настроены в отношении дальнейших перспектив золотопромышленности. Так, в августе 1921 г. председатель Сибревкома И. Н. Смирнов в печати указывал, что по объективным причинам «добыча золота чрезвычайно дорога и невыгодна», что она

⁶ Там же. – Д. 21. – Л. 228.

⁷ Там же. – Оп. 2. – Д. 265. – Л. 18.

⁸ Там же. – Д. 401. – Л. 5.

⁹ Там же. – Л. 3.

обойдётся «в два золотника за добытый золотник», и рекомендовал для получения валюты организовать вывоз соли и продажу пушнины, что, по его мнению, «дало бы гораздо больше результатов, чем добыча золота»¹. Однако одержала верх позиция центральных властей о срочной необходимости увеличения золотодобычи. Этой задаче были посвящены декрет от 31 октября 1921 г. и статья В. И. Ленина «Значение золота теперь и после полной победы социализма», опубликованная в газете «Правда» в начале ноября 1921 г.²

В конце 1921 г. в соответствующих регионах были образованы объединения Уралплатина и Лензолото, в начале 1922 г. – объединения Уралзолото и Ензолото (последнее – вместо бывшего райзолота Средней Сибири). В частности, Лензолото наделялась золотоносной территорией, входившей в состав бывших Ленского и Витимского горных округов, со всеми золотопромышленными и подсобными предприятиями, включая Бодайбинскую железную дорогу, пароходство по р. Лене и ее притокам, мельницы, лесозаготовки и другие объекты, устанавливался соответствующий оборотный капитал³.

С начала 1922 г. началась важная работа по восстановлению в общегосударственном масштабе деятельности горных округов с горным надзором на основе декрета СНК РСФСР от 30 января 1922 г.⁴ Горный надзор учреждался для наблюдения за точным исполнением горными предприятиями законов и распоряжений правительства в области горного дела и для осуществления технического надзора за ведением горно-промысловых операций в отношении их правильности, целесообразности и безопасности. Для осуществления горного надзора на местах территория РСФСР разделялась на горные округа. В системе ВСНХ учреждалось центральное управление горного надзора, которое разработало разделение территории РСФСР на горные округа и «Положение о горном надзоре», утвержденные в апреле

¹ IV Сибирская конференция РКП(б) // Советская Сибирь. – 1921. – 23 авг. – С. 4.

² Ленин В. И. Значение золота теперь и после полной победы социализма // Правда. – 1921. – 6–7 нояб. – С. 1.

³ Крылов А. Положение золото- и платинопромышленности в 1922 г. и ближайшие перспективы её развития // Горный журнал. – 1922. – № 10–12. – С. 458.

⁴ О горном надзоре: декрет СНК РСФСР от 30 января 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1922. – № 12. – Ст. 123.

1922 г.⁵ В Сибири было образовано Сибирское управление горного надзора с центром в г. Томске. В его ведении находились четыре горных округа: Олёкмо-Витимский, Иркутский, Енисейский и Томско-Алтайский⁶. В дальнейшем управления горных округов принимали активное участие в организации контроля за работой золотодобывающих предприятий и соблюдением ими правил ведения горных работ.

Серьёзные проблемы в организации золотодобычи и золотоскупки в некоторых регионах Сибири в первом полугодии 1922 г. показали, что отсутствие единого органа управления горной промышленностью препятствует налаживанию нормальной работы золотодобывающей отрасли и выполнению соответствующих указаний центра. На заседании 13 июля 1922 г. Президиум Сибпромбюро поручил экономическому отделу «рассмотреть с экономической и организационной точек зрения» вопрос о выделении самостоятельного горного управления⁷. Однако положительное решение этого вопроса сильно затянулось, и только в октябре 1922 г. Президиум Сибпромбюро утвердил положение о Сибирском горном управлении⁸. Н. А. Матрошилин, возглавивший это управление, считал 9–10 октября 1922 г. датой возобновления работы единого органа управления горной промышленностью Сибири. Широкому кругу читателей об утверждении положения о Сибирском горном управлении сообщила «Советская Сибирь» в номере от 18 октября 1922 г. Особо было отмечено, что в ведении этого управления передаются все вопросы горной промышленности, за исключением Кузбасса и Черемхово⁹.

В деятельности Сибирского горного управления сразу возникла острая организационная проблема, связанная с местопребыванием этого органа. Сибпромбюро находилось в г. Новониколаевске и стремилось, чтобы и это его подразделение работало там же. Однако многие специалисты нового управления, в том числе геологи и горные инженеры, находились в г. Томске, они приводили серьёзные аргументы, чтобы остаться в этом городе.

⁵ ГАНО. – Ф. Р-918. – Оп. 1. – Д. 204. – Л. 3.

⁶ Там же. – Д. 175. Л. 1–2.

⁷ Там же. – Д. 226. – Л. 63 об.

⁸ Там же. – Л. 83.

⁹ Горное управление Сибири // Советская Сибирь. – 1922. – 18 окт. – С. 2.

В результате дискуссий в ноябре 1922 г. было принято решение о том, чтобы горно-экономический отдел Сибирского горного управления оставить при Сибпромбюро в г. Новониколаевске, а отделы промышленных разведок, геологический и горного надзора, «учитывая их тесную взаимосвязь с высшими учебными заведениями г. Томска» и «невозможность их размещения в столице Сибири», – оставить в г. Томске. Таким образом, рассредоточение отделов Сибирского горного управления стало компромиссным решением, позволившим геологам и специалистам горнадзора продолжить свою профессиональную и научно-образовательную деятельность в г. Томске, однако подобное организационное разделение являлось неудобным с точки зрения оперативности и концентрации управления. Вместе с тем практика работы последующих лет показала, что при наличии разного рода проблем во взаимодействии отделов, находившихся в разных городах, особых провалов в работе горного управления не было.

Положение о Сибирском горном управлении после доработки было утверждено начальником Главного управления горной промышленности ВСНХ РСФСР (ГУГП) В. М. Свердловым¹. В частности, в нём указывалось, что Сибирское горное управление учреждалось в составе аппарата Сибпромбюро (на правах отдела) для выполнения лежащих на нем обязанностей. Сибирское горное управление работало по заданиям Президиума Сибпромбюро, в соответствии с директивами ГУГП. Функциями этого управления являлись: а) планирование общего руководства и регулирование; б) надзор, инспекции и контроль; в) выяснение естественных ресурсов и перспектив их эксплуатации. В составе управления действовали три основных подразделения: 1) горно-экономический отдел с задачами общего руководства горным делом в Сибири; 2) управление горного надзора (с отделами технического контроля и надзора, маршейдерским и горноспасательным); 3) отдел промышленных разведок. Начальник Сибирского горного управления назначался Президиумом Сибпромбюро по соглашению с Сиббюро ЦК горнорабочих и утверждался ГУГП. Заместителем начальника управления являлся начальник Сибирского горного

надзора с правом непосредственного доклада Президиуму Сибпромбюро.

Важное место в этом «Положении» отводилось определению взаимоотношений Президиума Сибпромбюро с ГУГП. Все наиболее существенные вопросы, касавшиеся горного дела Сибири, должны были решаться ГУГП только после заключения Сибпромбюро по этим вопросам. Кроме предприятий, находившихся в непосредственном ведении центра, все остальные горнопромышленные предприятия подчинялись Сибпромбюро (и его горному управлению). В свою очередь президиум Сибпромбюро имел право на своей территории создавать или реорганизовывать органы горного дела только с согласия ГУГП.

В ведение Сибирского горного управления перешла и золотодобывающая промышленность Сибири. Из данных отчета о работе Сибирского горного управления за октябрь – декабрь 1922 г. следует, что в сжатые сроки управлением были разработаны: положение о старательских работах, инструкции уполномоченным золотоскупочных пунктов, типовой договор со старателями, правила и порядок производства отводов и заявок². Уполномоченные по золотоскупке были назначены в Томске, Бийске, Красноярске и Иркутске. В конце 1922 г. стали заключаться первые договоры с артелями и арендаторами, хотя большинство этих ранних договоров с арендаторами не вступили в силу, т. к. дорабатывались некоторое время.

На 1 января 1923 г. кадровый состав Сибирского горного управления насчитывал 127 человек: в горно-экономическом отделе (г. Новониколаевск) – 9 человек; в отделе горного надзора (г. Томск) – 39 человек; в геологическом отделе (г. Томск) – 17 человек; в отделе промышленных разведок (г. Томск) – 44 человека; в Ирпромразведке (г. Иркутск) – 18 человек. Такая рассредоточенность подразделений имела свои недостатки, однако в целом работу наладить удалось. Одним из главных препятствий в активизации золотодобычи руководство Сибирского горного управления считало острую нехватку денежных средств для выполнения возложенных на него на данном направлении функций.

Заключение. В результате проведенного исследования следует отметить, что центральные власти в течение 1920–1922 г. настойчиво добивались увеличения добычи

¹ ГАНО. – Ф. Р-918. – Оп. 1. – Д. 319. – Л. 123–124.

² Там же. – Д. 198. – Л. 85–88.

золота в Сибири, которое было необходимо для оплаты масштабных закупок за границей. При этом они стремились опереться на общесибирские органы управления (Сибревком, Сибпромбюро), которые, однако, не уделяли золотопромышленности первостепенного внимания.

Для управления горнодобывающей промышленностью и золотодобывающей отраслью, как её составной части, в 1920 г. был организован горный отдел Сибсовнархоза с профильным подотделом Сибзолото. Выполнение основных функций по управлению золотодобывающим комплексом затруднялось многими обстоятельствами, однако деятельность Сибирского горного отдела на данном направлении следует признать полезной. В конце 1921 г. вследствие кампании по сокращению управленческих расходов Сибирский горный отдел был сокращён. Очевидно, что такие недостаточно продуманные управленческие решения усугубляли нестабильную работу отрасли. Только осенью 1922 г. возобновилась работа единого общесибирского органа управления золотодобывающей промышленностью, что было связано с образованием в составе Сибпромбюро Сибирского горного управления.

Следует отметить, что центральные власти были более заинтересованы в налаживании золотодобычи в Сибири, чем Сибревком и Сибпромбюро, которые затягивали решение многих организационных

вопросов. Исследование процесса формирования организационных структур золотопромышленности в 1920–1922 гг. на местах показало, что в этот период была реализована стратегия отделения крупных золотодобывающих структур от большого количества небольших объектов, совокупность которых обозначалась термином «мелкая золотопромышленность». Лидер советской золотодобычи того периода – Лензолото, преодолев при масштабной поддержке государства ряд трудностей в 1922 г., значительно увеличило добычу валютного металла. С конца 1921 г. Лензолото в организационном отношении функционировало как объединение, его деятельность находилась под полным контролем центра. Другой важный субъект сибирской золотодобычи – Ензолото – налаживало свою деятельность при существенно меньшей поддержке со стороны центра, в 1922 г. Ензолото получило статус объединения.

В дальнейшем представляется важным продолжить изучение динамики развития золотопромышленности в Сибири в 1920-е гг., проследить последующую эволюцию организационных преобразований. Управленческий опыт начала 1920-х гг. в области построения и проектирования организационных структур может быть востребован при разработке стратегии развития российской золотопромышленности на современном этапе.

Список литературы

1. Кочегарова Е. Д. Золотопромышленная политика в СССР: этапы становления и развития (1923–1991) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1. С. 88–91.
2. Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. 501 с.
3. Хатылаев М. М. Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири (1917–1925). Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1983. 92 с.
4. Лешков В. Г., Бельченко Е. Л., Гузман В. В. Золото российских недр. М.: Экос, 2000. 628 с.
5. Золото России. М.: Экос, 2002. 722 с.
6. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2005. 218 с.
7. Сапоговская Л. В. Национальная золотопромышленная политика XVII–XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 328 с.
8. Лешков В. Г. Российское золото – государственная и старательская добыча (1917–2007). М.: Горная книга, 2008. 206 с.
9. Лысков В. М. Органы управления и контроля государственной и старательской золотопромышленности в Сибири и Забайкалье (1917–1991 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 69–84.
10. Сорокун П. В. Исторический опыт советских органов власти Сибири в развитии промышленности 1920-е годы XX века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-1. С. 183–187.
11. Николаев А. А. Органы управления государственной промышленностью в Сибири: функции и сферы регулирования (декабрь 1919–1932 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 15–19.

12. Alan Wood *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. Bloomsbury Academic, 2011. 272 p.

13. Побережников И. В. Региональные варианты Российской фронтальной модернизации: сравнительный подход // Региональный УИПЦ, 2013. С. 18–27.

14. Вуколова К. А. Губернские советы народного хозяйства на Южном Урале (1919–1923 гг.): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Челябинск, 2014. 235 с.

Статья поступила в редакцию 10.09.2021; принята к публикации 17.10.2021

Сведения об авторе

Зеляк Виталий Григорьевич, доктор исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28; e-mail: Zelyak75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2431-5536>.

Библиографическое описание статьи

Зеляк В. Г. Организация управления золотодобывающей промышленностью Сибири в начале 1920-х годов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 78–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-78-86.

References

1. Kochegarova, E. D. Gold industry policy in the USSR: stages of formation and development (1923–1991). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history*, no. 6-1, pp. 88–91, 2013. (In Rus.)

2. *Siberia during the construction of socialism*. L: Nauka, 1968. (In Rus.)

3. Hatylaev, M. M. *Gold mining industry in Eastern Siberia (1917–1925)*. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo filiala SO AN SSSR, 1983. (In Rus.)

4. Leshkov, V. G., Bel'chenko, E. L., Guzman, V. V. *Gold of Russia's subsurface resources*. M: AO "EKOS", 2000. (In Rus.)

5. *Gold of Russia*. M: OAO "Ekos", 2002. 722 p. (In Rus.)

6. Gutak, O. Ya. *Gold mining industry in the South of Western Siberia in 1917–1950*. Cand. hist. sci. diss. Tomsk, 2005. (In Rus.)

7. Sapogovskaya, L. V. *National gold industry policy of the XVII–XX centuries, or does Russia need gold?* Ekaterinburg: URO RAN, 2008. (In Rus.)

8. Leshkov, V. G. *Russian gold – state and prospector mining (1917–2007)*. M: Gornaya kniga, 2008. (In Rus.)

9. Lyskov, V. M. *Management and control bodies of the state and prospector gold industry in Siberia and Transbaikalia (1917–1991)*. Irkutsk Historical and Economic Yearbook, pp. 69–84, 2015. (In Rus.)

10. Sorokun, P. V. *Historical experience of the Soviet authorities of Siberia in the development of industry in the 1920s. Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 3-1, pp. 183–187, 2016. (In Rus.)

11. Nikolaev, A. A. *The management bodies of the state industry in Siberia: the functions and regulation (December 1919–1932 years)*. *Humanities in Siberia*, no. 2. pp. 15–19, 2006. (In Rus.)

12. Wood, Alan. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. Bloomsbury Academic, 2011. (In Engl.)

13. Poberezhnikov, I. V. *Regional variants of the Russian frontier modernization: a comparative approach*. Ed. by Alekseev, V. V. *The regional factor of modernization of Russia of the XVIII–XX centuries*. Ekaterinburg: OOO "UIPC", 2013: 18–27. (In Rus.)

14. Vukolova, K. A. *Provincial Councils of National Economy in the Southern Urals (1919–1923)*. Cand. hist. sci. diss. Chelyabinsk, 2014. (In Rus.)

Received: September 10, 2021; accepted for publication October 17, 2021

Information about author

Zelyak Vitaliy G., Doctor of History, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University; 28 Vilyuiskaya st., Novosibirsk, 630126, Russia; e-mail: Zelyak75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2431-5536>.

Reference to the article

Zelyak V. G. Organization of Management of the Gold Mining Industry in Siberia in the Early 1920s // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 78–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-78-86.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-87-95

Ольга Геннадьевна Климова,
Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: climovolga@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8513-0044>

Социокультурные практики сибирского купечества второй половины XIX – начала XX века в освещении современной российской историографии

Исследование социокультурной деятельности предпринимателей, в том числе истории повседневности как её неотъемлемой части, относится к важным аспектам изучения региональной истории. Историография истории социокультурных практик дореволюционной Сибири до сих пор не полностью исследована. Цель статьи – выявление закономерностей современной историографической ситуации на основе осмысления изученности истории социокультурных практик деловых людей дореволюционной Сибири. В работе использовались общие методы научного познания: историзма, логического анализа, дедукции и индукции, которые позволили провести последовательный анализ трудов исследователей, выявить основные характеристики. Современными исследователями в работах был затронут ряд проблем: тенденции развития благотворительности, сферы вложения жертвуемых денег, формы участия в различных акциях, вклад в развитие библиотек, музеев, школ, приютов и т. п. Историками использованы количественные показатели участия предпринимателей в социальной и культурной жизни сибирских городов, мотивы благотворительности купечества. Изучены следующие сюжеты: поддержка просвещения, участие в благоустройстве городов, вклад в развитие культуры и музейного дела, финансирование экспедиций, церковно-благотворительная деятельность, адресная помощь нуждающимся. В целом и в выводах данной статьи подчёркивается расширение научного знания об общественно-социальной истории Сибири пореформенного периода, раскрываются точки зрения историков на роль и место бизнесменов в культурной и социальной сферах жизни региона. Историографический анализ актуален с точки зрения современных дискуссий о вкладе предпринимателей в развитие городов, культуры, экономики, в благотворительность в дореволюционной Сибири. Возрождение предпринимательства, современные социально-экономические процессы побуждают специалистов к углублённому изучению истории социокультурных практик сибирского купечества.

Ключевые слова: историография, Сибирь, повседневность, купечество, XIX век, социокультурные практики

Olga G. Klimova,
Polzunov Altai State Technical University
(Barnaul, Russia),
e-mail: climovolga@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8513-0044>

Socio-Cultural Practices of the Siberian Merchants of the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Coverage of Modern Russian Historiography

The study of the socio-cultural activities of entrepreneurs including the history of everyday life as its integral part is one of the important aspects of the study of regional history. The historiography of the history of socio-cultural practices in pre-revolutionary Siberia has not been fully studied yet. The purpose of the article is to identify the patterns of the modern historiographic situation on the basis of understanding the study of the history of socio-cultural practices of business people in pre-revolutionary Siberia. The work used the general methods of scientific knowledge: historicism, logical analysis, deduction and induction, which made it possible to conduct a consistent analysis of the works of researchers, to identify the main characteristics. Modern researchers in their works have raised a number of problems: trends in the development of charity, the scope of investment of donated money, forms of participation in various events, contributions to the development of libraries, museums, schools, orphanages, etc. Historians used quantitative indicators of the participation of entrepreneurs in the social and cultural life of Siberian cities, the motives of the merchants' charity. The following topics were studied: support for education, participation in the improvement of cities, contribution to the development of culture and

Климова О. Г., 2021

museum affairs, financing of expeditions, church and charitable activities, targeted assistance to those in need. In general, and in the conclusions of this article, the expansion of scientific knowledge about the socio-social history of Siberia after the reform period is emphasized, the points of view of historians on the role and place of businessmen in the cultural and social spheres of the life of the region are revealed. Historiographic analysis is relevant from the point of view of modern discussions about the contribution of entrepreneurs to the development of cities, culture, economy, and charity in pre-revolutionary Siberia. The revival of entrepreneurship, modern socio-economic processes encourage specialists to in-depth study of the history of socio-cultural practices of the Siberian merchants.

Keywords: historiography, Siberia, everyday life, merchants, XIX century, sociocultural practices

Введение. Важность изучения участия в общественной, политической и культурной жизни определяется, прежде всего, социально-правовым положением предпринимателей в сибирском регионе в дореволюционный период. На высокое положение купцов влияло малое количество дворян и чиновников, поэтому банкиры, промышленники и другие коммерсанты были как финансовой, экономической, так и культурной элитой сибирского общества. Они передавали следующему поколению не только знания по управлению торговлей и предприятием, но и склонность к «буржуазной благотворительности, помощи и покровительству нуждающимся»¹.

Хорошо известно, что купечество в России было противоречивым и сложным явлением отечественной истории. С одной стороны, под влиянием марксистско-ленинского учения о купечестве сложилось мнение как о невежественных и лицемерных людях, стремящихся к наживе. С другой стороны, купцы принимали активное участие в благоустройстве городов, благотворительности, создавали школы, приюты, музеи. Благодаря публикациям последних десятилетий изменилось представление о купцах.

Методология и методы исследования. В работе применены методы историографического анализа, используемые при изучении истории предпринимательства в контексте общей методологической ситуации в современной отечественной историографии. Принцип историзма был основным в изучении историографии истории деловых людей дореволюционного периода Сибири и определяющим в понимании прошлого, настоящего и будущего. Хронологический принцип на определённом этапе позволил выявить основополагающие методологические взгляды исследователей истории предпринимательства. Проблемный принцип дал возможность в концентрированном виде раскрыть методологические принципы

и теоретические аспекты работ по обозначенной тематике. Были использованы ретроспективный и перспективный анализы основных научных трудов сибирских учёных, которые способствовали достижению основных задач статьи. Ретроспективный и перспективный анализы актуализировали историографическую информацию, способствовали изучению современного состояния исторической науки, рассмотрению новых взглядов и идей для дальнейшего историографического процесса.

Результаты исследования и их обсуждение. Ценные наблюдения относительно социокультурной практической деятельности сибирских коммерсантов содержатся в работах В. А. Скубневского [1–3], Ю. М. Гончарова [4], А. В. Старцева [5], В. П. Зиновьева и В. И. Зиновьевой [6], В. П. Бойко [7–12], С. Е. Григорьевой [13], Н. М. Дмитриенко [14–15], М. В. Шиловского [16], Е. В. Комлевой [17–19], В. П. Шахерова [20–21], В. В. Шевцова и Т. П. Карташовой [22], В. Г. Залесова и Г. М. Залесова [23], Н. П. Матхановой [24], А. А. Жирова [25], Г. А. Бочановой, Л. М. Горюшкина и Г. А. Ноздрина [26], Е. П. Хорьковой [27], О. А. Сутягиной [28] и других исследователей.

Большинство авторов сосредоточили внимание на второй половине XIX – начале XX в., когда наблюдались расцвет частной благотворительности, меценатство, развитие культуры, распространение образования, размах строительства в городах.

Мотивы благотворительности, меценатства предпринимателей. Согласно словарю С. И. Ожегова, благотворительность – «оказание частными лицами материальной помощи из милости»², меценат – «богатый покровитель наук и искусств»³. Исследователи отмечают, что склонность к филантропии стала характерной чертой психологического склада купцов, которые отдавали значитель-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 838.

² Там же – С. 49.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 341.

ные капиталы на нужды города, интересы горожан и частные пожертвования. Меценаты-купцы добровольно вкладывали деньги в строительство храмов, больниц, театров, школ, институтов, создавали музеи и выделяли деньги на их содержание, становились покровителями поэтов, писателей, художников, музыкантов. Объектами внимания в сфере культуры «сибирских меценатов-благотворителей были учебные заведения и учащиеся, библиотеки, театры, музеи, научные экспедиции, издание научных трудов, помощь учёным», в сфере духовности – «церковные храмы, монастыри, духовные учебные заведения и издания», в сфере милосердных дел – «больницы, богадельни, приюты и другие благотворительные общества и учреждения» [29, с. 189].

Авторы монографии об истории благотворительности в Сибири Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин проанализировали динамику, формы, национальные и региональные особенности благотворительности, выявили соотношение государственной, частной, общественной благотворительной помощи, рассмотрели деятельность фондов, светских и религиозных обществ, меценатов [26]. Исследователи отмечают, что степень развития общественной благотворительности различалась по губерниям, «преобладала в Томской и Тобольской губерниях Западной Сибири, но уступала первенство частной в губерниях Восточной Сибири», а по числу благотворительных обществ Сибирь отставала от европейской части России (383, или 3,5 % от их общего числа в России) [Там же, с. 10].

По мнению Ю. М. Гончарова и А. В. Старцева, благотворительности способствовали устои христианской морали – «стремление обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной»¹. Е. П. Хорькова полагает, что «жертвование, благотворительность – при всём различии побуждающих к ним причин – являлись искуплением за нажитое богатство» [27, с. 449]. В. П. Бойко отмечает, что «моменты, стимулировавшие благотворительность, – черты характера и семейное положение человека, идея служения обществу и чувство социальной ответственности за своё богатство» [12, с. 393]. Н. П. Матханова рассматривает сюжеты о деловых отношениях чиновников и

купцов, показывающие общественную ответственность последних, осознающих себя в социуме, полагает, что на социальную и общественную позицию предпринимателей оказывали влияние их капиталы и личные качества [24, с. 61].

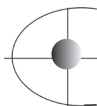
Следует заметить, что в последние годы исследователи всё чаще уделяют внимание только положительным чертам купечества. Как отмечает Е. В. Комлева, «возникает опасность несколько односторонней трактовки морального облика представителей купечества, когда акцент делается преимущественно на положительных чертах жизнедеятельности этого слоя общества» [17, с. 50]. В. А. Скубневский, опираясь на сведения о барнаульских купцах, замечает, что не все предприниматели брали на себя обязанность принимать участие в помощи городу и нуждающимся людям. В результате создаётся противоречивый, в значительной степени сложный образ сибирского предпринимателя, сочетающий порой несовместимые черты.

В современной литературе, от небольших заметок до солидных монографий, не существует единого мнения о нравственном облике и социальном статусе сибирских купцов. Одни исследователи полагают, что купец всегда честен, держит данное слово, занимается пожертвованиями и благотворительностью; другие придерживаются мнения, что купец жаден, жесток. Характеристики, даваемые купцам, можно подтвердить примерами из описаний их жизни.

Поддержка сибирскими предпринимателями просвещения. Значительная часть публикаций посвящена участию предпринимателей в развитии и распространении начального и среднего образования, открытию библиотек, установке памятников, проведении выставок и т. п. М. В. Шиловский, изучая особенности благотворительности в сфере образования в сибирских городах дореволюционного периода, обращает внимание на источники формирования: частные, общественные, муниципальные, государственные, которые были направлены на финансовую помощь гимназиям, училищам, институтам, на материальную поддержку научных исследований, на обучение малоимущих [16].

По мнению барнаульских историков, самым освоенным и востребованным направлением благотворительности коммерсантов являлись пожертвования на просвещение [2–3]. Так, рассмотрены сюжеты о при-

¹ Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). – 2-е изд. – Барнаул, 2014. – С. 190.

своении школам имён крупных благотворителей, вручении им наград [26, с. 38]. А. А. Быков и Т. А. Быкова, рассматривая общественную деятельность крупных жертвователей Томска, приводят в пример И. А. Еренева, который «открыл два приходских училища и в течение семи лет полностью содержал его», «построил дом для женской гимназии»; Захария и Феодосию Цыбульских, которым «принадлежала $\frac{1}{4}$ из собранных по всей Сибири 600 тыс. рублей на строительство в Томске первого за Уралом университета» [31, с. 126]. В. П. Бойко, О. А. Сутягина, проводя анализ деятельности купцов-филантропов, пришли к выводу, что строительство учебных заведений у предпринимателей было в приоритете [8, с. 107; 28, с. 105].

К интересным историографическим сюжетам обратилась Н. М. Дмитриенко, отметившая взаимодействие Томского технологического института, Императорского Томского университета и купцов Томска. Исследователь пришла к выводам, что купечество оказывало финансовую помощь в открытии вузов, принимало участие в формировании библиотечных и музейных фондов, а деловые и научно-образовательные связи высших учебных заведений с предпринимателями благотворно влияли на развитие отраслей промышленности, торговли, подняли образовательный и культурный уровень жителей Сибири [13–14].

К сфере просвещения можно отнести и установку монументов известным писателям, поэтам. Н. М. Дмитриенко, например, пишет о Н. А. Молчанове, который в 1914 г. на собственные средства в Томске построил памятник А. С. Пушкину [15, с. 179]. Л. С. Лукьянова, исследуя библиотеки дореволюционной Тюмени, обращается к деятельности Н. М. Чукмалдина, который в 1864 г. безвозмездно в общественное пользование передал 61 книгу, годовые подшивки 10 наименований журналов [32, с. 96].

Сведения об участии предпринимателей в социокультурной жизни региона содержат известные далеко за пределами Сибири энциклопедические издания: «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»¹ в двух томах и «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири»² в четырёх томах.

¹ Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун. – Новосибирск: Гео, 2012–2013.

² Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / гл. ред. Д. Я. Резун, Д. М. Те-

По мнению исследователей, в пореформенный период у многих богатых сибиряков произошло осознание ценности образования, основная масса предпринимателей хотела изменений в сфере просвещения и культуры, в общественной жизни.

Вклад сибирских предпринимателей в развитие культуры и музейного дела, финансирование экспедиций. Современные историки активно исследуют историографические сюжеты об увлечении деловых людей искусством, археологией, биологией, минералогией, краеведением.

По мнению А. С. Вдовина и Е. В. Комлевой, предприниматели имели «бескорыстный интерес к изучению прошлого Сибири»: составляли «археологические коллекции, участвовали в формировании фондов сибирских и столичных музеев, финансировали организацию научных экспедиций и издание работ известных учёных», «сами участвовали в проведении археологических раскопок, публиковали отчёты о проделанной работе» [33, с. 115]. Е. В. Комлева обратилась к таким сюжетам, как хождение купцов на промысловых и торговых судах в Северную Евразию, финансирование и организация исследовательских экспедиций под руководством учёных [18, с. 11].

Истории деятельности предпринимателей, оказавших влияние на открытие театров, музеев в Сибири, вошли в сюжеты научных статей и монографий. Например, создание С. Н. Родионовым уникального энтомологического музея [27, с. 215], история мецената и исследователя А. М. Сибирякова [34], деятельность томского купца Е. И. Королева, который построил театр в Томске [35, с. 68] и многие другие.

Историки относят некоторых представителей купечества к разряду «совершенных» купцов, то есть занимавшихся не только предпринимательством, но и общественной деятельностью. Например, В. П. Шахеров к иркутским «совершенным купцам» относит В. Н. Баснина, В. П. Сукачева, С. Н. Родионова, Сибиряковых, Дудоровских, Медведниковых [20, с. 129]. О. А. Сутягина относит к «совершенным» купцам красноярских предпринимателей Щеголевых, Гадаловых, Кузнецовых, М. К. Сидорова, Г. В. Юдина; енисейских предпринимателей Баландиных, Кытмановых; тюменских предпринимателей И. И. Игнатова, Н. М. Чукмалдина,

решков. – Новосибирск: ИПЭЛ-плюс, 1994–1999.

П. И. Подаруе; нерчинского предпринимателя М. Д. Бутина; томских предпринимателей Королевых, Цибульских, П. И. Макушина, И. А. Еренева [28, с. 107].

Представляется, что высказывание А. А. Жирова актуально и сегодня, «Экономические мотивы, мотивы личной выгоды движут поступками многих людей. Что же в этом странного? А для общества куда важнее не мотивы, а сама деятельность, ее результаты» [25, с. 162].

Вклад сибирских купцов в благоустройство городов. По мнению исследователей, «наиболее зримым и лучше всего сохранившимся результатом» деятельности купечества стало возведение зданий [11, с. 31–32]. Следует выделить такие историографические сюжеты, как рассмотрение конкретного вклада отдельных купеческих семей в строительство городских зданий [36, с. 67]; изучение истории строительства православных храмов купечеством [37, с. 149]. В работах исследователей приведены конкретные примеры постройки или ремонта храмов разных конфессий на средства купцов [11; 29–30; 35–37].

Современные исследователи, изучая формирование архитектурного облика городов Сибири, в последние годы обращаются к новым сюжетам: тенденции в архитектуре, появившиеся в Европе и отразившиеся в строительстве зданий в России; деревянная застройка сибирских городов; профессиональное обучение строительному мастерству; история строительной отрасли пореформенного периода; история оформления и возведения строительных объектов [23; 35–44].

Следует согласиться с высказыванием В. П. Бойко о том, что «через удовлетворение своего главного инстинкта, обогащения» предприниматели закладывали основу торгово-промышленного развития региона, формировали новую социокультурную среду «в виде построенных по проектам лучших архитекторов зданий и сооружений, магазинов и фабрично-заводских помещений» [9, с. 41].

Церковно-благотворительная деятельность, адресная помощь нуждающимся. Ещё одно направление, к которому обращаются исследователи в своих публикациях, – участие предпринимателей в «милосердных делах»: церковно-благотворительной деятельности и адресной помощи нуждающимся. Интересно замечание В. П. Бойко: «Милосердие стало одной из

основ коммерческой морали: обмануть не считалось грехом, сплутовать в торговой сделке – тоже, но не дать милостыню, не помочь нуждающемуся считалось по традиции грехом» [8, с. 108].

Так, А. И. Шилов и Н. В. Шилова указывают, что в Енисейской губернии активной социальной практикой занимались около двадцати купеческих фамилий, «хотя в той или иной степени приносили пользу обществу гораздо большее число купцов [29, с. 195]. В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров, обращаясь к истории благотворительности алтайских предпринимателей, достаточно подробно рассмотрели социокультурную деятельность, прежде всего, гильдейского купечества пореформенной Сибири [1–5; 45]. Характерно, как отмечал Ю. М. Гончаров, что в купеческих семьях имелись «воспитанники» – дети, оставшиеся сиротами или отданные несостоятельными родителями на воспитание¹. В. А. Скубневский проанализировал увеличение общественной помощи местных бизнесменов, выявил имена благотворителей и меценатов из числа предпринимателей, внёсших наиболее крупные пожертвования в развитие школ, больниц, приютов [1].

Заключение. В освещении современной российской историографии по истории социокультурных практик предпринимателей дореволюционной Сибири следует выделить поддержку просвещения, участие в благоустройстве городов, вклад в развитие культуры и музейного дела, финансирование экспедиций, церковно-благотворительную деятельность, адресную помощь нуждающимся.

Исследователи определяют мотивы деятельности коммерсантов пореформенного периода, но при этом исключают однозначную оценку их вклада в формирование социокультурного пространства Сибири. Отдельные работы реабилитировали добрые имена купцов, позволили по-новому взглянуть на их общественную деятельность. Представления, существовавшие ранее о роли предпринимателей в социальном, культурном, экономическом развитии региона, углубились и расширились благодаря работам современных учёных, которые открывают и публикуют новые документы, применяют современные методы исследования.

¹ Гончаров Ю. М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 126–142.

Список литературы

1. Скубневский В. А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–160.
2. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2001. 241 с.
3. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая 1861–1917: энциклопедия предпринимательства. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. 112 с.
4. Гончаров Ю. М. Нижние чины Российской армии в региональном социуме Сибири второй половины XIX — начала XX в.: мировоззрение, бытовая культура и традиции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 89–95.
5. Старцев А. В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 446 с.
6. Зиновьев В. П., Зиновьева В. И. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 9–20.
7. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. 423 с.
8. Бойко В. П. Благотворительность западносибирских купцов // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы I Всероссийской научной конференции (г. Томск, 11–13 апреля 2014 г.). Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. С. 96–108.
9. Бойко В. П. Роль купечества в развитии города Красноярска в XIX – начале XX в. // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы IV Всероссийской научной конференции (г. Томск, 17 октября 2020 г.). Томск: Изд-во ТГАСУ, 2021. С. 24–42.
10. Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII – XIX веков: из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 309 с.
11. Бойко В. П., Ситникова Е. В., Шагов Н. В., Богданова О. В., Залесов В. Г., Манонина Т. Н. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века). Томск, Бийск, Барнаул, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2011. 480 с.
12. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996.
13. Дмитриенко Н. М., Григорьева С. Е. Томский технологический институт и купечество: опыт делового сотрудничества (1890-е – 1910-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2015. № 3. С. 16–20.
14. Дмитриенко Н. М. Императорский Томский университет и сибирское купечество: опыт взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2016. № 413. С. 94–102.
15. Дмитриенко Н. М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.) Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. 334 с.
16. Шиловский М. В. Специфика благотворительности в сфере образования дореволюционного периода в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2018. № 437. С. 161–164.
17. Комлева Е. В. Сибирское купечество в освещении современной российской историографии (конец 1980-х – 2010-е гг.) // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы I Всероссийской научной конференции (г. Томск, 11–13 апреля 2014 г.). Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. С. 45–61.
18. Комлева Е. В. Вклад сибирских купцов в изучение территории Северной Евразии (вторая половина XVIII – XIX в.) // Развитие территорий. 2017. № 4. С. 6–11.
19. Комлева Е. В. «Тузы-капиталисты»: образ сибирского купца в региональной периодической печати второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 24. С. 36–45.
20. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2006. 176 с.
21. Шахеров В. П. Предприниматели Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.: формирование и основные сферы деятельности. Саарбрюкен (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 244 с.
22. Шевцов В. В., Карташова Т. П. Инвестиционно-предпринимательская деятельность П. И. Макушина в области культуры и просвещения (по материалам томских архивов и периодической печати) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 96–110.
23. Залесов В. Г., Залесов Г. М. Новые тенденции в архитектуре и образовании в начале XX века: Дом науки им. П. И. Макушина в Томске // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. Т. 20, № 6. С. 33–45.
24. Матханова Н. П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 58–75.
25. Жиров А. А. Если бы стены могли говорить... (очерки и статьи). Омск: Полиграф, 2008. 284 с.

26. Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки по истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 212 с.
27. Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М.: Приор, 1998. 493 с.
28. Сутягина О. А. Социокультурный облик сибирского купечества второй половины XIX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 105–107.
29. Шилов А. И., Шилова Н. В. Щеголевы – династия меценатов-благотворителей // Историко-педагогический журнал. 2014. № 1. С. 188–195.
30. Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
31. Быков А. А., Быкова Т. А. Благотворительность в сфере образования в Томской губернии (во второй половине XIX – начале XX века) // Сибирское купечество: истоки деятельности, наследие: материалы I Всероссийской научной конференции (г. Томск, 11–13 апреля 2014 г.). Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. С. 125–130.
32. Лукьянова Л. С. Библиотеки дореволюционной Тюмени (вторая половина XIX в.) // Макушинские чтения: материалы научной конференции (г. Новосибирск, 13–15 декабря 1988 г.). Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1988. С. 96–99.
33. Вдовин А. С., Комлева Е. В. Роль купцов в развитии сибирской археологии (XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 3. С. 111–116.
34. Разумов О. Н. Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 123–126.
35. Алисов Д. А. Социально-культурный облик столичных центров Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Городская культура Сибири: история и современность: сборник научных трудов. Омск: Сибирский филиал Рос. ин-та культурологии, 1997. С. 60–73.
36. Ситникова Е. В. Вклад купцов Кухтериных в формирование архитектурного облика г. Томска // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы I Всероссийской научной конференции (г. Томск, 11–13 апреля 2014 г.). Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. С. 66–72.
37. Смокотин С. В. Роль купечества в строительстве православных храмов в Томске в XVIII–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 149–152.
38. Залесов В. Г. Национально-романтические тенденции архитектуры стран Северной Европы и их отражение в Томске // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2017. № 6. С. 50–67.
39. Ситникова Е. В. Деревянная архитектура Томска второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2011. № 1. С. 59–65.
40. Емельянов Е. Ю., Ситникова Е. В. Модерн в деревянной архитектуре г. Томска начала XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 114–125.
41. Щавинская Л. Б. Обучение строительному ремеслу в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия «Культурология и искусствоведение». 2013. № 4. С. 257–262.
42. Щавинская Л. Б. Строительное дело в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2013. № 6. С. 182–186.
43. Бойко В. П., Ситникова Е. В. Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2008. 179 с.
44. Бойко В. П., Ефименко В. Н., Кадесников А. П. Очерки истории строительства сухопутных путей сообщения (дороги и их строительство как средство хозяйственного и социокультурного развития общества и государства). Томск: Изд-во ТГАСУ, 2010. 135 с.
45. Skubnevskii V. A., Goncharov Iu. M. Siberian merchants in the latter half of the nineteenth century // Sibirica. Journal of Siberian Studies. 2002. Vol. 2. No. 1. Pp. 21–42.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; принята к публикации 18.10.2021

Сведения об авторе

Климова Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова; 656002, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46; e-mail: klimovolga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8513-0044>.

Библиографическое описание статьи

Климова О. Г. Социокультурные практики сибирского купечества второй половины XIX – начала XX века в освещении современной российской историографии // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 87–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-87-95.

References

1. Skubnevsky, V. A. Charity of Altai entrepreneurs in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 435, pp. 155–160, 2018. (In Rus.)
2. Skubnevsky, V. A., Startsev, A. V., Goncharov, Yu. M. Altai merchants of the second half of the 19th – early 20th centuries. Barnaul: Altai University Publishing House, 2001. (In Rus.)
3. Skubnevsky, V. A., Startsev, A. V., Goncharov, Yu. M. Entrepreneurs of Altai 1861–1917: an encyclopedia of entrepreneurship. Barnaul: Demidov Foundation, 1996. (In Rus.)
4. Goncharov, Yu. M. Lower ranks of the Russian army in the regional society of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: worldview, everyday culture and traditions. *Bulletin of the Irkutsk State University*, vol. 21, pp. 89–95, 2017. (In Rus.)
5. Startsev, A. V. Siberia and adjacent territories: history, historiography, methodology. Barnaul: BUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. (In Rus.)
6. Zinoviev, V. P., Zinovieva, V. I. Public activities of the merchants of the Tomsk province in 1880 – February 1917. *Siberian historical research*, no. 2, pp. 9–20, 2016. (In Rus.)
7. Boiko, V. P. Merchants of Western Siberia at the end of the 18th – 19th centuries Essays on social, industry, household and mental history. Tomsk: Tomsk State University, 2007. (In Rus.)
8. Boiko, V. P. Charity of West Siberian Merchants. *Siberian merchants: origins, activities, heritage, Proceedings of the First All-Russian Scientific Conference*. Tomsk: Publishing house of TGASU, 11–13 April 2014: 96–108. (In Rus.)
9. Boiko, V. P. The role of merchants in the development of the city of Krasnoyarsk in the XIX – early XX century. *Siberian merchants: origins, activities, heritage, Proceedings of the Fourth All-Russian Scientific Conference*. Tomsk: Publishing house of TGASU, 17 October 2020: 24–42. (In Rus.)
10. Boyko, V. P. Tomsk merchants at the end of the 18th–19th centuries: From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie. Tomsk: Aquarius, 1996. (In Rus.)
11. Boyko, V. P., Sitnikova, E. V., Shagov, N. V., Bogdanova, O. V., Zalesov, V. G., Manonina, T. N. The architecture of the cities of the Tomsk province and the Siberian merchants (XVII – early XX century). Tomsk, Biysk, Barnaul, Kolyvan, Kamen-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk. Tomsk: Publishing house of TGASU, 2011. (In Rus.)
12. Boyko, V. P. Merchants of Western Siberia at the end of the 18th–19th centuries: essays on social, sectoral and mental history. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 2007. (In Rus.)
13. Dmitrienko, N. M., Grigorieva, S. E. Tomsk Technological Institute and Merchants: Experience of Business Cooperation (1890s – 1910s). *Bulletin of Tomsk State University*, no. 3 (35), pp. 16–20, 2015. (In Rus.)
14. Dmitrienko, N. M. Imperial Tomsk University and Siberian merchants: experience of interaction. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 413, pp. 94–102, 2016. (In Rus.)
15. Dmitrienko, N. M. Tomsk merchants: a biographical dictionary (second half of the 18th – early 20th centuries). Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2014. (In Rus.)
16. Shilovsky, M. V. Specificity of charity in the field of education in the pre-revolutionary period in the cities of Siberia. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 437, pp. 161–164, 2018. (In Rus.)
17. Komleva, E. V. Siberian merchants in the coverage of modern Russian historiography (late 1980s – 2010s). *Siberian merchants: origins, activities, heritage, Proceedings of the First All-Russian Scientific Conference*. Tomsk: Publishing house of TGASU, 11–13. 2014: 45–61. (In Rus.)
18. Komleva, E. V. The contribution of Siberian merchants to the study of the territory of Northern Eurasia (second half of the 18th – 19th centuries). *Territory development*, no. 4, pp. 6–11, 2017. (In Rus.)
19. Komleva, E. V. “Aces-capitalists”: the image of a Siberian merchant in the regional periodicals of the second half of the 19th century. *Bulletin of Irkutsk State University*, V. 24, pp. 36–45, 2018. (In Rus.)
20. Shaherov, V. P. Merchant Irkutsk: History of the City in Persons and Fates. Khabarovsk: Ed. house “Priamurskie vedomosti”, 2006. (In Rus.)
21. Shaherov, V. P. Entrepreneurs of Baikal Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries: formation and main areas of activity. Saarbrücken (Germany): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. (In Rus.)
22. Shevtsov, V. V., Kartashova, T. P. Investment and entrepreneurial activity of P. I. Makushin in the field of culture and education (based on materials from Tomsk archives and periodicals). *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 96–110, 2016. (In Rus.)
23. Zalesov, V. G., Zalesov, G. M. New trends in architecture and education at the beginning of the 20th century: House of Science. P. I. Makushin in Tomsk. *Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*, no. 6, pp. 33–45, 2018. (In Rus.)
24. Matkhanova, N. P. Power and officials in the memoirs of the Siberian merchants of the XIX century. *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 58–75, 2016. (In Rus.)
25. Zhironov, A. A. If the walls could speak ... (essays and articles) Omsk: JSC “Polygraph”, 2008. (In Rus.)
26. Bochanova, G. A., Goryushkin, L. M., Nozdrin, G. A. Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS, branch “Geo”, 2000. (In Rus.)
27. Khorkova, E. P. The history of entrepreneurship and patronage in Russia M.: Prior, 1998. (In Rus.)

28. Sutyagina, O. A. Socio-cultural image of the Siberian merchants of the second half of the XIX century. (based on materials from periodicals). Bulletin of Tomsk State University, no. 338, pp. 105–107, 2010. (In Rus.)
29. Shilov, A. I. Shchegolev – a dynasty of patrons and benefactors. Historical and pedagogical journal, no. 1, pp. 188–195, 2014. (In Rus.)
30. Bykonya, G. F., Komleva, E. V., Pogrebnyak, A. I. Yenisei merchants in persons (XVIII – beginning of XX century.) Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS, 2012. (In Rus.)
31. Bykov, A. A., Bykova, T. A. Charity in the field of education in the Tomsk province (in the second half of the XIX – early XX century). Siberian merchants: origins, activities, heritage, Proceedings of the First All-Russian Scientific Conference. Tomsk: Publishing house of TGASU, 11–13 April 2014: 125–130. (In Rus.)
32. Lukyanova, L. S. Libraries of pre-revolutionary Tyumen (second half of the 19th century). Proceedings Scientific Conference. Novosibirsk: Novosibirsk book publishing house: 13–15 December 1988: 96–99. (In Rus.)
33. Vdovin, A. S., Komleva, E. V. The role of merchants in the development of Siberian archeology (XIX – early XX centuries). Humanities in Siberia, no. 3, pp. 111–116, 2015. (In Rus.)
34. Razumov, O. N. Alexander Mikhailovich Sibiryakov – entrepreneur, philanthropist, researcher (on the occasion of his 150th birthday). Bulletin of Tomsk State University, no. 268, pp. 123–126, 1999. (In Rus.)
35. Alisov, D. A. Socio-cultural image of the capital centers of Western Siberia (late 19th – early 20th centuries). Urban culture of Siberia: history and modernity. Omsk: Siberian Branch of the Russian Institute of Culturology, 1997: 60–73. (In Rus.)
36. Sitnikova, E. V. The contribution of the merchants Kukhterins to the formation of the architectural appearance of the city of Tomsk. Siberian merchants: origins, activities, heritage: Proceedings of the First All-Russian Scientific Conference. Tomsk: Publishing house of TGASU, 11–13 April 2014: 66–72. (In Rus.)
37. Smokotin, S. V. The role of merchants in the construction of Orthodox churches in Tomsk in the 18th – 20th centuries. Bulletin of Tomsk State University, no. 389, pp. 149–152, 2014. (In Rus.)
38. Zalesov, V. G. National-romantic tendencies of architecture of the countries of Northern Europe and their reflection in Tomsk. TGASU Bulletin, no. 6, pp. 50–67, 2017. (In Rus.)
39. Sitnikova, E. V. Wooden architecture of Tomsk in the second half of the 19th – early 20th centuries. Bulletin of the Tomsk State Architectural and Construction University, no. 1, pp. 59–65, 2011. (In Rus.)
40. Emelyanov, E. Yu., Sitnikova, E. V. Modern in wooden architecture in Tomsk at the beginning of the 20th century. Bulletin of the Tomsk State Architectural and Construction University, V. 21, no. 1, pp. 114–125, 2019. (In Rus.)
41. Shchavinskaya, L. B. Training in the construction trade in the Tomsk province in the second half of the XIX – early XX century. Bulletin of Tomsk State University, no. 4, pp. 257–262, 2013. (In Rus.)
42. Shchavinskaya, L. B. Construction business in the Tomsk province in the late 19th – early 20th centuries. Bulletin of the Tomsk State University, no. 6, pp. 182–186, 2013. (In Rus.)
43. Boyko, V. P., Sitnikova, E. V. Siberian merchants and the formation of the architectural appearance of the city of Tomsk in the 19th – early 20th centuries. Tomsk: Publishing house of TGASU, 2008. (In Rus.)
44. Boyko, V. P., Efimenko, V. N., Kadesnikov, A. P. Essays on the history of the construction of land routes: (roads and their construction as a means of economic and socio-cultural development of society and the state) Tomsk: Publishing house of TSUACE, 2010. (In Rus.)
45. Skubnevskii, V. A., Goncharov, Yu. M. Siberian merchants in the latter half of the nineteenth century. Sibirica. Journal of Siberian Studies, no. 1, pp. 21–42, 2002. (In Engl.)

Received: September 15, 2021; accepted for publication October 18, 2021

Information about author

Klimova Olga G., Candidate of History, Polzunov Altai State Technical University; 46 Lenina ave., Barnaul, 656002, Russia; e-mail: climovolga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8513-0044>.

Reference to the article

Klimova O. G. Socio-Cultural Practices of the Siberian Merchants of the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Coverage of Modern Russian Historiography // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. Pp. 87–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-87-95.

УДК 908

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-96-108

Виктория Александровна Кондратенко,
Государственный архив Забайкальского края
(г. Чита, Россия),
e-mail: kondratenko_viktoriya@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5896-4353>

Становление и развитие женского гимназического образования в г. Чите (1893–1921)

В статье на основе документов Государственных архивов Забайкальского края и Иркутской области анализируется роль женских гимназий г. Читы в системе народного образования Забайкальской области конца XIX – начала XX в. Интерес к изучению истории народного образования вырос в 1990-х гг. в связи с реформированием системы образования, а также с появлением новых типов учебных заведений: лицеев, гимназий и т. д. Автором рассмотрены основные аспекты деятельности учебных заведений: проблемы создания и существования женских гимназий, организация и содержание учебно-воспитательного процесса, материальная база. В исследовании уделяется внимание вопросу подготовки педагогических кадров для учебных заведений среднего звена. Проводится анализ уровня изученности темы, содержания архивных фондов. Методология исследования построена на применении метода функционального анализа, историко-генетического и историко-сравнительного метода. Источниковая база исследования представлена циркулярами Министерства народного просвещения и Дирекции народных училищ Забайкальской области, перепиской начальниц женских гимназий с вышестоящими чиновниками по вопросам организации учебно-воспитательного процесса в средних учебных заведениях, отчетной документацией гимназий, в том числе проектно-сметной, за разные годы их существования и другими. Статья иллюстрируется большим объемом фотоматериалов – фотографиями начальствующих лиц, ученического состава и учебных корпусов указанных учебных заведений. В завершение автором приводится оценка деятельности женских гимназий г. Читы. Исследование приурочено к празднованию двух юбилейных дат: 115-летия открытия Второй женской гимназии (1906) и 110-летия Частной женской гимназии О. М. Цинбал-Миклашевской (1911).

Ключевые слова: Забайкальская область, г. Чита, женская гимназия, народное образование, среднее образование, просвещение

Victoria A. Kondratenko,
State Archives of the TransBaikal Territory
(Chita, Russia),
e-mail: kondratenko_viktoriya@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5896-4353>

Formation and Development of Female Gymnasium Education in the City of Chita (1893–1921)

The article analyzes the role of women's gymnasiums in the city of Chita in public education system of the Trans-Baikal Region of the late 19th – early 20th centuries, based on documents from the State Archives of the Trans-Baikal Territory and the Irkutsk Region. The author considers the main aspects of the activities of educational institutions: the problems of the creation and existence of female gymnasiums, the organization and content of the educational process, the material base, and also pays attention to the issue of training teachers for secondary educational institutions. The analysis of the level of knowledge of the topic, the content of archival funds is carried out. The research methodology is based on the application of the method of functional analysis, historical-genetic and historical-comparative methods. The source base of the study is presented by the reporting documentation of the gymnasiums, including design and estimate, for different years of their existence, correspondence of superiors with higher officials on the organization of the educational process and others. The article is illustrated with a large volume of photographic materials – photographs of the commanding persons, students and educational buildings of the indicated educational institutions. However, in spite of a sufficient number of archival documents, the researchers did not submit extensive work on the activities of women's gymnasiums in the Trans-Baikal region. At the end of the article, the author provides an assessment of the activities of the Chita women's gymnasiums. The study is timed to celebrate two anniversaries: the 115th anniversary of the opening of the Second Women's Gymnasium (1906) and the 110th anniversary of the Private Women's Gymnasium of O. M. Tsinbal-Miklashevskaya (1911).

Keywords: Transbaikal region, Chita, female gymnasium, public education, secondary education, enlightenment

© Кондратенко В. А., 2021

Введение. Вступление России в конце XIX в. в новый период своего исторического развития потребовало широких преобразований в сфере народного образования. Государственные реформы обусловили возникновение новых типов образовательных учреждений, в том числе гимназий. Учитывая исторический опыт, можно отметить аналогию с развитием системы образования на рубеже XIX – начала XX в. Для создания объективной картины системы народного образования в России требуется глубокий анализ и обобщение происходящих в нём изменений.

С 1990-х гг. вырос интерес исследователей к истории народного просвещения, как на территории России, так и в отдельных её регионах. Академик Российской академии образования Э. Д. Днепров в своих научных трудах показывает становление и эволюцию отечественной системы образования и всех её компонентов в контексте общего развития страны [1–3]. Подробно рассмотрели проблему подготовки педагогических кадров для женских учебных заведений среднего звена, а также охарактеризовали основные типы учебных заведений, готовивших народных учителей в дореволюционной России, И. В. Зубков, Н. К. Гуркина, Е. Г. Искова, Е. Ю. Мартыанов, А. И. Шилов [4–8]. Н. И. Яковкина проанализировала развитие средней школы, в том числе женской, в Российской империи в конце XIX в. [9].

Одним из исследователей дореволюционной системы народного образования Забайкальской области является И. Н. Мамкина, подготовившая научные труды о проблеме народного образования в Сибири и Забайкалье. Она проанализировала роль и место женских гимназий в системе образования региона, но не включила в круг исследования частную женскую гимназию О. М. Цинбал-Миклашевской, сведений о которой крайне мало [10; 11]. Кроме того, И. Н. Мамкина рассмотрела появление и деятельность одной из форм педагогического образования в регионе – педагогических классов [12].

Нельзя не отметить вклад Т. А. Константиновой в изучение истории народного просвещения региона. На основе материалов Государственного архива Забайкальского края она определила роль Второй женской гимназии в системе образования Забайкальской области [13].

Цель статьи – анализ деятельности женских гимназий г. Читы – столицы Забайкальской области, определение их места в образовательной системе конца XIX – начала XX в.

Наиболее обширную группу источников по теме исследования составляют делопроизводственные документы: циркуляры Министерства народного просвещения, донесения министерских служащих, отчёты директора народных училищ Забайкальской области, переписки служащих Министерства народного просвещения и Дирекции народных училищ по вопросам учебно-воспитательного процесса гимназий, отчёты учебных заведений за разные годы и др. Характер документов, отложившихся в фонде № 4 «Дирекция народных училищ» Государственного архива Забайкальского края, очень разнообразен. Это распоряжения, указания, инструкции главного инспектора народных училищ Восточной Сибири, отчёты директора народных училищ и др. Фонд № 74 «Вторая женская гимназия» содержит по большей части документы о движении контингента обучающихся, отчёты учебного заведения, протоколы заседаний педагогического совета за разные годы. Фонд № 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири» Государственного архива Иркутской области обширно представлен отчётами женских гимназий г. Читы за 1910–1917 гг.

Методология и методы исследования. Исследование основано на анализе ряда архивных источников, что предопределило использование общенаучных методов сбора, анализа и синтеза материала. Применение метода функционального анализа позволило изучить подготовку педагогических работников для средних учебных заведений, дифференцировать ученическое сообщество женских гимназий г. Читы, проанализировать их социальный состав и условия обучения. При помощи историко-генетического метода выявлены причинно-следственные связи, закономерности развития учебных заведений данного типа. Историко-сравнительный метод способствовал выявлению сходств и различий учебных заведений, в том числе в сравнении женских и мужских гимназий.

Результаты исследования и их обсуждение. Реформы 1860-х гг. оказали решающее влияние на развитие женского образования в государстве. Они послужили

ли мощным импульсом развития средней женской школы, прежде всего, её ведущего звена – министерских гимназий и прогимназий. В это время сформировалась стройная и масштабная система образования. Это развитие позволило «женской средней школе не только стать вровень с мужской, но и существенно обогнать её» [2]. Волна контрреформ, произошедших в 1880-х гг., решила главные задачи народного просвещения: возврат к системе сословного устройства образования; усиление вмешательства государства в дела школы, в том числе женской; политический контроль над содержанием образовательных программ с целью удаления из него «злонамеренных идей» [1].

Вопрос об учреждении в Чите среднего общеобразовательного учебного заведения впервые был поднят в начале 1860-х гг.,

когда один из первых военных губернаторов Забайкальской области Е. М. Жуковский составил проект об учреждении пятиклассной гимназии с двумя дополнительными классами¹. Наиболее весомый вклад в развитие системы народного образования на территории г. Читы внёс Н. П. Дитмар. За 10 лет своего руководства он сумел в 1866 г. на собранные средства открыть женское училище, которое в 1871 г. было преобразовано в 5-классную прогимназию. Новое учебное заведение было открыто без официального разрешения и изначально существовало за счёт средств попечителей². Первая гимназия в Чите открылась в 1893 г. на базе женской прогимназии. Изначально она располагалась в двухэтажном деревянном здании по ул. Иркутской (П. Осипенко) (рис. 1).

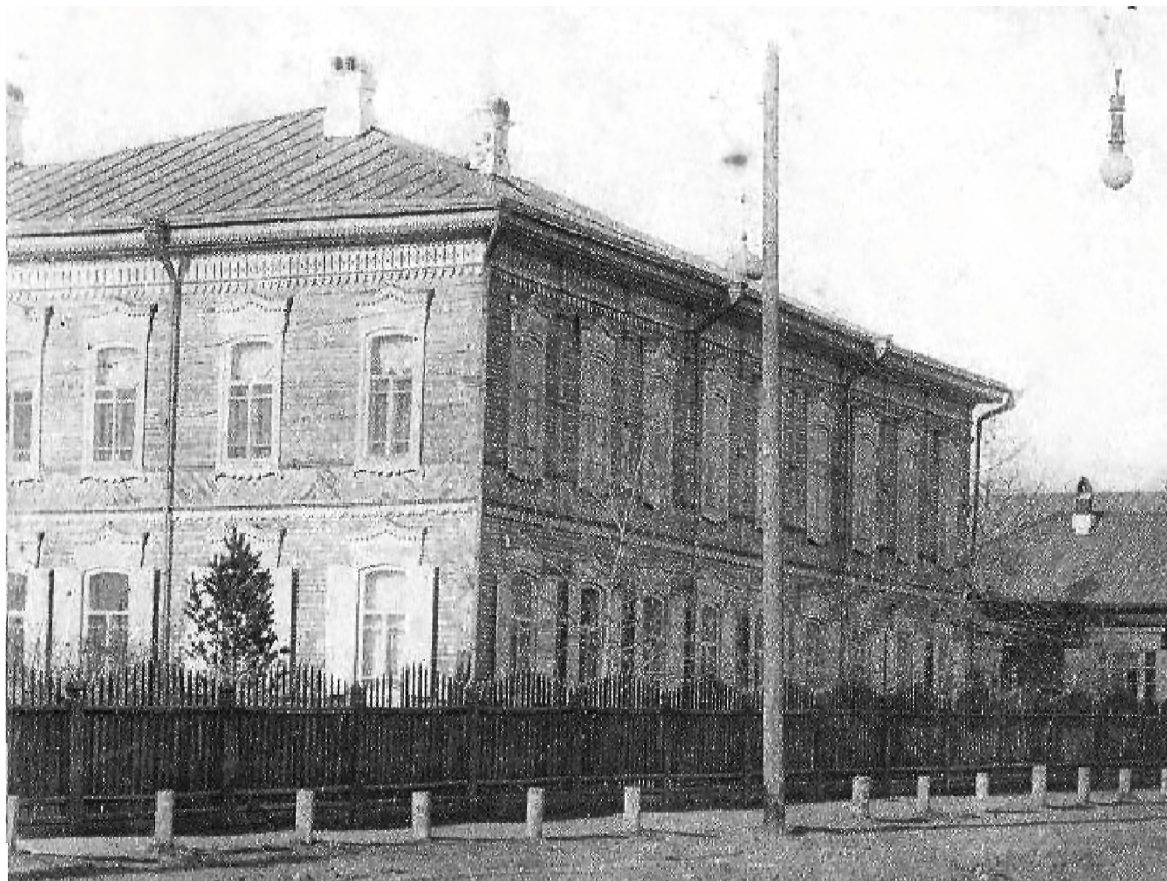

Рис. 1. Здание Читинской женской гимназии

Fig. 1. The building of the Chita women's gymnasium

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. 61. – Оп. 1. – Д. 2492. – Л. 2–3.

² Константинова Т. А. Читинская женская гимназия 1-я // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – Ч. 2. – С. 397–398.

В начале XX в. в Восточно-Сибирском учебном округе общее количество гимназий не превышало двух десятков, основное число которых – женские. Так, в Забайкальской области действовало пять женских и одна мужская гимназия, которые открывались в крупных населённых пунктах и уездных городах при содействии городских и купеческих обществ [11]. Надзор за народными училищами, благонадежностью учителей и желанным царскому правительству «духом преподавания» осуществляла Дирекция народных училищ Забайкальской области, учреждённая в 1884 г. Дирекции подчинялись существующие в области городские, уездные и начальные училища всех наименований, гимназии и прогимназии, а также частные учебные заведения и лица, занимающиеся преподаванием. На базе Дирекции народных училищ создавались многочисленные благотворительные организации, которые осуществляли материальную помощь учебным заведениям¹. Например, в 1894 г. в Чите учреждён Комитет по улучшению средств женских гимназий и прогимназий Забайкальской области, председателем которого стал военный губернатор Е. О. Мацевский².

Для поступления в первый класс гимназии действовало возрастное ограничение 9–12 лет, а для поступления в младшее отделение приготовительного класса требовалось достижение ребёнком 7-летнего возраста и умение читать. Прощения о приёме подавали на имя начальницы, прилагали к ним метрическое свидетельство и справку о привитии оспы. В 1893 г. в Первой женской гимназии обучалось 147 человек, в 1905 г. – 536 человек, преимущественно дети дворян и чиновников православного вероисповедания. Плата за обучение составляла 40 рублей в год, а с пятого класса – 60 рублей. Освобождались от платы 10 % учениц по бедности, отличной успеваемости, а также дочери служащих Министерства народного просвещения.

Н. Н. Кущинская являлась начальницей женской прогимназии, а после её преобразования в гимназию продолжила возглавлять учебное заведение до 1898 г. По решению педагогического совета, на смену ей пришла княжна М. А. Гинглятт, окончившая высшие учительские курсы и заведовавшая Гатчинским приютом, который находился под по-

¹ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 6.

² Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 13840. – Л. 6.

кровительством императрицы Марии Фёдоровны. М. А. Гинглятт родилась в 1870 г. в Санкт-Петербурге, окончила Бестужевские курсы, где её педагогом являлся известный российский и советский историк С. Ф. Платонов³. В 1899 г. княжна Гинглятт вступила в должность⁴. В 1905 г. на посту начальницы гимназии её сменила Н. А. Лаврова (рис. 2).

Рис. 2. Н. А. Лаврова

Fig. 2. N. A. Lavrova

Специальных учебных заведений для подготовки учителей гимназий не имелось. Этим занимались в основном педагогические курсы, учительские институты, университеты. В 1901 г. женщины с высшим образованием получили право преподавать в старших классах женских гимназий со всеми служебными и пенсионными правами; с 1911 г. стало возможным после экзамена получить диплом в государственных высших учебных заведениях с присвоением звания «учительница средних учебных заведений» [5, с. 196].

Женские гимназии были ориентированы на гуманитарное образование. Курс обучения в них, как правило, состоял из семи классов с годичным сроком обучения в ка-

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 1098. – Л. 4.

⁴ ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 5675. – Л. 5.

ждом. Изучались Закон Божий, математика, всеобщая и русская география, история, физика, естественная история, чистописание, рукоделие, рисование, немецкий и французский языки, педагогика и дидактика, методика преподавания русского языка и арифметики, русский язык и словесность, химия, гигиена [14].

Предметы, изучаемые воспитанницами, делились на обязательные и необязательные. Предпочтение отдавалось математике, русскому языку и словесности. Основное место занимал Закон Божий, который изучали на протяжении всего периода обучения, по два урока в неделю. Отличительной чертой женских учебных заведений являлись уроки рукоделия, основной задачей считалась подготовка девушек к семейной жизни [11, с. 92–93]. Французский язык преподавали с первого класса при шести уроках в неделю, сокращая их в последующих классах. Изучение немецкого языка начиналось во втором классе. При этом немецкий язык, как и французский, изучался до седьмого класса включительно [15, с. 30].

Изначально в женских гимназиях физическое воспитание ограничивалось обучением танцам как необязательному предмету. Эти занятия посещали немногие ученицы. Позже начали преподавать гимнастику, обратили внимание на развитие таких видов спорта, как коньки и лыжи. Читинская женская гимназия 1-я стала одной из первых в Восточной Сибири, где были построены хорошо оборудованные гимнастические залы (1909) [16].

В 1894 г. в Первой женской гимназии открыли восьмой дополнительный класс, осуществлявший педагогическую подготовку девушек, окончивших семь основных классов. Педагогические классы набирались по физико-математическому, историко-филологическому, медицинскому, техническому, педагогическому направлениям. Учебная программа восьмых классов включала методику преподавания отдельных дисциплин, педагогику, практические занятия. Оценка выставлялась за практическое применение знаний. Педагогическая практика включала в себя посещение уроков в младших классах по заранее составленному плану и подразумевала индивидуальную работу. Ученицы составляли конспект прослушанного урока и совместно обсуждали его итоги, а в конце первого полуго-

дия составлялся «дневник своих занятий и характеристика ученицы». В свидетельстве об окончании восьмого класса гимназии отмечалось прохождение педагогической практики. С аттестатом выдавалась памятка «права и обязанности домашних наставниц или учительниц» [13].

В связи с увеличением численности учащихся и служащих гимназии перед попечительским советом возникла потребность в организации немалого количества жилых помещений. Так, в 1894 г. принято решение об устройстве пансиона при женской гимназии. Строительство началось 14 мая 1896 г., в день коронации императора Николая II и Александры Фёдоровны. Пансион открылся 1 сентября 1897 г. и был рассчитан на 30 мест: 15 – для детей военнослужащих, 15 – для детей прочих сословий¹.

Проблема нехватки помещений гимназии была решена ненадолго, в связи с чем в 1904 г. попечительский совет принял решение построить большой учебный корпус. Главный архитектор города Г. В. Никитин составил предварительный проект по строительству каменного здания², стоимость по смете составила 203 000 рублей. Проект отправили на утверждение, однако в связи с начавшейся Русско-японской войной строительство здания отложили [17].

Спустя два года проект Никитина был отредактирован новым главным архитектором города Ф. Е. Пономаревым³. Корпус занял участок между улицами Уссурийской (Чкалова), Бульварной (Бабушкина) и Софийской (Бутина) [18; 19]. Постройку здания отдали подрядчику, иркутскому мещанину Гершу Равве. Планировалось построить двухэтажное каменное здание с подвальным этажом⁴.

Совет, не выходя из сметы, приобрёл в лице Г. Равве выгодного подрядчика, так как он за ассигнованную цену обязался сделать отступления от плана: подвальный этаж, за исключением котельного отделения, заменить пристройкой к середине корпуса здания для гимнастического зала; устроить вместо калориферного отопления пароводяное с вентиляцией; соорудить колодец во дворе; в рекреационном зале настелить паркетный дубовый пол; установить железные узорчатые периллы к лестницам с дубовыми

¹ ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 13844.

² Там же. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 12.

³ Там же. – Д. 336.

⁴ Там же. – Д. 361.

поручнями; с фронтовой стороны здания установить надпись «Первая женская гимназия»¹. Строительство нового учебного корпуса завершилось в 1909 г. (рис. 3).

Вторая (Порт-Артурская) женская гимназия, материальная часть которой была эвакуирована из занятого японцами Порт-Артура, открылась в 1906 г. в составе трёх младших классов [13]. С 1910/1911 учебного года учебное заведение включало в себя семь классов, а в августе 1912 г. открылся восьмой педагогический класс. Работу учебного заведения возглавила выпускница Киевской женской гимназии Н. В. Попандопуло². В 1908 г. на смену ей пришла преподавательница французского языка О. Р. Депрерадович, которая проработала в должности начальницы до закрытия гимназии.

Финансовое и хозяйственное обеспечение деятельности учебного заведения находилось в ведении попечительских советов.

Окружной инспектор Приамурского края ходатайствовал о том, чтобы попечительский совет Первой женской гимназии «взял на себя попечение и о Второй гимназии»³. Количество обучающихся в 1906 г. составляло 126, в 1917 г. – 382 человека (рис. 4). Вторая гимназия изначально располагалась в одном здании с Первой (по ул. Иркутской), заняв помещения второго этажа⁴. Дальнейшее развитие гимназии затруднялось из-за острой нехватки помещений. 10 февраля 1909 г. состоялся осмотр двух участков земли для постройки нового здания гимназии. Первый участок размещался на углу ул. Бульварной (ул. Бабушкина) и Благовещенской (ул. Журавлёва); второй – на углу ул. Иркутской (ул. П. Осипенко) и Коротковской (ул. Анохина)⁵. Оба участка были признаны пригодными для постройки большого здания, однако документы, подтверждающие или опровергающие строительство, в архивном фонде не обнаружены.

Рис. 3. Здание Первой женской гимназии г. Читы

Fig. 3. Building of the First Women's Gymnasium in Chita

¹ ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 361.

² Там же. – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 12.

³ Там же. – Оп. 1. – Д. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – Д. 372.

Рис. 4. Учащиеся второго класса Второй женской гимназии. В центре – преподаватели гимназии Е. К. Лундстрем и Е. В. Экштейн

Fig. 4. Students of the second grade of the Second Women's Gymnasium. Gymnasium teachers E. K. Lundstrem and E. V. Eckstein are in the center

В 1912 г. Вторая женская гимназия переместилась в здание, принадлежавшее попечительскому совету женских гимназий г. Читы. Главный корпус, где помещались младшие и старшие классы, имел массу дефектов: здание было деревянным и ветхим, отсутствовали специализированные помещения под лазарет и библиотеку. В здании, выстроенном в 1914 г. по проекту архитектора Зубкова, на участке, который принадлежал пансиону Первой женской гимназии, размещались третий и четвёртый классы. Приготовительные классы размещались в наёмном помещении, занимаемом частной мужской гимназией Е. Кашперовой и Ю. Молчановой¹.

В 1914 г. в связи с начавшейся Первой мировой войной и сложным финансовым положением внутри страны попечительским советом Второй женской гимназии обсуждалось предложение о закрытии восьмого

педагогического класса. Для окончания курса обучения ученицам было предложено закончить обучение в Первой женской гимназии, однако количество мест в ней было ограничено, и совет принял решение отложить на время закрытие педагогического класса [11, с. 93].

Неоднократные выступления педагогов и общественности о необходимости изменения учебных программ педагогического класса стали одной из причин их реформирования. Реформы были направлены на усиление педагогической и практической подготовки. Со второй половины 1917/1918 учебного года восьмой класс Второй женской гимназии был преобразован в общеобразовательный, дополнительно вводилось изучение латинского языка. В общеобразовательных классах изучались дисциплины, необходимые для поступления в высшее учебное заведение [Там же, с. 93–94].

¹ ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 372.

Неотъемлемой частью народного образования являлись негосударственные (частные) учебные заведения, которые отчасти восполняли нехватку мест в гимназиях [20]. Так, в 1911 г. в Чите начала свою деятельность Частная женская гимназия О. М. Цинбал-Миклашевской. Из письма О. М. Цинбал главному инспектору училищ Восточной Сибири: «...потребность в открытии здесь учебного заведения типа казенной гимназии очень велика. В этом году в I-ый класс гимназии не принято 29 девочек... Желая прийти на помощь детям, которые не могли в этом году поступить в гимназии (в I-ю или во II-ую), я хотела бы открыть учебное заведение, в составе подготовительного и I-го класса осенью этого года или в январе 1912 года...»¹.

С 1913 г. частной гимназии был присвоен 1-й разряд и права министерских гимназий². Плата за обучение составила: в первом классе – 60 рублей в год; во втором и третьем – 70 рублей; в четвертом и пятом – 80 рублей; в шестом и седьмом – 90 рублей. В 1912 г. в частной гимназии обучались 54 ученицы, а преподавательский состав состоял из 8 педагогов³. В 1917 г. число служащих достигало 23 человек, учащихся – 251 (рис. 5). С 1914/1915 учебного года учебное заведение функционировало в составе семи основных и одного подготовительного класса и располагалось в двухэтажном каменном доме по ул. Енисейской (Забайкальского Рабочего), принадлежавшем читинскому мещанину Г. С. Берковичу (рис. 6)⁴.

Рис. 5. Учащиеся частной женской гимназии. В центре – начальница О. М. Цинбал

Fig. 5. Students of the Private Female Gymnasium. The chief O. M. Tsinbal is in the center

¹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 171. – Л. 2.

² Там же. – Д. 409. – Л. 6.

³ Там же. – Д. 171. – Л. 44.

⁴ Там же. – Д. 638. – Л. 4.

Рис. 6. Усадьба Г. С. Берковича в Чите

Fig. 6. The estate of G. S. Berkovich in Chita

Однако учебное заведение первоначально не пользовалось спросом ввиду некачественной подготовки девушек. Так, в 1912 г. директор народных училищ В. В. Попов изложил жалобу в письме главному инспектору народных училищ Восточной Сибири о том, что помещение для гимназии «тесное и малоудобное», уровень подготовки учениц разный, начальница при этом имеет главную цель – «получить возможно большую прибыль при минимальных затратах»¹.

Деятельность руководства гимназии заключалась в общем наблюдении за ходом учебно-воспитательного процесса в учебном заведении. Воспитательная работа выражалась в стремлении оказывать нравственное влияние на гимназисток. На заседаниях педагогических советов гимназий зачастую решались самые необычные вопросы. Например, о запрете преподавания модного на тот момент танца «танго», о запрете принимать

в учебное заведение подданных Австрии, Венгрии и Германии (1914) и т. д. [13].

Во время Первой мировой войны женские гимназии Читы оказывали посильную помощь военным и их семьям. Так, на ежемесячные пожертвования преподавателей Второй женской гимназии содержалась кровать для раненых воинов в лазарете Петрограда. Ученицы шили бельё для раненых, заготавливали кисеты с чаем, сахаром, табаком, а также отправляли подарки в ставку императора и 2-му Сибирскому армейскому корпусу².

Воспитанию девушек уделялось особое внимание. За неодобрительное поведение они подвергались наказанию: от снижения балла по поведению до исключения без права поступления в учебное заведение. В целях повышения нравственности применяли ряд мер: проводили беседы на разные темы нравственно-воспитательного значения по истории России; поддерживали строгую дисциплину среди учащихся; проводили

¹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 171. – Л. 45.

² Там же. – Д. 637. – Л. 14.

богослужения в воскресные и праздничные дни; обучали танцам и умению держаться в обществе. К воспитанию учащихся активно привлекали их родителей, старших родственников и родительские комитеты. Проводили экскурсии с посещением музеев, памятников, фабрик, заводов, собирали ботанические и зоологические коллекции¹.

Кроме того, ученицам гимназий запрещалось посещать мероприятия без разрешения начальницы; без родных ходить поздним вечером по улицам; собираться на вечеринках без родителей; участвовать в пикниках; посещать публичные библиотеки; иметь у себя книги и рукописи, «не относящиеся к прямым обязанностям ученицы, в особенности вредные в нравственно-педагогическом отношении». Классные наставницы время от времени посещали квартиры воспитанниц. Вне дома каждая ученица также обязывалась быть в одежде установленного образца и иметь при себе билет, выданный за подписью начальницы учебного заведения, и беспрекословно предъявлять его по требованию чинов учебного заведения и полиции².

Внеклассная деятельность женских гимназий являлась очень разнообразной: гимназисток водили в кино, театры, на спектакли, чтения. Репертуар посещаемых мероприятий подвергался цензуре. Регулярно отмечались различные знаменательные даты (100-летний юбилей М. Ю. Лермонтова, 100-летие победы в Отечественной войне 1812 г., 300-летие дома Романовых и др.).

Ученицы частной женской гимназии входили в общество герлскаутов. В гимназии проходило обучение скаутов, читались лекции³. Известно, что в Забайкалье основателем (в 1917 г.) и руководителем скаутского движения являлся выдающийся педагог и скульптор И. Н. Жуков.

Изменения политической обстановки после февраля 1917 г., в том числе Гражданская война, оказали влияние на деятельность учебных заведений. Подорожание стоимости жизни, недостаточность финансового обеспечения от государства не способствовали нормальному прохождению учебного процесса и вносили свои коррективы в деятельность педагогических коллективов.

Во время власти Временного правительства система народного просвещения

переживала период демократизации. В учебных заведениях вводились новые учебные дисциплины, увеличивалось количество учебных часов, изменялись прежние учебные программы.

Революционные события оказали огромное влияние на учебно-воспитательный процесс учебных заведений. Так, в 1918 г. учащиеся коммерческого училища объявили забастовку с требованием отстранить от преподавания учителя химии и математики Л. А. Кускова, который отличался строгостью и требовательностью. Часть учениц Второй женской гимназии поддержали «коммерсантов», тогда их родители обратились к ним со словами: «Дорогие ученицы! Берегите время и молодые силы для приобретения знаний. Бедная, малокультурная, отставшая от других стран наша Родина дорожит каждым часом правильных занятий учащихся...» [13]. Кроме того, учащиеся зачастую прогуливали, срывали уроки, что вело к снижению их общей успеваемости. Педагогам приходилось проводить индивидуальные беседы с ученицами.

В сентябре 1919 г. население г. Читы значительно увеличилось за счёт беженцев, которые стекались сюда со всей страны. Руководство гимназий приняло решение об увеличении количества параллельных классов. В 1920 г. в здании Первой женской гимназии расположился штаб атамана Г. М. Семёнова, что снова внесло свои коррективы в построение образовательного процесса [18].

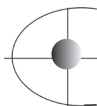
Декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г. «О единой трудовой школе РСФСР» упразднил разделение школ на разные типы и отменил раздельное обучение. Однако в связи с установлением в Чите власти атамана Г. Семёнова и после его свержения в период ДВР реформа не была осуществлена в срок. Точную дату закрытия гимназий в Чите по архивным документам установить не удалось, однако в 1921 г. они неоднократно упоминались в протоколах заседаний Коллегии областного отдела по народному образованию. В середине 1922 г. по просьбе городского отдела народного образования здания со всеми надворными постройками, принадлежавшие «бывш. женским гимназиям», переданы во временное владение и распоряжение города.

Заключение. Таким образом, изучая деятельность женских гимназий Читы в 1893–1921 гг., можно с уверенностью ска-

¹ ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 5111.

² Там же. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 54.

³ Там же. – Ф. 4. – Оп. 5. – Д. 87.

зять, что гимназический период в истории народного образования был коротким, но ярким. Гимназии, имея достаточную материальную базу и квалифицированный состав преподавателей, давали качественное среднее образование. Они внесли определённый вклад в развитие педагогического образования.

О популярности женского гимназического образования свидетельствует рост спроса населения на его получение. Однако условия открытия женских гимназий, необходимость привлечения дополнительных источников финансирования затрудняли процесс учреждения гимназий в Чите. Отсутствие пансионов, а также высокая плата за обучение делали недоступным обучение в женских гимназиях для сельского населения. В то же время наблюдался повышенный интерес к женскому образованию среди жителей города.

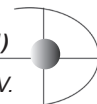
В первые годы после революционных событий 1917 г. материальное положение учебных заведений резко ухудшилось.

Средств на содержание гимназий, покупку отопительных ресурсов, обеспечение канцелярией обучающихся, а также на выплату зарплат педагогам не хватало. Праздники, памятные и знаменательные дни не отмечались. Это негативно отражалось на учебно-воспитательном процессе. Однако система образования проявляла свою устойчивость и жизнеспособность. Читинские женские гимназии несмотря на трудности продолжали функционировать во время установления в Забайкалье белой государственности, в годы существования Дальневосточной республики.

Читинские гимназии, пережив годы революционных потрясений, как тип учебных заведений были ликвидированы в 1921–1922 гг. в рамках реформы о единой трудовой школе РСФСР. За 28 лет своего существования женские гимназии г. Читы выпустили более 1 000 учениц и внесли существенный вклад в дело развития народного образования.

Список литературы

1. Днепров Э. Д. Попытка контрреформы среднего женского образования. 1884–1894 // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 241–247.
2. Днепров Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX века. М.: Мариос, 2011. Т. 1. С. 622–634.
3. Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. Среднее женское образование в России. М.: Дрофа, 2009. С. 176–224.
4. Зубков И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ (1870–1916). М.: Новый хронограф, 2010. 528 с.
5. Гуркина Н. К. Становление системы педагогического образования в дореволюционной России // Управленческое консультирование. СПб.: РАНХИГС, 2012. № 2. С. 193–202.
6. Исакова Е. Г. Образовательный уровень преподавательниц женских гимназий и прогимназий Западносибирского учебного округа (конец XIX–начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4. С. 92–95.
7. Мартыанов Е. Ю. Модернизация системы подготовки педагогических кадров в России начала XX века // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. Т. 1. С. 64–67.
8. Шилов А. И. Развитие общего и педагогического образования Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Красноярск, 2005. 503 с.
9. Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX век. СПб.: Лань, 2000. С. 312–359.
10. Мамкина И. Н. Делопроизводственная документация как источник по истории народного просвещения в Восточной Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. // Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия: материалы научно-практической конференции к 100-летию государственной архивной службы в России. Воронеж: Фаворит, 2018. С. 161–167.
11. Мамкина И. Н. Женские гимназии Забайкальской области (по материалам государственных архивов Забайкальского края и Иркутской области) // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 89–94.
12. Мамкина И. Н. Педагогические классы в женских гимназиях Забайкальской области в середине XIX – начале XX вв. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 4. С. 3–8.
13. Константинова Т. А. Порт-Артурская гимназия в Чите. URL: <http://gku-gazk.ru> (дата обращения: 10.10.2021). Текст: электронный.
14. Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: Ступени истории (с древнейших времён до 1917 года). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 203–209.
15. Левченко О. Ю. Опыт преподавания иностранных языков во второй Читинской женской гимназии // Гуманитарный вектор. 2010. № 1. С. 28–33.
16. Шилов А. И., Шилова Н. В. Физическое и эстетическое воспитание в средней школе Восточной Сибири в начале XX в. // Актуальные проблемы образования: история и современность. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2016. С. 298–304.

17. Кузнецов В. В., Пряженникова М. В., Яремчук О. А. История строительства Первой женской гимназии в городе Чите // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 12. С. 71–79.
18. Лобанов В. Г. Первая женская гимназия // Лобанов В. Г. Старая Чита. Чита: Степанов М. А., 2001. С. 33.
19. Немеров В. Ф. Улица Уссурийская // Прогулки по старой Чите / В. Ф. Немеров. Чита: Экспресс-издательство, 2010. С. 175–177.
20. Гаращенко Л. В. Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX в.). Иркутск: Земля Иркутская, 2018. 671 с.

Статья поступила в редакцию 17.10.2021; принята к публикации 15.11.2021

Сведения об авторе

Кондратенко Виктория Александровна, ведущий архивист, Государственный архив Забайкальского края, 672000, Россия, г. Чита, ул. Бутина, 55; e-mail: kondratenko_viktoriya@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5896-4353>.

Библиографическое описание статьи

Кондратенко В. А. Становление и развитие женского гимназического образования в г. Чите (1893–1921) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 96–108. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-96-108.

References

1. Dneprov, E. D. Attempt to counter-reform women's secondary education. 1884–1894. Educational issues, no. 2, pp. 241–247, 2006. (In Rus.)
2. Dneprov, E. D. Russian education in the XIX – early XX century. V. 1. M: Marios, 2011. (In Rus.)
3. Dneprov, E. D., Usacheva, R. F. Secondary female education in Russia. M. Drofa, 2009. (In Rus.)
4. Zubkov, I. V. Russian Teachers: The Everyday Life of Teachers of Zemstvo Schools, Gymnasiums and Real Schools (1870–1916). M: New Chronograph, 2010. (In Rus.)
5. Gurkina, N. K. Formation of the system of pedagogical education in pre-revolutionary Russia. Management consulting. SPb: RANHIGS, no. 2, pp. 193–202, 2012. (In Rus.)
6. Isakova, E. G. Educational level of female teachers of gymnasiums and gymnasiums of the West Siberian educational district (late 19th – early 20th centuries). Bulletin of the Altai State University, no. 4, pp. 92–95, 2012. (In Rus.)
7. Martyanov, E. Yu. Modernization of the system of training of pedagogical personnel in Russia at the beginning of the XX century. Theory and practice of education in the modern world: materials of the 1st Intern. scientific. conf. (St. Petersburg, February 2012). V. 1. SPb: Renome, 2012: 64–67. (In Rus.)
8. Shilov, A. I. The development of general and pedagogical education in Eastern Siberia in the late XIX – early XX centuries: Dr. sci. diss. Krasnoyarsk, 2005. (In Rus.)
9. Yakovkina, N. I. History of Russian culture: XIX century. SPb: Lan', 2000. (In Rus.)
10. Mamkina, I. N. Office-work documentation as a source on the history of public education in Eastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the state archival service in Russia. Voronezh: Favorit, 2018: 161–167. (In Rus.)
11. Mamkina, I. N. Women's gymnasiums of the Trans-Baikal region (based on materials from the State Archives of the Trans-Baikal Territory and the Irkutsk Region). Humanitarian vector, no. 2, pp. 89–94, 2012. (In Rus.)
12. Mamkina, I. N. Pedagogical classes in female gymnasiums of the Trans-Baikal region in the middle of the 19th – beginning of the 20th centuries. Bulletin of ZabSU, no. 4, pp. 3–8, 2013. (In Rus.)
13. Konstantinova, T. A. Port Arthur Gymnasium in Chita. Web. 10.10.2021. <http://gku-gazk.ru> (In Rus.)
14. Konstantinov, A. V. Transbaikalia: Stages of history (from ancient times to 1917). Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS, 2007. (In Rus.)
15. Levchenko, O. Yu. Experience of teaching foreign languages in the second Chita female gymnasium. Humanitarian vector, no. 1, pp. 28–33, 2010. (In Rus.)
16. Shilov, A. I., Shilova, N. V. Physical and aesthetic education in a secondary school in Eastern Siberia at the beginning of the XX century. Actual problems of education: history and modernity. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2016. (In Rus.)
17. Kuznetsov, V. V., Pryazhennikova, M. V., Yaremchuk, O. A. History of the construction of the first female gymnasium in the city of Chita. Manuscript. Tambov: Gramota, V. XIII, no. 12, pp. 71–79, 2020. (In Rus.)
18. Lobanov, V. G. The first female gymnasium. Old Chita. Chita: Stepanov M. A., 2001. (In Rus.)

19. Nemerov, V. F. Ussuriyskaya Street. Walks in old Chita. Chita: Express Publishing House, 2010. (In Rus.)

20. Garashchenko, L. V. Private educational institutions of Irkutsk (mid-19th – early 20th centuries). Irkutsk: LLC NPF “Zemlya Irkutskaya”, 2018. (In Rus.)

Received: October 17, 2021; accepted for publication November 15, 2021

Information about author

Kondratenko Victoria A., Leading Archivist, State Archives of the Trans-Baikal Territory; 55 Butina st., Chita, 672000, Russia; e-mail: kondratenko_viktoriya@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5896-4353>.

Reference to the article

Kondratenko V. A. Formation and Development of Female Gymnasium Education in the City of Chita (1893–1921) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 96–108. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-96-108.

УДК 94 (47)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-109-121

Сергей Андреевич Чернышов,
 Национальный исследовательский
 Томский государственный университет
 (г. Томск, Россия),
 e-mail: 1502911@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Реконструкция мотивов и целей первых колонизаторов Сибири по материалам освоения русскими Дальнего Востока

В статье реконструируются отдельные характеристики субъектов первоначальной колонизации Сибири и Дальнего Востока и эпизодов их продвижения на новые земли. Основным методологическим подходом исследования является принцип историзма, а также принцип «деятельность конституирует», распространённый в психологической науке, согласно которому идентичные деятельности и внешние условия должны порождать схожие системы мировоззрения. На основании этой предпосылки обосновывается возможность суждений по аналогии в отношении мотивов и целей первых колонизаторов Сибири на материалах освоения русскими Дальнего Востока. Дальневосточные первопроходцы, в отличие от первых колонизаторов Сибири, оставили значительное количество материалов личного происхождения, что позволяет реконструировать их замыслы и мотивы в широком социально-политическом контексте. Перед основным анализом рассматривается набор распространённых штампов, героизирующих первопроходцев. Это, прежде всего, представление о первых колонизаторах Сибири и Дальнего Востока как исполнителях некоей «имперской воли», а также крайности в описании мотивов первопроходцев: от чрезмерной романтизации до сведения движущей силы их походов к «жажде наживы». Делается вывод о необходимости отказа от упрощённых представлений о мотивах и ценностях покорителей Сибири и Дальнего Востока. Используя отдельные методы коммуникативистики, на основе материалов личного происхождения автор рассматривает стратегии использования идеи «государственного блага», а также легитимизации отдельных действий первопроходцев через нагнетание фактора внешней угрозы. Эти аргументы колонизаторы используют в качестве оправдания собственных действий на востоке. При этом предпринимаемые ими акты колонизации имеют авантюристический оттенок, характеризующийся действиями с явно выраженной эмоциональной составляющей принимаемых решений. Отдельно рассматривается проблематика взаимоотношений с аборигенами. Делается вывод о несостоятельности идеи «мирной крестьянской колонизации», имеющей цивилизаторское значение для местного населения, а также о вполне осознаваемой первопроходцами условности перехода аборигенов под власть московского правительства.

Ключевые слова: Сибирь, мотивы колонизаторов Сибири, Дальний Восток, колонизация, присоединение Сибири, Атласов, Муравьев-Амурский, Невельской

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19 «Конструирование социально-политических смыслов в коммуникативных практиках центральной власти в период присоединения Западной Сибири к Русскому государству».

Sergey A. Chernyshov,
 National Research Tomsk State University
 (Tomsk, Russia),
 e-mail: 1502911@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Reconstruction of the Motives and Goals of the First Colonizers of Siberia Based on the Materials of the Russian Colonization of the Far East

The article reconstructs individual characteristics of the subjects of the initial colonization of Siberia and the Far East and episodes of their advance to new lands. The main methodological approach of the research is the principle of historicism, as well as the principle of “activity constitutes”, widespread in psychological science, according to which identical activities and external conditions should give rise to similar worldview systems. On the basis of this premise, the possibility of judgments by analogy is substantiated in relation to the motives and goals of the first colonizers of Siberia based on the materials of the development of the Far East by the Russians. On the basis of materials of personal origin, the author examines the strategies of legitimizing individual

© Чернышов С. А., 2021

actions of the pioneers through forcing the factor of external threat, as well as using the idea of "state good". The colonialists use these arguments as a justification for their own actions in the east. At the same time, the acts of colonization undertaken by them have an adventurous connotation characterized by actions with a pronounced emotional component of the decisions made. The problems of relations with aborigines are considered separately. It is concluded that the idea of "peaceful peasant colonization", which has a civilizing significance for the local population is untenable, as well as the conventionality of the transition of the aborigines under the authority of the Moscow government, which is fully realized by the pioneers.

Keywords: Siberia, the Far East, colonization, annexation of Siberia, motives of the colonizers of Siberia, Atlasov, Muravyov-Amursky, Nevelskoy

Acknowledgment: the study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-39-60002\19 "Socio-political meanings construction by the communicative practices of the central government during the annexation of Western Siberia to the Russian state".

Введение. Первоначальный этап колонизации русскими Сибири, который традиционно связывают с деятельностью Строгановых, походом Ермака, покорением Сибирского ханства и строительством первых русских городов за Уралом, является одним из самых противоречивых эпизодов в отечественной истории.

С одной стороны, он характеризуется незначительным количеством эмпирического материала, который, кроме прочего, стал накапливаться со значительным запозданием. Так, системное археологическое изучение ключевых эпизодов первоначального присоединения Сибири к Русскому государству началось только во второй половине XIX в. – скажем, начало раскопок на Чувашском мысу, месте биты Ермака с войском хана Кучума, датируется только 1878 г., а раскопки на месте столицы Сибирского ханства Искера начались ещё на десятилетие позже [1, с. 138]. В 1889 г. тобольский губернатор В. А. Тройницкий, отвечая на запрос Археологической комиссии о состоянии дел в части археологического изучения края, предельно откровенно признавался: «В курганах в большинстве случаев роются промышленники, старающиеся найти или ценные предметы, или кости допотопных животных»¹. В этом смысле по сей день актуальной остаётся мысль управляющего строгановскими имениями в Перми Ф. А. Волегова, которую он выразил ещё в 1833 г.: «Одно из самых тёмных мест в Русской истории есть завоевание Сибири»². Даже ключевые характеристики похода Ермака в Сибирь нам доподлинно так и неизвестны: например, летописи оценивают численность войска Ермака с разницей на порядок – от 540 до 6 тысяч человек [2, с. 215].

¹ Архив Института истории материальной культуры (ИИМК). – Ф. 1. – Оп. 1889. – Д. 93.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 16.

Фактически отсутствуют не только материалы личного происхождения первых лидеров колонизации Сибири, но и стройное коммуникационное оформление этого события, легитимизирующая основа в официальных документах. Если после похода Ивана Грозного на Казань митрополит Макарий, встречая царя в Москве, вписывает это деяние в один ряд с подвигами Александра Невского и Дмитрия Донского [3, с. 226], то покорение Сибири остаётся как бы за границей внимания коммуникативных практик московского правительства. Отправной точкой для дискуссии по поводу легитимизации и оценок присоединения Сибири традиционно считается «опальная» грамота царя Ивана Васильевича Максиму и Никите Строгановым: «А не вышлете изъ остроговъ своихъ в Пермь волжскихъ казаковъ, Атамана Ермака Тимофеева... Намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая» [4, с. 5]. Однако почти одновременно, уже в августе 1585 г., в инструкции русским послам в Швецию появляется иная официальная трактовка событий «за Камнем»: «и государь нашъ... позволиль на Сибирь идти казакомъ, и казаки государевы, исх Перми шодъ, Сибирское царство взяли, и Сибирский царь Кучюмъ убежал в поле, и ныне государь на него послалъ рать свою» [5, с. 414].

Одновременно с этим в конструирование мотивов первых колонизаторов Сибири вплетаются и религиозные мотивы, согласно которым Ермак – православный воитель, деяния которого призваны доказать сибирским аборигенам торжество «истиной веры»: «бе бо от Ермакова тела и от платья чудотворение, болезненным исцеление, родительницам и младенцем на отгнание недугом, на войне и в промыслах удача. Се же видев обызы и мурзы, что закон их скверен (курсив мой – С. Ч.) и предстаёт чудотворение, запретиша всем от мала и до велика же поминать имя Ермаково» [6, с. 346]. Наконец,

свой вклад в реконструкцию целей и смыслов первоначальной колонизации Сибири вносит и народная традиция, где стабильно транслируемым смыслом на протяжении нескольких веков является стремление Ермака и его товарищей к созданию в Сибири «народной вольницы» [7, с. 5].

Таким образом, налицо наличие явной исследовательской лакуны, связанной с мотивами и целями первых колонизаторов Сибири. Этот казус в сибирской историографии, связанный как с ограниченным и противоречивым кругом источников, так и с отсутствием явных установок в официальных правительственных коммуникациях, исследователи пытались решить начиная с XVIII в. К таким попыткам следует отнести «Историю Сибирскую» С. У. Ремезова, первые «Сибирские» летописи, наконец, первые академические сочинения, посвящённые исключительно походу Ермака, появившиеся в конце XVIII в. [4, с. 6].

Символическим началом академической дискуссии о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири можно считать заседания исторического собрания Академии наук 3 и 6 июня 1748 года, на которых рассматривались различные версии интерпретации похода Ермака в Сибирь: «Господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху того раде, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть применены, лучше их выкинуть» [8, с. 44].

Для «отца-основателя» сибирской историографии Г. Ф. Миллера при этом не вызывает сомнения, что «Ермак с самого начала не верил в успех [похода]» [2, с. 215], в этом смысле поход, по его мнению, следует оценивать как военную авантюру. Схожей версии придерживался и другой классик – С. В. Бахрушин, назвавший поход Ермака «взятием с боем ясака», что «имело неожиданный успех» и «не имело цели завоевание Сибирского ханства» [9, с. 144]. В целом же советские историки в основном воздерживались от реконструкции мотивов и целей первых колонизаторов Сибири, ограничиваясь идеологическими построениями о «мирном и крестьянском присоединении края». Во многом эта традиция продолжается и в современной историографии, которая тради-

ционно обходит стороной вопросы анализа целеполагания первых лидеров сибирской колонизации – прежде всего, в силу недостаточного количества эмпирического материала.

Напротив, покорение русскими Дальнего Востока, отстоящее от похода Ермака на несколько столетий, детально зафиксировано в документах личного происхождения, позволяющих составить портрет первых колонизаторов восточной окраины континента. В. В. Атласов, Г. И. Шелихов, Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьев-Амурский – все они, а также другие менее известные персонажи русской колонизации Дальнего Востока оставили оригинальные тексты о своей деятельности. Реконструкция мотивов первых колонизаторов Дальнего Востока, как правило, находится вне интересов историков. Современных исследователей интересует, скорее, более поздний этап, связанный с крестьянским заселением края в конце XIX – начале XX в. [10; 11].

Вместе с тем, если предположить, что в схожих территориально-географических и природно-климатических условиях на больших пространствах с низкой плотностью населения стратегии и тактики колонизации должны быть идентичными, дальневосточные материалы могут служить базой для реконструкции мотивов первопроходцев Сибири. Такой подход отличается новизной и, как представляется, может позволить привнести новые аргументы в дискуссию о целеполагании и личных взглядах первых колонизаторов Сибири.

Методология и методы исследования. Основным методологическим подходом в данном исследовании является сочетание принципов историзма и принципа взаимной детерминированности образа мира и образа жизни человека. Первый принцип предполагает изучение явлений и событий в их исторической ретроспективе и в контексте связей с конкретными условиями среды – как природно-географическими, так и социокультурными. Второй принцип сформулирован в отечественной психологии несколько десятилетий назад и сводится к тезису «деятельность конституирует» структуру психического [12].

Согласно подходу, сформулированному А. Н. Леонтьевым, у человека существует иерархизированная система актуально реализуемых, соответствующих мотивам

деятельностей. Схожим является термин «индивидуальный образ жизни», введённый В. П. Серкиным и определённый им как «система деятельностей, которые человек актуально реализует как субъект [...] и которые], детерминируется и образом мира, и планом реальных взаимодействий» [13, с. 97]. Другими словами, те, кто живёт и действует в одинаковых условиях, в значительной степени должен иметь схожую систему мировоззрения. Сложно не согласиться с тем, что социально-географические, природно-климатические, демографические и иные характеристики Сибири и Дальнего Востока (такими, которыми их увидели первые колонизаторы) являются принципиально схожими. Это даёт основание полагать, что возможна двусторонняя реконструкция: как одинаковые мировоззренческие установки означают одинаковую структуру деятельностей, так и схожая структура деятельностей порождает идентичные установки. Таким образом, материалы личного происхождения первопроходцев Дальнего Востока возможно использовать для реконструкции целей и мотивов первых колонизаторов Сибири.

В дополнение к этим методологическим предпосылкам в исследовании применяются методы коммуникативистики, рассматривающей взаимосвязи социальных коммуникаций и условий жизнедеятельности человека и общественных институтов. При этом в исследовании коммуникаций не ставится задача проанализировать их связь с некоторой «реальностью», а предпринимается попытка структурировать коммуникации как самоценный объект исследовательского интереса в рамках концепции Ю. М. Лотмана о широко понимаемом тексте как пересечении точек создателя, аудитории и определённых структурных признаков – «сигналов текста» [14, с. 178–179]. Другими словами, автору известно, что освоение Сибири или Дальнего Востока являлось сложноустроенным процессом, в котором участвовали несколько ведомств с различными интересами и концепциями, однако в задачи данного исследования не входит сопоставление коммуникативных практик главных героев первоначальной колонизации востока страны и всего социально-политического процесса, который сопровождал это движение. Указанные коммуникативные практики, выраженные, прежде всего, в материалах личного происхождения, являются для це-

лей данной работы самоценным объектом исследовательского интереса и используются для реконструкции внутренних мотивов и целей самих колонизаторов.

Понятия «колонизация», «освоение», «присоединение» и другие аналогичные используются в статье как синонимы. Автор употребляет понятие «колония» в традиционном смысле как “a country or area controlled by a more powerful country”¹. Сибирь и Дальний Восток являются в рассматриваемом периоде несомненными колониями России как территории, попавшие, в конечном счёте, под власть более сильной державы [15–17]. При этом автор разделяет мнение Я. Кусбера, что в отличие от европейских держав присоединение Сибири и Дальнего Востока критическим образом влияет на самовосприятие российских монархов, конструируя Московское царство в сторону имперской России² [18]. Другими словами, некорректным является прямой перенос концепции «колонизации» в западном понимании на почву Сибири и Дальнего Востока. Эта дискуссия находится далеко за пределами исследовательских границ данной статьи, поэтому здесь ограничимся только упоминанием о тождестве упомянутых в работе понятий.

В исследовании используются материалы личного происхождения, официальные документы, а также данные из иных исторических и краеведческих источников. Для проведения реконструкции применяются методы исторической компаративистики, анализа, типологизации с учётом хронологически-проблемной иерархии.

Результаты исследования и их суждение. У покорения Сибири и освоения Дальнего Востока много общих структурных характеристик – и речь здесь не про расхожую идею о «единожды развёрнутой колонизации, начавшейся с Урала и закончившейся на берегах Тихого океана». Во-первых, в обоих случаях отсутствуют стройные официальные (или хотя бы системно проработанные историографические) версии легитимизации этих масштабных эпизодов отечественной истории. По выражению дальневосточного исследователя Б. А. Дьяченко,

¹ Cambridge Essential Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 25.05.2021). – Текст: электронный.

² Kusber J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. – 2008. – No. 4. – Pp. 52–74.

«всё какая-то стеснительность бытует, всё чего-то боимся и потому не только о губернаторах или там о воеводах каких – о казаках-первопроходцах говорим с неохотою, почти сквозь зубы» [19, с. 18]. Во-вторых, значительная часть локальной официальной документации утрачена: как материалы Сибирского приказа, так и многие архивы Российско-американской компании, архивы Г. И. Шелихова и М. М. Булдакова [20].

В силу этих двух обстоятельств главную роль в сотворении образов ключевых героев в Сибири и на Дальнем Востоке играет локальная историческая память, транслирующая стабильные (от столетия к столетию) идентичные образы идеальных «народных» героев, противостоящих государству. Вот, например, характерные цитаты из современных дальневосточных СМИ о губернаторе Н. Н. Муравьёве-Амурском: «Муравьёву... был введом самый тяжкий из трудов для государственного деятеля – честного приобретения»; «дважды, предвидя бесплатность сыра в мышеловке и вред Отечеству, отбросил ползучие американские предложения [о создании Амурской компанейской железной дороги]». Вот краеведческие данные с Урала конца XIX – XX в.: «О Ермаке я знаю только то, что бабушка рассказывала: по Чусовой плыли лодки, а в них сидели в красных рубахах гребцы...» [21, с. 36] (из воспоминаний Капитолины Михайловны Керкиной, 1896 г. р.); «расспросишь и окажется, что легендарный герой [Ермак] наш должен был жить по крайней мере триста лет – столько у него подвигов» (из воспоминаний В. И. Немировича-Данченко, побывавшего на Урале в 1875 г.) [22, с. 118].

Параллели героизации выглядят вполне очевидными. Однако в силу этого в локальной исторической памяти, как и в оригинальных документах личного происхождения рассматриваемого периода, слишком много тенденциозного «шума» и героических образов, имеющих мало общего с реальными противоречивыми историческими персонажами. Весь спектр этого «шума» состоит из нескольких больших блоков.

Первый – это выстраивание сонма героев, реализующих на востоке страны некую «имперскую волю». Когда Н. Н. Муравьёв-Амурский совершил первый сплав по Амуру, хяктинский купец Ксенофонт Кандинский 27 апреля 1854 г. поднёс ему стихи следующего содержания: «Отъезд твой скорый

предвещает / Сибири новую зарю / Он свежи лавры обещает / Руси и Белому царю» [23, с. 239]. «Появление Муравьёва в Сибири, по рассказам современников, было как бы громом, который прогремел после нависшей мрачной тучи над Сибирью, – рассеял эту тучу и очистил воздух. Муравьёв, по своей честной натуре, круто положил конец всем хищениям и всякого рода многочисленным злоупотреблениям» [24], – пишет автор конца XIX в. Отсылка к стремительно героизирующемуся в XIX в. образу Ермака и вовсе занимает общее место в отношении разных героев покорения Дальнего Востока: по некоторым данным, Н. Н. Муравьёв-Амурский сам видел себя продолжателем дела Ермака, Атласова же (как принято считать, с подачи А. С. Пушкина) почти всегда называют «камчатским Ермаком»¹.

Второй блок – романтизация самой идеи первооткрывателей новых земель, а также образов каждого конкретного первопроходца. Особенно актуальными эти идеи стали во второй половине XX в., явно находя пересечения с современными авторам таких текстов процессами. В феврале 1961 г. в «Комсомольской правде» вышла статья о лекции члена крайкома КПСС И. Ф. Ковалева, прочитанной в клубе поселка Атласово Камчатской области, в которой идея параллелей между советским и казачьим освоением края проявляется более чем отчётливо: «И вот теперь, – подчеркнул лектор, – в эти места пришли лесозаготовители, пришли не с топором, с а тракторами, бульдозерами, бензопилами. И мужества, и отваги у них не меньше, чем у первых русских землепроходцев»².

Наконец, третий блок – противоположный по смыслу набор штампов, общая идея которого состоит в том, что в целях «наживы» значительные массы авантюристов двинулись «за Урал» и «стихийно» дошли таким образом до Тихого океана. Общая схема такого подхода известна ещё с конца XIX в.: вначале некоторое количество людей узнаёт об «изобилии» на востоке (например, пушном изобилии [25, с. 1]); затем первые насельники «смело и безостановочно врубаются в дикие леса» [26, с. 16; далее

¹ Жилкин М. Я. Камчатский Ермак. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. – 247 с. – С. 4.

² Васильев В. На берегу таежной реки // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – Т. 5, ч. 2. – С. 137.

официальные правительственные лица, до этого момента не участвующие в освоении той или иной территории, «после удачного завершения похода» являются и «объявляет о присоединении новой земли к владениям государя» [27, с. 3].

Представляется, что эти три блока (сознательная героизация, романтизация и акцент на стихийности первоначальной колонизации) хотя и являются доминирующими в локальных источниках, однако не имеют значительной ценности для реконструкции мировоззрения первых колонизаторов Сибири и Дальнего Востока. Критика такого рода «шума» встречается как у историков, так и у краеведов региона. Так, Н. А. Троицкая по итогам изучения документов РГИА Дальнего Востока отмечает: «Беглый взгляд на региональную историографию легко выявляет кумиров, уже покрытых бронзой и постепенно перестающих быть живыми людьми... Практически мы имеем дело с историографическим фактом, впитавшим не столько данные источников, сколько исследовательскую интерпретацию» [28]. Историк Б. Полевой, вспоминая, как в 1970-е гг. ему предложили написать книгу о русских землепроходцах XVII в. на Дальнем Востоке, резюмирует: «Понял, что в создавшейся тогда обстановке регионального культа Хабарова мне не дадут сказать полную правду»¹. Проблема существования «региональных культов» является российской особенностью – напротив, в Западной Европе и Северной Америке осуждение подобного рода проявлений героизации колонизаторов², как и уничижительного отношения к аборигенам, началось ещё в середине XIX в. [29].

Предположить, что герои первоначального покорения Сибири и Дальнего Востока действительно линейно мыслили только лишь простыми категориями наживы, романтизма приключений и исполнения «имперской воли», невозможно ещё и потому, что в отличие от тех же Ермака и Строгановых, колонизаторы Дальнего Востока оставили после себя тексты личного происхождения. Например, «Скаска» Владимира Атласова о его походе на Камчатку в 1697–1699 гг., совершенно не оставляют сомнений в сложноустроенной мотивации и необходимости «человеческого измерения» первопреход-

цев востока. «Скаска» Атласова, если не знать, что их написал сборщик ясака, можно принять за отчёт академической экспедиции натуралистов, поскольку текст изобилует детальным описанием природы края и её представителей: «А в Курильской земле зимою у моря птиц уток и чаек много... а в Камчатской и Курильской земле ягоды брусника, черемуха, жимолость величиною меньше изюму... а деревья растут – кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть»³ (записано 10 февраля 1701 г.).

Трудно себе представить, скажем, Ермака (по крайней мере, судя по сформированному летописцами и историками образу), который записывает такие наблюдения – об утках, жимолости и орехах. Однако условия существования отрядов Ермака и Атласова, как и принципиальные цели их походов, были схожи – известный нам образ Ермака следует считать излишне упрощённым.

Следует отказаться от идеи линейного восприятия действительности колонизаторами Сибири и Дальнего Востока, сводя её к схеме «стимул – действие» (например, «пушное изобилие» – движение на восток). На дальневосточных материалах мы видим, что, прежде всего, свои действия на новых территориях они пытаются легитимизировать в глазах правительства посредством устойчивой схемы аргументации, в основе которой лежит утверждение о внешней или внутренней угрозе, а также классическое противопоставление «агрессивные они – миролюбивые мы».

Доминирующей концепцией, которую дальневосточные деятели считают достаточной для легитимизации своих действий, является фактор внешней угрозы как стимула к решительным действиям для ее нейтрализации. В записке «Причины необходимости занятия устья р. Амура и той части острова Сахалин, которая ему противолечит...» 1849 г. Н. Н. Муравьев прямо говорит о выгоде для него стратегии преувеличения угрозы со стороны Англии [23]. Та же мысль повторяется в его письме Е. Ковалевскому, датированном октябрём 1858 г.: «Предлог (выделено мною – С. Ч.) у нас с китайцами будет всё тот же, чтоб

¹ Полевой Б. Не солги! (Заметки историка) // Дальний Восток. – 2015. – № 1. – С. 209.

² Cooper J. F. The Deerslayer, or The First Warpath. – Chicago, 1841. – 805 p.

³ Атласов В. «Скаска» о походе на Камчатку в 1697–1699 гг. Записаны со слов Атласова в 1700 и начале 1701 гг. в Якутске, Москве и в Сибирском приказе // Камчатский Ермак. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. – 247 с. – С. 59.

англо-французы не захватили какой-нибудь бухты между Кореею и нашими владениями, и потому лучше, чтоб весь берег до Кореи был наш»¹ (речь идёт об определении границы между Россией и Китаем по Уссури). Схожие опасения в августе 1853 года высказывает градоначальник Кяхты Ребиндер в разговоре с пограничным амбаном (губернатором) Бейсе – только уже в отношении угрозы со стороны Америки [30, с. 11]. Чиновник российского МИДа Я. О. Ламберт в 1817 году писал, что если правительство не начнёт осваивать Камчатку, то она станет предметом влияния «какой-нибудь предприимчивой державы»². Список можно продолжать, однако уже вполне понятно, что риторика о внешней угрозе является доминирующей в локальных коммуникациях рассматриваемого периода.

Оговоримся коротко, что, как показали события 1855 г., эта риторика не имела ничего общего с действительностью. Осада Петропавловска стала единственным эпизодом, который хоть как-то может подтвердить значимость фактора внешней угрозы, поскольку английские военные корабли, хотя и показывались в Татарском проливе, так и не заходили в устье Амура, и уж тем более не развёртывали сухопутных операций [31, с. 30]. Однако вне зависимости от реальности внешней угрозы (анализ такого рода находится вне исследовательских границ данной работы), необходимо констатировать, что этот фактор является значимым для системы коммуникаций первых колонизаторов Дальнего Востока и активно используется ими для легитимизации собственных действий.

Наряду с внешней упоминается и «внутренняя угроза» – потенциальная возможность сепаратного движения в восточных регионах. Уже упомянутый кяхтинский градоначальник Н. Р. Ребиндер в записке о торговле с Китаем, составленной для великого князя Константина Николаевича, отмечает, что Сибирь «со временем отделится от России, почему и не следует давать ей средства к развитию промышленных её сил»³. Потенциальный сибирский и дальнево-

сточный сепаратизм служит аргументом не только в пользу сдерживания развития этих регионов, но и напротив – более активной государственной экспансии на восток для противодействия внешней угрозе. П. И. Небольсин пишет в 1848 г. отмечал: «Надобно убить этого врага, с корнем вырвать мысль, укоренившуюся в сибиряках, что Сибирь совсем не Россия, что Россия сама по себе, а Сибирь сама по себе»⁴.

Предварительно зафиксируем: легитимизация своих действий на востоке через нагнетание опасности внешней или внутренней угрозы является общим местом для значительного количества деятелей Дальнего Востока XIX в. Предположим, что аналогичные аргументы могли использовать и первые колонизаторы Сибири, обосновывая необходимость выделения для себя дополнительных ресурсов и в целом – для легитимизации похода на восток.

Можем ли мы на основе имеющихся материалов по освоению Дальнего Востока реконструировать мотивы его первых колонизаторов? На этот вопрос следует ответить положительно. Возьмём для примера три фигуры с совершенно разными статусами и судьбой – Е. П. Хабаров, Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьёва-Амурского. Ерофей Хабаров, ставший к началу 1640-х гг. одним из крупнейших хлеботорговцев в Якутском уезде, подвергся фактической национализации своего предприятия и продукции, в 1643 г. попал в тюрьму за отказ снабжать якутскую казну деньгами. Но даже он, пережив такого рода события, в мае 1650 г. по итогам похода на Амур (закончившегося взятием пяти даурских крепостей) сделал доклад местному воеводе, а тот передал царю следующее: «Тебе государю будет прибыль большая, и в Якуцкой, государь, острог хлеба прислать будет не надобно, потому что... против всей Сибири место в том украшено и изобильно» [32, с. 21]. Е. П. Хабаров проявил себя как активный предприниматель в поисках новых рынков, однако противоречивую с точки зрения подготовленности затею с походом на Амур в 1650 г. он оправдывал государственной нуждой.

Аналогично поступает и Н. Н. Муравьёв-Амурский. Характерный эпизод, дошедший до нас, – разговор губернатора Восточной Сибири и императора, состоявшийся 22 апреля 1853 г.: «[Император] показывает

¹ Егорычев И. Царский подарок от графа // Владивосток. – 2009. – № 2582. – С. 10.

² Котляр Н. В. Политическая география России. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. – С. 180.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 224. – Оп. 1. – Д. 236. – Л. 161–162.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 18089. – Л. 1.

на карту Амура и устье и говорит: – Всё это хорошо, но Я ведь должен посылать защищать это из Кронштадта // – Можно и ближе, ваше величество, – говорит Муравьев, указывая на течение Амура. // – Ты право когда-нибудь сойдёшь с ума от Амура. // – Сами обстоятельства, государь, указывают этот путь, – был ответ Муравьева. // – Ну пускай же обстоятельства к этому приведут, а пока подождём» [25, с. 27].

Поход на Амур в середине XIX в., как и двумя столетиями ранее, по существу оставался мало подготовленным мероприятием, поскольку русским не было доподлинно известно реальное соотношение сил в этом регионе. Этот диалог губернатора и императора фактически демонстрирует нам не взаимодействие двух государственных деятелей, а стремящегося к активным действиям первопроходца и скептика, остужающего его пыл. Н. Н. Муравьев в этом и подобных текстах мало похож на бюрократа-губернатора, скорее, он лаконично смотрится в общем ряду первых колонизаторов востока страны по образу мысли и предпринимаемым мероприятиям. Таков, например, эпизод его прибытия на Камчатку и неоднозначная идея перенести сюда базу флота: «У него тут же на месте созревает грандиозный план обороны Петропавловска и укрепления его тремястами орудиями большого калибра, он лично, с обычною своею живостью, указывает начальнику Камчатки, где и как он должен поставить батареи, причём, ясно рисуя себе предстоящий образ действий противника» [Там же, с. 48].

Г. И. Невельской для Н. Н. Муравьева – своего рода критик. Адмирал трезво оценивает поступки и идеи, подобные камчатской: «Когда же я узнал о переносе порта в Петропавловск, не мог не выразить ему [Муравьеву] моё сожаление» [33, с. 72], – прежде всего (что вполне справедливо) в силу изолированности Камчатки от остальной России, что вызывало проблемы с продовольствием и прочими поставками.

Однако в ответственный момент и сам Г. И. Невельской поступает так же, как и его визави. В сентябре 1852 г. он по официальному заданию отправляется в амурский лиман и докладывает, что китайских поселений и войска там нет. В ответ на это сообщение Н. Н. Муравьев приказывает «не распространять исследований далее земли гиляков, обитающих по амурскому лиману

и в окрестностях Николаевска» [Там же, с. 153]. Однако адмирал не подчиняется. В частном письме губернатору он пишет: «Долгом моим считаю предворить Вас, что, сознавая тяжкую лежащую на мне нравственную ответственность за всякое с моей стороны упущение к отстранению могущей потери для России этого края, я во всяком случае решил действовать сообразно тем сведениям, которые ожидаю получить ...» [Там же]. Поступать сообразно собственным представлениям о необходимости в ущерб приказу – это, конечно, нетипичный поступок для военного, но вполне типичный для первопроходца.

В этих трёх совершенно разных историях мы наблюдаем один и тот же сценарий. У некоторого человека, явного «пассионария», есть идея, которую он стремится воплотить с использованием всех возможных имеющихся и потенциальных ресурсов. Для того чтобы оправдать (для себя и/или объектов внешних коммуникаций), используется идея «государственного блага» как наиболее безопасная и «проходная». В Даурии, на Камчатке или в устье Амура – везде находятся аргументы в пользу того, что именно такой ход действий, выгодный главному персонажу, является благом для государства. Оправдание действий (имеющих, как правило, известные внутренние мотивы) идеей государственной выгоды следует считать ещё одним имманентным свойством первопроходцев Сибири и Дальнего Востока.

Остановимся на ещё одном важном эпизоде, который часто дискутируется в исследованиях о колонизации Сибири и Дальнего Востока, – отношениях с местным населением Западной Сибири. Сведения о характере этих взаимоотношений являются полуполюгендарными и в общем тенденциозными, отражающими установки того или иного автора. Оригинальные тексты первопроходцев Восточной Сибири и Дальнего Востока также не делают акцент на этой проблеме, однако по отдельным упоминаниям целого ряда проблем и событий вполне можно реконструировать общую картину.

Во-первых, необходимо признать, что освоение земель, населённых аборигенами, не было «лёгкой прогулкой» с благодарностями от «освобождённых» народов. Значительное количество эпизодов агрессивного противостояния русским колонизаторам можно встретить в оригинальных описаниях

странствований Г. И. Шелихова. Так, например, он описывает происшествие на одной из стоянок своей экспедиции на острове Каяк в конце 1780-х гг.: «В самую полночь... сии дикине в превеликой толпе сошед с камня, на нас напали с такой жестокостью, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения» [34, с. 40].

Во-вторых, мы не встретим в воспоминаниях первопроходцев упоминания аборигенов в превосходном, либо хотя бы нейтральном ключе, тогда как упоминаний с негативной и даже уничижительной коннотацией – десятки. Так, тот же Г. И. Шелихов приписывает аборигенам (в данном случае алеутам) чревоугодие («ежели они имеют у себя что в запасе, то едят, не разбирая времени»), отсутствие минимальных санитарных ограничений («они нимало не брезгливы и глотают не только насекомых, кои беспрестанно по ним ползают, но и мокроту, из носу вытекающую») и даже гомосексуализм («киные удовлетворяют также похоти свои и противным природе образом по примеру камчадалов») [Там же, с. 83–85].

Наконец, первые колонизаторы прекрасно осознают условность присоединения аборигенов в русское подданство. Если в официальных донесениях они еще отчитываются об успехах по приведению аборигенов к присяге на верность русскому царю, то в материалах личного происхождения эти эпизоды почти всегда имеют некоторые оговорки. Так, например, описывает «присоединение» Сахалина в конце 1853 г. соратник Г. И. Невельского Н. В. Буссе: «Матросы выстроились в две шеренги; я, подняв флаг, встал перед ними. Скомандовав: “шапки долой” Невельской приказал спеть молитвы. Команда запела молитву “Отче наш”, потом спели “Боже царя храни”, раздалось русское ура, откликнувшееся на корабле, и Сахалин сделался русским владением. *Собравшиеся японцы и айны с удивлением смотрели на нас*» (выделено мною – С. Ч.) [35, с. 46]. Б. В. Струве, сопровождавший Н. Н. Муравьёва в экспедиции на Камчатку в 1849 г., описывает другой характерный эпизод: «Муравьёв хотел непременно видеть самое большое русское село Якутской области, Амгинскую слободу и для этого решился сделать порядочный круг... Каково же было наше удивление, когда мы убедились, что редкий из русских крестьян этой слободы умеет говорить по-русски» [36, с. 36].

Таким образом, мы явно наблюдаем неоднозначный характер взаимоотношений первых колонизаторов с местным населением. С приведёнными эпизодами весьма мало соотносится расхожая идея о «мирной крестьянской колонизации», имеющей цивилизаторское значение для покоряемых территорий. В своих воспоминаниях первопроходцы предстают типичными представителями метрополии на присоединяемых территориях с соответствующими взаимоотношениями с местным населением. При этом в искренности этих эпизодов сомневаться не приходится, достаточно лишь упомянуть, что сами авторы явно должны были быть заинтересованы в обратном и конструировать образы мирного сосуществования с аборигенами.

Проведённая реконструкция мотивов и целей первых колонизаторов Сибири на материалах дальневосточных первопроходцев основывается на существенном методологическом допущении о возможности суждения по аналогии на основании схожести деятельности и внешних условий их осуществления и следующей из этого возможности аналогичных «картин мира». Данный подход в настоящее время является общеупотребительным в психологии, однако он мало используется в исторических исследованиях. В силу отсутствия значительного количества примеров невозможно доказательно утверждать правильность такого подхода к историческим нарративам. Однако и в этом случае полученные в результате реконструкции выводы о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири могут быть использованы в исторических дискуссиях.

На первый взгляд, ключевые идеи, сформулированные в ходе реконструирования, несколько противоречат устоявшимся образам отдельных героев и эпизодов первоначальной колонизации Сибири. Однако представляется, что речь идёт, прежде всего, об искусственно упрощённых характеристиках тех или иных субъектов колонизации и их действий; приводимые по аналогии суждения, таким образом, существенно дополняют и усложняют наши представления об известных событиях.

Заключение. Представленный в исследовании инструмент исторической реконструкции позволяет не противопоставлять покорение Сибири и Дальнего Востока (традиционный путь), а использовать имеющи-

еся материалы как взаимодополняющие. На основе имеющихся «дальневосточных» материалов личного происхождения в исследовании выдвинут ряд гипотез о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири, представлены гипотезы о «человеческом измерении» их поступков, проанализированы идеи о «государственном благе» как инструменте оправдания авантюристических идей, представлены инструменты легитимизации походов на новые земли, описаны возможные сценарии взаимодействия с местным населением. По результатам исследования делается вывод о необходимости отказа от упрощённых представлений о мотивах и целях первых колонизаторов Сибири и Дальнего Востока, связанных (в зависимости от убеждений оценивающего) с исполнением «имперской воли», романтизацией путешествий или «жаждой наживы». На основе материалов личного происхождения в исследовании предпринимается попытка реконструк-

ции сложно устроенной системы внутренней мотивации первых колонизаторов востока страны, в основе которой лежало стремление оправдать стимулируемые собственными мотивами действия идей противостояния внешней или внутренней угрозе, а также концепцией «государственного блага». При этом, как показано в работе, многие из предпринимаемых мероприятий основой имели решения, принимаемые эмоционально или ситуативно, исходя из текущей субъективной оценки складывающейся ситуации. Отдельно рассматриваются оценки колонизаторами взаимоотношений аборигенов и центральной власти, делается вывод о вполне осознаваемой первопроходцами условности перехода местных жителей в русское подданство.

Представленные гипотезы могут существенным образом дополнить представления о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири и стать основой для дальнейших исторических дискуссий.

Список литературы

1. Адамов А. А. История археологических исследований в Тобольском музее // Ежегодник тобольского музея-заповедника. Тобольск, 2003. С. 138–156.
2. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
3. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904. 532 с.
4. Кузнецов Е. В. Библиография Ермака. Тобольск, 1891. 34 с.
5. Сборник Императорского Русского Исторического Общества: в 148 т. Т. 129. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. 1. 1556–1586 гг. СПб., 1910. 585 с.
6. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 387 с.
7. Тумилевич Т. И. Донские исторические предания о Ермаке: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 1980. 26 с.
8. Введенский А. А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. № 2. С. 5–45.
9. Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал // Научные труды: в 4 т. Т. 3. 1952–1959. М.: Наука, С. 137–162.
10. Галлямова Л. И. Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности региона // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2013. № 4. С. 9–17.
11. Баранникова Н. В. Заселение и освоение Дальнего Востока в современной дальневосточной историографии // Четвёртые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: историческое наследие и современность». Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2012. С. 86–89.
12. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
13. Серкин В. П. Деятельностная теория сознания (сознание как атрибут системы деятельности субъекта) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 93–111.
14. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Процесс: Гнозис, 1992. 270 с.
15. Lantzeff G. V. Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943. 235 p.
16. Kolarz W. Russia and Her Colonies. L., 1953. 334 p.
17. Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. Vol. 26, no. 4. Pp. 147–152.
18. Kusber J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. 2008. Vol. 4. Pp. 52–74.

19. Дьяченко Б. А. Три истории из жизни далёкой окраины. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 278 с.
20. Красникова О. А. Ещё раз о находке архивных документов российско-американской компании в г. Вологде // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. Владивосток: Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 2. С. 101–111.
21. Никулина Н. В. Память о Ермаке // Быль Чусовских городков: краевед. сб. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 35–41.
22. Власова Е. Г. Ермак как произведение уральского ландшафта (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о Ермаке) // География и туризм. 2018. № 1. С. 113–117.
23. Ремнев А. В. Дальневосточный реванш Муравьёва-Амурского // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. Владивосток: Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 2. С. 239–240.
24. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. М.: Синодальная типография, 1891. 672 с.
25. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка: Типография штаба приамурского военного округа, 1891. 155 с.
26. Смирнов Е. Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в Хабаровске. СПб.: Альфарет, 2011. 676 с.
27. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Дома Романовых. Речь, произнесённая профессором Восточного института Н. В. Кюннером 22 февраля 1913 года по случаю трехсотлетия Дома Романовых. Владивосток: РГИА ДВ, 2015. 66 с.
28. Троицкая Н. А. Изучение истории открытия и исследования дальневосточных земель по документам РГИА ДВ: итоги и перспективы // Во славу Отечества: жизнь и деятельность первопроходцев и исследователей земли дальневосточной: материалы регион. краевед. конф. (г. Советская Гавань, 18–20 сент. 2014 г.). Советская Гавань, 2015. С. 33–37.
29. Washington Irving. Chronicle of the conquest of Granada. Philadelphia: David McKay Publ, 1829. 528 p.
30. Щебенков В. Г. К вопросу о присоединении к России Приамурского края // Материалы по истории Владивостока. Кн. 1. 1860–1917. Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 5–17.
31. Станков П. Почему и как Камчатская морская вооружённая база была перенесена на Амур // Известия Приморского губернского архивного бюро. Владивосток, 1923. Т. 1, вып. 2. С. 22–31.
32. Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан: Кн. изд-во, 1970. 368 с.
33. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855 гг. Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2013. 560 с.
34. Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971. 176 с.
35. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853–1854 гг. Дневник 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. СПб., 1872 (отрывок) // Пути великих свершений. Значение Якутии в освоении Дальнего Востока. Владивосток: Русский остров. 2012. Т. 2. С. 44–66.
36. Струве Б. В. Воспоминания о Сибири (отрывки) // Пути великих свершений. Значение Якутии в освоении Дальнего Востока. Владивосток: Русский остров. 2012. Т. 2. С. 36–37.

Статья поступила в редакцию 12.07.2021; принята к публикации 28.08.2021

Сведения об авторе

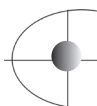
Чернышов Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; 634028, Россия, г. Томск, ул. Ленина, 36; e-mail: 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

Библиографическое описание статьи

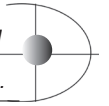
Чернышов С. А. Реконструкция мотивов и целей первых колонизаторов Сибири по материалам освоения русскими Дальнего Востока // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 109–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-109-121.

References

1. Adamov A. A. History of archaeological research in the Tobolsk Museum. Yearbook of the Tobolsk Museum-Reserve. Tobolsk, 2003: 138–156. (In Rus.)
2. Miller, G. F. History of Siberia: in 2 volumes. Vol. 1. M., L: Izd-vo AN SSSR, 1937. (In Rus.)

3. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. V. 13. Collection of annals, called the Patriarch or Nikon Chronicle. SPb., 1904. (In Rus.)
4. Kuznetsov, E. V. Bibliography of Ermak. Tobolsk, 1891. (In Rus.)
5. Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 vol. Vol. 129. Monuments of diplomatic relations between ancient Russia and foreign powers: Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Swedish state: Ch. 1: 1556–1586. SPb, 1910. (In Rus.)
6. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. V. 36. Siberian chronicles. Part 1. Group of the Esipov Chronicle. Moscow: Nauka, 1987. (In Rus.)
7. Tumilevich, T. I. Don historical legends about Ermak: abstract. dis. cand. Rostov-on-Don, 1980. (In Rus.)
8. Vvedensky, A. A. The Stroganovs, Ermak and the conquest of Siberia. Historical collection of Kiev State University no. 2. Kiev, 1949: 5–45. (In Rus.)
9. Bakhrushin, S. V. Russian advancement beyond the Urals. S. V. Bakhrushin. Scientific works: in 4 volumes. Moscow: Nauka Publ., 1952–1959: 137–162. (In Rus.)
10. Gallyamova, L. I. The Far East in the All-Russian Space: Historical Experience of Development and Features of the Region. Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, no. 4, pp. 9–17, 2013. (In Rus.)
11. Barannikova, N. V. Settlement and development of the Far East in modern Far Eastern historiography. Fourth archival scientific readings named after V. I. Chernysheva: Proceedings of the All-Russian Conference “The Far East of Russia: Historical Heritage and Modernity”. Khabarovsk: Khabarovskaya krayevaya tipografiya, 2012: 86–89. (In Rus.)
12. Leont'yev, A. N. Selected psychological works: in 2 volumes. Vol. 1. M: Pedagogika, 1983. (In Rus.)
13. Serkin, V. P. Activity theory of consciousness (consciousness as an attribute of the subject's system of activities). Psychology. Journal of the Higher School of Economics, no. 2, pp. 93–111, 2015. (In Rus.)
14. Lotman, Yu. M. Culture and explosion. M: Process: Gnosis, 1992. (In Rus.)
15. Lantzeff, G. V. Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943. (In Engl.)
16. Kolarz, W. Russia and Her Colonies. L., 1953. (In Engl.)
17. Treadgold, D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier. Agricultural History, no. 4, pp. 147–152, 1952. (In Engl.)
18. Kusber, J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research. Ab Imperio, no. 4, pp. 52–74, 2008. (In Engl.)
19. D'yachenko, B. A. Three stories from the life of a distant suburb. Vladivostok: Dal'nevostochnoye knizhnoye izdatel'stvo, 1989. (In Rus.)
20. Krasnikova, O. A. Once again about the discovery of archival documents of the Russian-American company in Vologda. Russian pioneers in the Far East in the 17th–19th centuries: historical and archaeological research. Vladivostok: Dal'nauka, 2007: 101–111. (In Rus.)
21. Nikulina, N. V. Memory of Ermak. Story of the Chusovsky towns: collection of local lore. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000: 35–41. (In Rus.)
22. Vlasova, E. G. Ermak as a work of the Ural landscape (based on the Sylva plot of the Ural mythology about Ermak). Geography and tourism, no. 1, pp. 113–117, 2018. (In Rus.)
23. Remnev, A. V. Far Eastern revenge of Muravyov - Amursky. Russian pioneers in the Far East in the 17th–19th centuries: historical and archaeological research. Vladivostok: Dal'nauka, 2007: 239–240. (In Rus.)
24. Barsukov, I. Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky. M: Sinoidal'naya tipografiya, 1891. (In Rus.)
25. A brief outline of the occupation of the Amur region and the development of the combat forces of the Amur military district. Khabarovka: Tipografiya shtaba priamurskogo voyennogo okruga, 1891. (In Rus.)
26. Smirnov, Ye. T. Priamursky Krai at the Amur-Primorsky Exhibition in 1899 in Khabarovsk. Spb: Al'faret, 2011. (In Rus.)
27. Relations between Russia and the Far East during the reign of the House of Romanov. Speech delivered by Professor of the Oriental Institute N. V. Kühner on February 22, 1913 on the occasion of the three hundredth anniversary of the House of Romanov. Vladivostok: RGIA DV, 2015. (In Rus.)
28. Troitskaya, N. A. Studying the history of the discovery and research of the Far Eastern lands according to the documents of the Russian State Historical Archive of the Far East: results and prospects. For the glory of the Fatherland: life and work of pioneers and researchers of the Far Eastern land: proceedings of the conference. Sovetskaya Gavan, 2015: 33–37. (In Rus.)
29. Washington, Irving. Chronicle of the conquest of Granada. Philadelphia: David McKay Publ., 1829. (In Engl.)
30. Shcheben'kov, V. G. On the issue of the annexation of the Amur Territory to Russia. Materials on the history of Vladivostok. Book. first. 1860–1917. Vladivostok: Primorskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1960: 5–17. (In Rus.)
31. Stankov, P. Why and how the Kamchatka naval armed base was moved to the Amur. News of the Primorsky Provincial Archive Bureau. 1923. Vol. 1, no. 2. Vladivostok, 1923: 22–31. (In Rus.)
32. Alekseyev, A. I. Brave sons of Russia. Magadan: Kn. izd-vo, 1970. (In Rus.)

33. Nevel'skoy, G. I. The exploits of Russian naval officers in the Far East of Russia. 1849–1855. Vladivostok – Yuzhno-Sakhalinsk: Rubezh, 2013. (In Rus.)

34. Shelikhov, G. I. Russian merchant Grigory Shelikhov wanders their Okhotsk along the Eastern Ocean to the American shores. Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1971. (In Rus.)

35. Busse, N. V. Sakhalin Island and Expedition of 1853–1854. Diary August 25, 1853 – May 19, 1854 St. Petersburg, 1872 (excerpt). Ways of great achievements. The importance of Yakutia in the development of the Far East. Vol. 2 Vladivostok: Russkiy ostrov, 2012: 44–66. (In Rus.)

36. Struve, B. V. Memories of Siberia (excerpts). Ways of great achievements. The importance of Yakutia in the development of the Far East. Vol. 2. Vladivostok: Russkiy ostrov, 2012: 36–37. (In Rus.)

Received: July 12, 2021; accepted for publication August 28, 2021

Information about author

Chernyshov Sergey A., Candidate of History, National Research Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634028; e-mail: 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

Reference to the article

Chernyshov S. A. Reconstruction of the Motives and Goals of the First Colonizers of Siberia Based on the Materials of the Russian Colonization of the Far East // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 109–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-109-121.

НАУКА И ЖИЗНЬ

SCIENCE AND LIFE

УДК 930. 902.2294.3

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-122-128

Цымжит Пурбуевна Ванчикова,
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
(г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: vanchikova.ts@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>

Выдающиеся открытия монгольских историков и археологов: раскопки монастыря Сарьдаг

Монголия богата уникальным культурным наследием, представленным разнообразнейшими артефактами, обнаруживаемыми и продолжающими удивлять и в настоящее время. К их числу вполне заслуженно можно отнести находки, открытые комплексной группой исследователей на развалинах монастыря Сарьдаг, который был одним из наиболее ранних и крупных монгольских монастырских комплексов, фактически центром религиозной и политической жизни монголов. В статье представлен обзор работ, включённых в монографию «Монастырь Сарьдаг: центр художественного творчества Ундур-гэгэна Дзанабазара», изданную под редакцией академика Монгольской академии наук Сампилдондовын Чулууна. Данная работа является итогом шестилетних археологических раскопок, проведённых большим научным коллективом в 2013–2018 гг. Полученные результаты позволили восстановить структуру монастырского комплекса, открыли новые, ранее неизвестные страницы деятельности Ундур-гэгэна Занабазара. Найденные артефакты свидетельствуют о существовании у монголов того периода широких внешних связей с зарубежными странами. Актуальна и представляет большой научный интерес статья по сохранению, реставрации и цифровому документированию найденных артефактов. Результаты проведённых работ дали новый богатейший источниковый материал для более углублённого исследования истории Монголии рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Монголия, монастырь Сарьдаг, археологические раскопки, артефакты

Благодарность: статья выполнена в рамках государственного задания № 121031000263-3 «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии».

Tsymzhit P. Vanchikova,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia),
e-mail: vanchikova.ts@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>

Outstanding Discoveries of Mongolian Historians and Archaeologists: Excavations of the Sar'dag Monastery

Mongolia is rich in a unique cultural heritage presented by a variety of discovered artifacts that continue to amaze now. Among them, it is quite deservedly possible to include the findings discovered by a complex group of researchers on the ruins of the Sar'dag monastery, which was one of the earliest and largest Mongolian monastic complexes, the de factor center of the religious and political life of the Mongols. The review provides an

© Ванчикова Ц. П., 2021

overview of the works included in the collective monograph “The Sar'dag monastery of Undur-gegen Zanabazar: the Centre of artistic creativity”, published under the editorship of Sampildondovyn Chuluun, the Academician of the Mongolian Academy of Sciences. This work is the result of six years of archaeological excavations conducted by a large scientific team in 2013–2018. The results obtained made it possible to restore the structure of the monastery complex, opened new, previously unknown pages of the activity of Undur-gegen Zanabazar. The artifacts found indicate the existence of wide external relations of the Mongols of that period with foreign countries. Articles on the preservation, restoration and digital documentation of found artifacts are of great scientific interest and relevance. In general, the results of the conducted works provide a new rich source material for a more in-depth study of the history of Mongolia of the period under consideration.

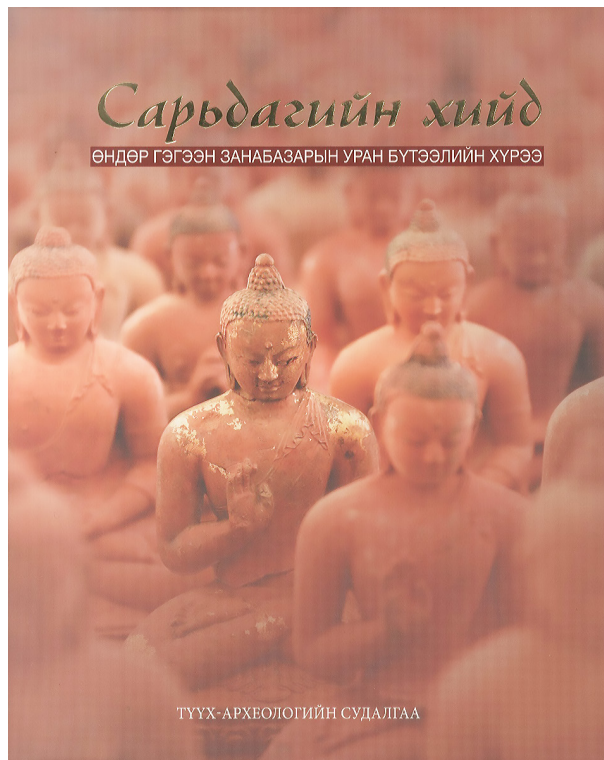
Keywords: Mongolia, Sar'dag monastery, archaeological excavations, artifacts

Acknowledgment: the research was carried out within the state assignment project No. 121031000263-3 “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”.

Введение. Строительство Сарьдгийн хийд (тиб. название Рибогеджайганданшад-дублинг, *ri-bo dge-gyuas dga'-ldan bshad-sgrub gling* – «монастырь для творчества, именуемый “Преисполненный совершенной радости, распространяющий благоденствие”») было начато Ундур-гэгэном Занабазаром в 1654 г. у подножия Хэнтэйских гор возле горной вершины Сарьдаг, на территории современного Центрального аймака и завершено летом 1680 г. Его также именовали *Номын их хурээ* (Великий монастырь учения), он был резиденцией I Богдо-гэгэна (1635–1723) и фактически центром монгольского буд-

дизма до полного его разрушения войсками Галдан-Бошогту-хана в 1686–1687 гг. Расположен монастырь в труднодоступной гористой местности, заросшей густым лесным массивом, приблизительно в 85 км от сомона Эрдэнэ, центра аймака.

Рассматриваемая книга является коллективным трудом, состоящим из 11 статей, написанных по результатам крупнейших, сложных, трудоёмких и масштабных археологических раскопок, проведённых с 2013 по 2018 г. большим штатом археологов, историков, искусствоведов и других исследователей [1].

«Сарьдагийн хийд. Өндөр Гэгээн Занабазарын уран бүтээлийн хүрээ». Эрхэлсэн: Хар Адуутан Сампилдондовын Чулуун

Saridag khiid. The Undur Geegen Zanabazar's monastery of creative art. Ed. Khar Aduutan Sampildondov Chuluun

Об истории монастыря Сарьдаг, о том, как проводились поиски его местонахождения, о сложностях и трудностях, которые пришлось испытать на всех этапах работы, подробно сообщает руководитель экспедиции, автор исследовательского проекта «Города Монголии в XVII веке», академик С. Чулуун в четырёх статьях: 1) «К истории изучения монастыря Сарьдаг: поиски, трудности и препятствия» [2]; 2) «Хан-Хэнтэйский Сарьдаг-хийд» [3]; 3) «Устная история монастыря Сарьдаг» [4]; 4) в соавторстве с Н. Хатанбаатаром «История монастыря Сарьдаг, или Номын их хүрээ» [5]. Данная тема также отражена в статье Э. Уртнасан и Ч. Энхтуул «Дворец – центр творчества Ундур-гэгэна Дзанабазара: архитектура, главный храм» [6]. Статьи написаны на основе анализа комплекса разнообразного источникового материала: результатов археологических раскопок, уникальных устных и письменных разновременных источников, впервые вводимых в научный оборот.

Статья С. Чулууна начинается со сведений о правовом статусе монастыря Сарьдаг. Автор пишет о том, как начинались раскопки. Подробно представлен процесс раскопок, проведённых сотрудниками Института истории Академии наук Монголии в 2013–2017 гг. В статьях дан подробный историографический обзор работ по теме, приводятся сведения о первых исследователях и исследованиях местности вокруг этого памятника, начатых с изучения фауны Е. В. Козловой [1, с. 66], продолженных в 1915–1916 гг. экспедицией Петра Витте, позднее – изысканиями В. Лисовского и сотрудниками Монгольского учёного комитета [2, с. 12–23]. Подробно описаны месторасположение монастыря, его устройство и организация, архитектурный стиль, структура монастыря, здания, ступы, внешнее и внутреннее убранство, а также материалы, из которых они построены.

Все статьи, как и вся книга, снабжены богатым иллюстративным материалом. Исследование включает фотографии участников экспедиций, редких архивных документов, исторических летописей, на основе которых прослежена богатая, но краткая история монастыря и биография его основателя Занабазара – первого монгольского Богдо-гэгэна, создателя нового монгольского алфавита соембо, известного как автор ряда трудов в области языкознания,

литературы, изобразительного искусства. Занабазар был духовным главой страны, кочевой монастырь которого, неоднократно переезжавший с места на место, в конечном итоге осел и впоследствии стал столицей Монголии. Монастырский комплекс Сарьдаг состоял из двенадцати строений, трёх ступ и каменной ограды высотой более двух метров. Для раскопок был выбран цокчен-дуган – главный храм, в котором обнаружили более 500 образцов статуй Будды разного размера [6, с. 129]. Согласно результатам раскопок, монастырь строился на протяжении многих лет, в возведении принимали участие тибетские скульпторы и строители, благодаря чему он стал одним из крупных религиозных и культурных центров, созданных в Монголии в XVII в.

Следующую группу статей составляют исследования о творческом мастерстве, художественном стиле работ Занабазара и о его наследии. К их числу можно отнести статьи Ц. Гунчен-Иш «Творчество Ундур-гэгэна Дзанабазара: художественный стиль и божества» [7]; С.-Х. Д. Сыртыповой «Пять Дхьяни-Будд Ундур-гэгэна Дзанабазара» [8]; Э. Уртнасан «Художественное литьё – изделия из металла» [10]; Ю. И. Елихиной «Наследие монастыря Сарьдаг в Эрмитаже» [11] и статью Ч. Энхтуул «Изделия из дерева: тибето-монгольские образцы» [9]. В статье Ц. Гунчен-Иш отмечается, что работы Занабазара, отлитые из металла, широко распространены и послужили предметом многих исследований, вместе с тем при раскопках обнаружено большое количество скульптурных изображений божеств из глины [7, с. 151] и множество цельных или отдельных частей разных предметов буддийского культа, фрагментов архитектурного декора, что свидетельствует о том, что искусство изготовления изделий из глины было также широко распространено в Монголии и являлось ещё одним видом творчества, которым обладал Занабазар [Там же]. По мнению автора, монастырь Сарьдаг был центром его художественного творчества, где изображения божеств не только отливались из металла, но и изготавливались из местной глины на протяжении всего короткого периода его существования, что Ундур-гэгэн обладал уникальными способностями в изготовлении керамических изделий и мастерством в гончарном деле, а также был уникальным архитектурным дизайнером [Там же]. Все

обнаруженные многочисленные глиняные артефакты разделены на две большие группы: 1) использовавшиеся в строительстве для декорирования зданий и объектов и 2) религиозного предназначения. Последние систематизированы на четыре группы: 1) божества (большие и малые); 2) большие и маленькие *цаца* (культовые глиняные пирамидальные фигурки); 3) предметы для совершения обрядов подношений; 4) разные украшения для внутреннего убранства храма, типа *Восьми благоприятных символов* [7, с. 151]. Божества, большие и малые, в свою очередь разделены на шесть групп по размеру и по форме [Там же, с. 153]. Автором дано подробное описание каждой из групп [Там же, с. 155–259], описаны методы и технологии, использовавшиеся при работе [Там же, с. 152].

В статье Э. Уртнасан «Художественное литьё – изделия из металла» [10] даны характеристика и анализ найденных объектов, сделанных из разных видов металла (золото, серебро, медь, бронза, железо и их сплавы). С.-Х. Д. Сыртыповой в статье «Пять Дхьяни-Будд Ундур-гэгэна Дзанабазара» рассмотрены причины почитания Занабазаром пяти Дхьяни Будд (Будд Высшей мудрости), история возникновения культа их почитания в Монголии, историография исследований творчества Занабазара. Автор даёт подробное описание каждого божества, сравнивая скульптуры из монастыря Сарьдаг с литыми скульптурами этих божеств, хранящихся в музеях Улан-Батора [8].

В статье Ю. И. Елихиной «Наследие монастыря Сарьдаг в Эрмитаже» [11] описана небольшая коллекция предметов из 78 артефактов из монастыря Сарьдаг, хранящаяся в Эрмитаже. В данную коллекцию входят детали украшений зданий, отдельные фрагменты глиняных изображений божеств и ритуальных предметов, которые были собраны в 1915 г. П. Витте и переданы музею на хранение. В статье содержится краткий историографический обзор литературы, связанной с историей монастыря и историей коллекции. Автором изложены результаты работы по атрибуции фрагментов божеств, дана их характеристика, выполнена детальная систематизация хранящихся разрозненных материалов, разнообразных по типу и содержанию [11, с. 430–477].

Тибето-монгольской традиции деревянного творчества в строительстве и вну-

треннем убранстве храмовых построек монастырского комплекса посвящено исследование С. Чулууна и Г. Сайнбаяра, в котором представлены анализ и исследования возраста обнаруженных во время раскопок деревянных частей монастыря Сарьдаг и деревьев вокруг самого монастыря [12]. В результате лабораторных исследований образцов деревянных предметов, проведённых в Германии, установлено, что возраст данных образцов дерева соответствует датам строительства монастырских построек [Там же].

Среди находок, найденных при раскопках, связанных с военным искусством, были наконечники копий, меч, наконечники стрел, остатки ружья, шлем, остатки доспехов, которые использовались при защите монастыря. Найденные артефакты сопоставляются и изучаются с похожими артефактами, обнаруженными другими археологами [13].

В результате исследования найденных при раскопках складных солнечных часов (подобные часы были в обиходе в Европе) установлено, что данная находка могла быть произведена в немецком городе Нюрнберг в 1602–1651 гг. [14, с. 403]. Эта редкая находка, как и обнаруженные при раскопках две серебряные монеты, с арабскими и тибетскими надписями, два фарфоровых кубка, предположительно юаньского и минского периодов, осколки фарфоровой посуды являются важнейшим доказательством наличия у монголов того периода широких внешних связей с зарубежными странами [Там же, с. 408].

Одновременно с раскопками велась не менее трудоёмкая и целенаправленная работа по сохранению, описанию, документированию, систематизации, исследованию и реставрации артефактов самого разнообразного характера и содержания, число которых превышает 3 000 единиц. Н. Нандинцэцэг описывает, как проходили процессы упаковки и транспортировки находок, их хранение и изучение, какие использовались методики [15]. Для определения материала, возраста находок, для установления степени их поврежденности и определения стратегии их сохранения использовались современные технологические методы исследований. Во время раскопок были взяты на пробу 43 образца с деревьев, находящихся вокруг монастыря, и с деревянных изделий, обнаруженных на развалинах мо-

настыря. Проведённый анализ позволил отнести деревья к долгожителям (с 1450-х по 1680-е гг.), их возраст соответствует дате строительства монастыря.

Благодаря полномасштабной аэросъёмке проведено цифровое документирование полученных результатов в 3D-формате для уточнения территории, занимаемой монастырём. Используются технологии 3D-печати для реконструкции объектов, которые позволили увидеть структуру монастыря с воздуха и реконструировать его общий вид [16].

Выводы. Таким образом, в 2013–2017 гг. проведены первые масштабные археологические раскопки на руинах монастыря Сарьдаг, построенного при участии Ундур-гэгэна Занабазара в Халха-Монголии. Помимо всестороннего изучения археологических материалов использованы все доступные исторические и этнографические данные об этом крупнейшем буддийском монастыре Монголии, основанном во второй половине XVII в.

Результаты раскопок монастыря Сарьдаг и руин поселения вокруг него дали новый богатейший материал, сделавший возможным дальнейшее углублённое изучение истории как самого монастыря, так и истории Монголии периода его существования.

По предварительным результатам раскопок монастыря Сарьдаг, одним из их важнейших итогов стало установление факта, свидетельствующего о том, что Зана-

базар обладал выдающимися способностями в изобразительном искусстве, литейном деле, архитектуре, также в его творчестве значительное место занимало гончарное дело. Обнаруженные находки свидетельствуют о том, что из керамики создавались сложнейшие шедевры художественного творчества, начиная от крошечных ритуальных предметов, заканчивая крупными архитектурными украшениями зданий, формы для которых изготавливались либо им самим, либо его учениками под его руководством. В результате раскопок поднято более 3 000 артефактов.

Исследования показали, что строительство монастырского комплекса, начатое в 1654 г., завершилось в 1680 г., но официальную церемонию его освящения провели в 1686 г.

Обнаруженные среди находок немецкие солнечные часы, использовавшиеся в XV–XVI вв., русское оружие, монеты, предназначенные для торговли, керамические сосуды юаньского и минского периодов, осколки китайских фарфоровых изделий являются подтверждением существования развитых международных отношений.

В конце 2019 г. рассматриваемая книга объявлена лучшей книгой года по итогам конкурса на лучшую публикацию. Эта книга является не только первой крупной работой, выполненной по результатам раскопок монгольского храма XVII в., но и блестящим итогом шестилетнего труда монгольских учёных.

Список литературы

1. Сарьдагийн хийд. Өндөр Гэгээн Занабазарын уран бүтээлийн хүрээ: түүх, археологийн судалгаа. Эрхэлсэн: Хар Адугтан Сампилдондовын Чулуун. Улаанбаатар, 2019. 488 с.
2. Чулуун С. Түүхийн судалган дахь Сарьдагийн хийд: эрэл хайгуул, саад бэрхшээл. = К истории изучения монастыря Сарьдаг: поиски и препятствия // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 11–46.
3. Чулуун С. Хан Хэнтэй дэх Сарьдагийн хийд. = Хан-Хэнтэйский Сарьдаг-хийд // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 47–68.
4. Чулуун С. Аман түүхэн дэх Сарьдагийн хийд. = Устная история монастыря Сарьдаг // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 97–110.
5. Хатанбаатар Н., Чулуун С. Сарьдагийн хийд буюу Номын их Хүрээний түүх. = История монастыря Сарьдаг или Номын их хүрээ // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 69–96.
6. Уртнасан Э., Энхтуул Ч. Өндөр гэгээн Занабазарын бүтэлийн ордон: уран барилга, гол сумм. = Дворец – центр творчества Ундур-гэгэна Дзанабазара: архитектура, главный храм // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 111–146.
7. Гунчен-Иш Ц. Өндөр гэгээн Занабазарын урлал: хийц ба бурхад. = Творчество Ундур-гэгэна Дзанабазара: художественный стиль и божества // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 147–260.
8. Сыртыпова С.-Х. Д. Өндөр гэгээн Дзанабазарын Язгурын таван бурхан. = Пять Дхьяни-Будд Ундур-гэгэна Дзанабазара // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 261–290.
9. Энхтуул Ч. Модон эдлэл: түвэд-монгол хийцийн урлал. = Изделия из дерева: тибето-монгольские образцы // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 347–380.
10. Уртнасан Э. Урлахуйн чимэг металл эдлэл. = Художественное литье – украшения из металла // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 291–316.

11. Елихина Ю. И. Эрмитаж музей дахь Сарьдагийн хийдийн дурсгал. = Наследие монастыря Сарьдаг в Эрмитаже // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 429–478.
12. Чулуун С., Сайнбаяр Г. Сарьдагийн хийдийн модны судалгаа. = Анализ и исследования [возраста] дерева монастыря Сарьдаг // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 381–388.
13. Батцоож Б. Сарьдагийн хийдээс илэрсэн зэр зэвсэг. = Оружие, обнаруженное в монастыре Сарьдаг // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 317–346.
14. Чулуун С., Энхтуул Ч. Гадаад ертөнц ба Өндөр гэгээн Занабазарын хийд. = Зарубежный мир и Ундур-гэгэн Дзанабазар // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 389–410.
15. Нандинцэцэг Н. Сэргээн засварлалтын технологи, дурсгалтын дүр төрх. = Технологии реставрации, восстановления изображений // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 411–428.
16. Тэцүо Шоджи, Энхтор А., Уртнасан Э., Чулуун С. Сарьдагийн хийдийн цахим баримтжуулалт. = Цифровое документирование данных монастыря Сарьдаг // Сарьдагийн хийд. Улаанбаатар, 2019. С. 479–487.

Статья поступила в редакцию 15.05.2021; принята к публикации 27.06.2021

Сведения об авторе

Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: vanchikova.ts@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>.

Библиографическое описание статьи

Ванчикова Ц. П. Выдающиеся открытия монгольских историков и археологов: раскопки монастыря Сарьдаг // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 122–128. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-122-128.

References

1. Sar'dag monastery. Monastery of Bogdo Zanabazar works: historical and archaeological research. Editor: Har Aduutan Sampildondovyn CHuluun. Ulaanbaatar, 2019. (In Mong.)
2. Chuluun, S. On the history of studying the Sar'dag Monastery: searches and obstacles (Түүхийн судалган дах' Сар'дагийн хийд: ерел хажуул, саад берхсheel) / Sar'dag monastery: 11–46. (In Mong.)
3. Chuluun, S. Han-Henteisky Sardag-monastery (Han Hentij dekh Sar'dagijn hijd / Sar'dag monastery: 47–68. (In Mong.)
4. Chuluun, S. Oral history of the Sardag Monastery (Aman түүхен dekh Sar'dagijn hijd) / Sar'dag monastery: 97–110. (In Mong.)
5. Hatanbaatar, N., Chuluun, S. The history of the Sar'dag Monastery or Nomyn ikh khure (Sar'dagijn hijd buyuu Nomyn ih Hyreenij түүх / Sar'dag monastery: 69–96. (In Mong.)
6. Urtnasan, E., Enhtuul, CH. Palace – the center of creativity of Undur-gegen Dzanabazar: architecture, the main temple (Өндөр геgegen Zanabazaryн бүтэлжин ordон: уран барилга, гол сум) / Sar'dag monastery: 111–146. (In Mong.)
7. Gunchen-Ish, TS. Craft of St. Zanabazar: casting and gods (Tvorchestvo Undur-gegena Dzanabazara: khudojestwenny styl' i bojestwa) / Sar'dag monastery: 147–260. (In Mong.)
8. Syrtypova, S.-H. D. Five Dhyani-Buddhas of Undur-gegen Dzanabazar (Өндөр gegen Dzanabazaryн Yazguryн tavan burhan) / Sar'dag monastery: 261–290. (In Mong.)
9. Enhtuul, CH. Wood products: Tibetan-Mongolian samples (Modon edlel: тывед-mongol hijcijn urlal) / Sar'dag monastery: 347–380. (In Mong.)
10. Urtnasan, E. Artistic casting-metal jewelry (Urlahujn chimeg metall edlel) / Sar'dag monastery: 291–316. (In Mong.)
11. Elihina, Yu. E. Artifacts of the Monastery of Sar'dag in the Hermitage Museum / Sar'dag monastery: 429–478. (In Mong.)
12. Chuluun, S., Sainbayar, G. Tree-wood survey of the monastery of Sar'dag (Sar'dagijn hijdijn modny sudalгаа) / Sar'dag monastery: 381–388. (In Engl.)
13. Battsooj, B. Weapons discovered in the monastery of Sar'dag (Оружие, обнарuzhennoye v monastire Sar'dag) / Monastery of Sar'dag: 317–346. (In Mong.)
14. Chuluun, S., Enhtuul, CH. The Foreign world and Undur-gegen Dzanabazar (Gadaad ертөнц ба Өндөр геgegen Zanabazaryн hijd) / Sar'dag monastery. P. 389–410. (In Mong.)
15. Nandintsetseg, N. Technologies of restoration, image restoration (Sergeen zasvarlalтын tekhnologi, dursгалтын дүр турh) / Sar'dag monastery: 411–428. (In Mong.)

16. Tetsuo, Shodji, Enhtor, A., Urtnasan, E., Chuluun S. Electronic documentation of the monastery of Sar'da (Cifrovoe dokumentirovanie dannyh monastyrya Sar'dag) / Sar'dag monastery: 479–487. (In Mong.)

Received: May 15, 2021; accepted for publication June 27, 2021

Information about author

Vanchikova, Tsymzhit P., Doctor of History, Professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: vanchikova.ts@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1381-6186>.

Reference to the article

Vanchikova Ts. P. Outstanding Discoveries of Mongolian Historians and Archaeologists: Excavations of the Sar'dag Monastery // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 122–128. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-122-128.

УДК 001.89 (571) + 069:377

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-129-138

Галина Михайловна Запорожченко,
 Институт истории
 Сибирского отделения Российской академии наук
 (г. Новосибирск, Россия),
 e-mail: galinakoop@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

Новые тренды в сфере публичной памяти

В статье анализируются формы публичной памяти в сфере историко-культурного и научного наследия на примере коммеморативных практик в Новосибирском научном центре Сибирского отделения Российской академии наук. Источниковой основой послужили историографический и информационный ресурсы изданий о СО РАН, материалы электронного открытого архива СО РАН, результаты метода включённого наблюдения. Методологической основой является социокультурный подход, положения о мнемософии Т. Шолы. Рассмотрены резонансные коммеморативные мероприятия 2020–2021 гг., посвящённые лидерам Сибирского отделения СО АН СССР – РАН академикам М. А. Лаврентьеву, Н. Н. Яненко, Н. Н. Покровскому, Т. И. Заславской, доктору филологических наук М. И. Черемисиной, строителю Академгородка Новосибирского научного центра генералу Н. М. Иванову. Сделаны выводы о том, что сфера публичной памяти представляет собой важную составляющую социально-культурного каркаса территории «научного топоса». Новосибирский Академгородок выступает комплексной новационной формой публичной памяти, конфигурирующей социокультурную среду для задач коммеморации. Календарно-юбилейный принцип ознаменования памятных дат дополняется логикой духовной привязанности к наследию значимых личностей. Стирается грань между институциональными и частными инициативами и партнёрством. Происходит дальнейшее переосмысление вклада и значения лидеров науки. В рассмотренных формах публичной памяти отмечаются новые черты в отношении социальной инклюзии, социального активизма, моральной агентивности. Практическая ценность обобщения и алгоритмизации опыта коммеморации обусловлена важностью социокультурной функции сферы публичной памяти для создания смыслового пространства социального мифотворчества, существенно влияющего на жизнедеятельность общества, аккумуляции историографического и информационного ресурса для успешной реализации национальных проектов, связанных с модернизацией науки и образования в условиях больших вызовов современности.

Ключевые слова: сфера публичной памяти, коммеморация, коммеморативные практики, научный топос, мнемософия, Сибирское отделение Российской академии наук

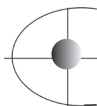
Galina M. Zaporozhchenko,
 Institute of History, Russian Academy of Science
 (Novosibirsk, Russia),
 e-mail: galinakoop@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

New Trends in the Field of Public Memory

The article analyzes the forms of public memory in the field of historical, cultural and scientific heritage on the example of commemorative practices in the Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The source basis was the historiographic and information resource of publications about the SB RAS, the materials of the electronic open archive of the SB RAS, the results of the method of included observation. The methodological basis is the socio-cultural approach, the provisions on T. Shola's mnemosophy. We consider the resonant commemorative events of 2020–2021 dedicated to the leaders of the Siberian Branch M. A. Lavrentiev, N. N. Yanenko, N. N. Pokrovsky, T. I. Zaslavskaya, doctor of philology M. I. Cheremisina, the builder of the Akademgorodok of the Novosibirsk Scientific Center general N. M. Ivanov. Conclusions are drawn that the sphere of public memory is an important component of the socio-cultural framework of the territory of the "scientific topos". Novosibirsk Akademgorodok is a complex innovative form of public memory that configures the socio-cultural environment for the tasks of commemoration. The calendar-anniversary principle of commemoration of memorable dates is complemented by the logic of spiritual attachment to the heritage of significant personalities. The line between institutional and private initiatives and partnerships is being blurred. There is a further rethinking of the contribution and significance of the leaders of science. In various forms of public memory, social orientation, social activism, and moral agentivity are noted. The practical value of generalizing and algorithmizing the experience of commemoration is due to the importance of the socio-cultural function of the

© Запорожченко Г. М., 2021

sphere of public memory in creating a semantic space of social myth-making, which significantly affects the life of society, the accumulation of historiographic and information resources for the successful implementation of national projects related to the modernization of science and education in the face of great challenges of modernity.

Keywords: sphere of public memory, commemoration, commemorative practices, scientific topos, mnemophy, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Введение. 2021 год в Российской Федерации указом Президента объявлен Годом науки и технологий. Наука впервые вышла в ранг ключевых национальных приоритетов, для её поддержки и развития создан отдельный национальный проект «Наука», рассчитанный на 2019–2024 гг. В этой связи актуально обращение к теме сохранения и изучения наследия лидеров отечественной науки. Это направление входит в широкий дискурс освоения глобального наследия и соответствует декларированному в Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) актуальным задачам социогуманитарного знания, таким как «изучение наследия, памяти, самобытности, их отражения в культурных и научных коллекциях, архивах и музеях с целью более глубокого понимания настоящего посредством более широкого толкования прошлого»¹.

Целью статьи является научное осмысление форм публичной памяти в сфере историко-культурного и научного наследия на примере опыта коммеморации в Новосибирском научном центре Сибирского отделения Российской академии наук. Источниками исследования послужили историографический и информационный ресурс изданий о СО РАН, материалы электронного открытого архива СО РАН, результаты метода включённого наблюдения и фиксации социокультурных событий.

Методология и методы исследования. Процесс формирования институтов публичной памяти всё более становится предметом научной рефлексии как одно из следствий культурно-антропологического поворота гуманитарного знания. В последние десятилетия XX в., по мнению Л. П. Репиной, «наблюдается усиление внимания историков к проблемам памяти, что открыло более обширное исследовательское поле – историю исторической культуры с различными дефинициями понятий «историческая

память», «социальная память», «культурная память» [1, с. 40]. Объектами этих видов памяти, а также близкой по значению к ним «коллективной памяти» являются события, социальные группы, значимые/исторические/великие личности.

Актуальность исследования феномена коллективной социальной памяти обостряется в переломные бифуркационные моменты развития общества, когда резкие изменения политического организма оборачиваются кризисами идентичностей. Особенность коллективной памяти постсоветского российского социума заключается в сохранении избыточной идеологизированности и политизированности, укоренённости мифа о том, что в силу слабости культурной связи и горизонтальных интегративных механизмов единство и порядок сможет обеспечить лишь авторитарная центральная власть. В данной особенности отчётливо различима тенденция к архаизации, раскрытая А. С. Ахиезером, когда общество и личность, отвечая на кризисную ситуацию, возвращаются к старым идеям, находятся во власти исторического опыта, сложившегося в более простых условиях, и, следовательно, опираются на неэффективные, неадекватные новой ситуации решения [2, с. 89]. Черты коллективной памяти, присущей логике подобных решений, характерных для традиционного общества, обозначил Н. Н. Кузьмин. Это высокая ценность прошлого по сравнению с настоящим, смешение профанного и сакрального, приоритет ценностей над фактами, неразвитость рациональной критики, высокий уровень воображения, опора на исторические аналогии и прецеденты [3, с. 114].

Динамическим компонентом феномена памяти являются коммеморативные практики. Важность их научной рефлексии определяется, во-первых, ненадёжностью феномена памяти («коммеморативных останков»), во-вторых, сопряжённостью коммеморативных практик с массовыми действиями, возможностью насаждения, культивирования коллективной памяти посредством проведения регулярных ритуалов, коммемораций, призванных легитимировать различные государственные идеологии. М. Хальбвакс

¹ Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы): принята распоряжением № 3684-р председателя Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. Раздел 6. Область научных знаний. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/118145183/?page=1&> (дата обращения: 22.02.2021). – Текст: электронный.

считал, что использование коллективной памяти в интересах настоящего может способствовать процессу политических манипуляций [4, с. 44].

Следовательно, изучение механизмов коллективной памяти имеет прямое отношение к проблемам жизнеспособности социального организма и его прогрессивного развития.

Теоретические положения, концептуальный аппарат и методологический инструментарий исследований социальной и культурной памяти разрабатываются в социально-гуманитарном знании XX – начала XXI в. с опорой на наследие Платона, Аристотеля, Августина, Д. Локка. Феномен социальной памяти в различных аспектах рассматривали А. Бергсон, М. Хальбвакс, М. Мосс, Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Рикёр, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Люббе, Т. Адорно, П. Хаттон, Дж. Тош, С. Крейн, М. Ферро, развивая функциональный и феноменологический подходы. Информационный подход применяли В. Г. Афанасьев, В. А. Колеватов, Я. К. Ребане, В. Б. Устьянцев, А. С. Уйбо. Культурно-семиотический подход к проблемам памяти представлен работами Ю. М. Лотмана, Я. Ассмана, О. Г. Эксле, И. Рюжена. В русле структуралистского подхода данную тематику изучали К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, П. Нора, Х. Уайт, П. Бурдьё, Ф. Анкерсмит; из отечественных исследователей – Н. С. Автономова, В. П. Визгин, Г. И. Зверева, Н. Е. Колосов, М. А. Кукарцева, Е. Г. Трубина. Проблему неоднозначности и сложности процессов конструирования социальной памяти рассматривали Т. Адорно, Х. Вельцер, Д. Лоуэнталь, С. А. Экштут, Д. Хапаева, М. Ф. Румянцева, Л. П. Репина, Е. А. Лаврухина, Л. Б. Шнейдер, О. В. Гавришина, О. Т. Лойко, У. Г. Розенберг, И. М. Савельева, Н. Н. Кузьмин и др. [5, с. 4–6].

По мнению исследователей, историческая память – «не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом», имеющая особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем [1, с. 10]. Коммеморация как совокупность публичных актов «вспоминания» и (пере)осмысления в современном контексте значимых событий прошлого направлена на сохранение памя-

ти о них в общественном сознании. Раздел научного направления, связанный конкретно с коммеморацией (культурой намеренного увековечения), в настоящее время разработан менее глубоко, чем проблематика культуры памяти в целом. Объясняется это как молодостью самой отечественной культурологии, так и недавней монополией государства и однопартийной идеологии на процесс формирования исторических образов и представлений [6, с. 5–6].

Теоретические и практические аспекты данного дискурса с учётом положений о корреляции культуры, образования, наследия, идентичности развивают известные специалисты в области наследия [7–12]. Исследования хорватского учёного Томислава С. Шолы о интеграции научных знаний, связанных с историческим и культурным наследием, воплотились в теорию «мнемософии» – науки о публичной памяти. Исследуя категорию «мнемо» с древнейших времён до наших дней, Т. Шола рассматривает наследие как весь опыт человечества во всём его разнообразии («тотальное наследие»). Возможность передачи опыта, системы ценностей и мудрости является важнейшим свойством памяти, которая проблематичным образом связана с феноменом выбора, отбором, идентичностью и субъективностью. Это ставит вопрос: чем наследие отличается от собственно истории? Учёный полагает, что наследие – это конструкт, отличающийся от истории «деятельным включением людей». Наследие формируется коллективным социальным опытом и при помощи науки обретает высшее качество – становится публичной памятью [13, с. 43–44].

Разнообразные формы публичной памяти (прежде всего, музеи, архивы, библиотеки) являются общественным инструментом, который позволяет эффективно использовать наследие. Сырьём для публичной памяти служит коллективная память, составленная из множества частных, противоречивых, случайных, разнообразных, пронизанных иллюзиями, психологически обусловленных вложений индивидуумов, групп, сообществ. В результате формируется мнемосфера как сфера согласия социума по поводу своего наследия, в чём можно увидеть важную функцию публичной памяти [Там же, с. 49–50, 68]. Разработанное Т. Шолой понятие «публичная память» в интерпретации его как «наследия, работающего на обще-

ство» стало принятым ключевым термином в социогуманитарных науках.

Важное методологическое значение имеют положения, которые сформулировали в своей последней книге «Новые тренды в музеологии» П. ван Менш и Л. Майер-ван Менш. Миссия институтов наследия в обществе, связанная с их способностью соединять людей с искусством и историей, служить для образования, развлечения и удовольствия, помогать определять свою идентичность и своё место в мире, по мнению ван Меншей, становится всё более эксплицитной в смысле определения своих социополитических целей – служить платформой для диалога и размышлений, стимулировать общественные дебаты о будущем человечества. Парадигмальным сдвигом современности явился «образовательный поворот» – перемещение в начале XXI в. акцента с образования на обучение: от «предоставления образования необразованным массам» к обучающемуся индивиду-пользователю, способному создавать собственные смыслы и нарративы, активному в своём взаимодействии с институтами культуры [14, с. 36–37].

Современные теории «множественности интеллектов», стилей обучения, типов обучающихся и типов их мотивации адаптируются для культурных институций и социокультурных практик [Там же, с. 38–42]. В ландшафте культурной информации ван Менши выделили как заметный тренд потребность общества в интегрированной и интегральной перспективе понимания наследия. Это предполагает «новые модели управления наследием, уважающие культурные, физические, цифровые, человеческие, социальные, а также связанные с окружающей средой измерения наследия», создаваемые на основе кросс-культурных сетей и практик [Там же, с. 77–78, 86]. В этой деятельности заметно стирание различий между институциональными и частными инициативами, глобальным и локальным уровнями. Целостной и интегрированной перспективе восприятия наследия способствует топографический поворот XX в., ренессанс «места памяти» в социогуманитарных науках о наследии, пробуждённый работами М. Хальбвакса, В. Бен-Ямина, П. Нора и др. [Там же, с. 90].

Наблюдения ван Меншей о новых трендах дискурса освоения наследия стимулируют разработки в области коммеморативных

практик, которые играют важную роль в организации культурной памяти, сохранении целостности культурной биографии мест памяти.

Результаты исследования и их обсуждение. В Новосибирском Академгородке, являющемся локусом ННЦ СО РАН, изучение процесса формирования публичной памяти о лидерах науки обусловлено исключительностью личностного компонента Сибирского отделения. Когорта блестящих отечественных учёных, начиная с «научного десанта» конца 1950-х гг. из Москвы, Ленинграда, Киева, продвигала великий сибирский научно-организационный эксперимент XX в. и его новационные принципы в сфере развития фундаментальных исследований во всех областях знания, внедрения научных разработок в практику, интегрированной подготовки научных кадров. Лидеры науки, опираясь на лучшие мировые традиции, формировали этос научного сообщества в Сибири, связанный с интеллигентностью, толерантностью, свободой, открытостью для международного сотрудничества [15].

Приоритетная научная идентичность Новосибирского Академгородка позволила рассмотреть его с точки зрения универсального концепта «гения места» как «научный топос» – социокультурную среду жизнедеятельности сообщества учёных. В этой связи в 2014 г. поселение получило статус достопримечательного места регионального значения как уникальная в историко-культурном отношении территория. Принадлежность её к большой науке транслируется в фактографическом и символическом аспектах по нескольким направлениям: *топонимическому* (названия улиц), *мемориально-монументальному* (памятники и мемориальные доски), *музейному*, *интеллектуально-дискуссовому* (объекты социально-бытовой инфраструктуры с «научными» названиями), *экологическому* (благоустроенные объекты природной среды с функциями популяризации естественно-научных знаний), *аттрактивному* (уличные и интерьерные аттракции с научной символикой: витражи, панно, барельефы, ковка, граффити), *ивентовому* (традиционные и знаковые события и мероприятия, которые в масштабах страны ассоциируются с новосибирским Академгородком) [16].

В течение почти семи десятилетий по этим направлениям формировались социокультурные комплексы материальных и

духовных ценностей, отражающих историко-культурное и научное наследие новосибирского Академгородка, или «Силиконового леса», как метафорически его называют по аналогии с маяком научного прогресса – Силиконовой долиной. В настоящее время достопримечательное место «Новосибирский Академгородок» в целом можно считать новационной комплексной формой публичной памяти: учёным-академикам установлено 6 памятников, 58 мемориальных досок, именами ученых названы 9 улиц, 9 лесных тропинок, 13 научно-исследовательских институтов, 25 учебных аудиторий и именных стипендий Новосибирского государственного университета, именами выдающихся учёных названы конференции и симпозиумы.

Резонансные коммеморативные мероприятия 2020–2021 гг., посвящённые лидерам Сибирского отделения СО АН СССР – академиком РАН М. А. Лаврентьеву, Н. Н. Яненко, Н. Н. Покровскому, Т. И. Заславской, доктору филологических наук М. И. Черемисиной, строителю Академгородка Новосибирского научного центра генералу Н. М. Иванову, представляют уместный повод для обобщения накопленного опыта в сфере публичной памяти в ННЦ СО РАН.

В ноябре 2020 г. главным событием коммеморации стало празднование 120-летия со дня рождения М. А. Лаврентьева – вице-президента Академии наук СССР, председателя Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР, академика АН СССР, Почётного гражданина г. Новосибирска. Правительством Новосибирской области совместно с Сибирским отделением, мэрией г. Новосибирска, вузами была сформирована программа мероприятий в масштабах города.

В преддверии юбилея состоялось открытие IX Международной научной конференции «Лаврентьевские чтения по математике, механике и физике». Ко дню рождения академика были подготовлены фотодокументальные музейные и уличные выставки, объединённые темой «Человек планетарного масштаба. Созидатель и учёный», выставки книг и материалов об учёном в библиотеках города, создан комплексный электронный ресурс «Академик Михаил Алексеевич Лаврентьев». В Академгородке 19 ноября традиционно провели Михайлов день в честь двух Михайлов – Ломоносова и Лаврентьева, викторины для школьников и цикл лекций

на тему «М. А. Лаврентьев: жизнь гения» на базе Дома учёных СО РАН, исторического парка «Россия – моя история». В Большом зале Правительства Новосибирской области состоялось торжественное собрание «Мировое наследие академика М. А. Лаврентьева». Руководство города отметило, что лидеры СО РАН заложили основы развития Академгородка не только в научной деятельности, но и в плане организации инфраструктуры города, научные институты и другие городские объекты которого размещены в полной гармонии с природой.

В рамках праздничных мероприятий состоялась презентация книги Е. В. Вишневецкого «Стратег сибирской науки. Михаил Алексеевич Лаврентьев» [17], специальные выпуски газеты «Наука в Сибири», пресс-туры в научные институты СО РАН, торжественное посвящение в «ФыМыШата» школьников нового набора физико-математической школы им. М. А. Лаврентьева при НГУ.

Юбилею М. А. Лаврентьева было посвящено тематическое оформление вагонов Новосибирского метрополитена и городских автобусов. По заказу СО РАН Гостелерадиокомпанией «Новосибирск» при участии Института истории СО РАН создан новый документальный фильм о М. А. Лаврентьеве «Созидающий взрыв». Впервые внимание акцентировалось на сложных обстоятельствах противостояния отделения и руководства страны в вопросе сохранения в составе СО АН СССР Института цитологии и генетики, личном вкладе М. А. Лаврентьева, который с присущими ему смелостью и находчивостью сумел сломить сопротивление в этом вопросе Н. С. Хрущёва, победоносно завершив, наконец, упорную и опасную борьбу многих видных учёных из разных областей знания за генетику в период господства «лысенковщины».

Празднование 120-летнего юбилея почётного гражданина г. Новосибирска академика М. А. Лаврентьева приобрело общегородской масштаб, что отражало активную позицию городского руководства в укреплении имиджа Новосибирска как научной столицы Сибири, нацеленность руководства Новосибирской области на дальнейшее развитие регионального научного кластера в соответствии с магистральными тенденциями научно-технологического развития в XXI в.

Важным событием коммеморации явилось празднование в 2020 г. 90-летия вы-

дающего российского историка, археографа, источниковеда, организатора науки академика РАН Н. Н. Покровского. В Институте истории СО РАН апробировали новый формат коммеморативной публикации. К началу работы IV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Новосибирск, Институт истории СО РАН, 9–11 ноября 2020 г.), посвящённой памяти Н. Н. Покровского, вышел в свет очередной 39-й выпуск научных трудов серии «Археология и источниковедение Сибири». Демонстрируя достижения историко-археологической школы академика Н. Н. Покровского в широком тематическом и хронологическом диапазоне, статьи участников конференции охватывали значительный круг проблем по отечественной истории, археографии, филологии, источниковедению от средневековья до современности. Новацией явилось создание в сборнике обширного раздела воспоминаний об учёном.

Среди авторов воспоминаний - коллеги, единомышленники, ученики, близкие родственники: В. А. Ромодановская («О Николае Николаевиче Покровском и началах сибирской археографии»), Н. П. Матханова («И не только о личном»), Л. В. Титова («О милых спутниках, которые наш свет»), Л. И. Журова («Всё изменяется, но ничего не пропадает»), С. Г. Петров («Вспоминая Николая Николаевича Покровского»), А. Х. Элерт («Волшебная бумага»), О. Д. Журавель («Но быть живым, живым и только»), Е. В. Комлева («Как, он тоже что-то ест?»), А. А. Бродников («Вспоминая Учителя: Николай Николаевич Покровский глазами студента») и многие другие. Короткие истории про своего отца со слов родственников и друзей записал сын академика Н. Н. Покровский-младший, сопроводив их фотографиями из личного архива, сделанными Н. Н. Покровским-старшим [18]. Данный способ увековечения памяти выдающегося учёного создал ценный ресурс нравственно, этически, мировоззренчески значимой информации, зафиксировал эмоционально окрашенный опыт общения в профессиональной среде гуманитариев.

В 2019 г. Выставочный центр СО РАН презентовал крафт-выставку «Сёстры Карповы: Майя Черемисина и Татьяна Заславская», посвящённую жизни и деятельности двух выдающихся сестёр-учёных Новосибирского Академгородка: профессору

М. И. Черемисиной и академику Т. И. Заславской¹.

Авторы стремились отразить характерные черты развития российской науки в XX в. через призму истории семьи сестёр Карповых, благородное древо которой питалось от двух корней – Де Метцев и Крафтов. Дед Черемисиной и Заславской по материнской линии, уроженец Одессы Георгий Де Метц известен как основатель физического факультета в Киевском университете. Именно он своим образом жизни привил любовь к научной работе Майе и Тане, которые пронесли одержимость наукой через невзгоды военной юности и стали большими учёными. М. И. Черемисина – известный лингвист, доктор филологических наук, одна из главных создателей новосибирской синтаксической школы. Т. И. Заславская – основатель и лидер авторитетной в мире новосибирской экономико-социологической школы, соорганизатор и руководитель ВЦИОМ, советник президентов М. Горбачёва, Б. Н. Ельцина, народный депутат СССР. Разные жизненные пути привели сестёр в Академгородок, в котором их восхищал дух свободы, творческий простор и широкие возможности для работы.

На выставке экспонировались фотографии, документы, личные вещи из семейного архива, предметы быта и интерьера прошлого века. Приставка «крафт» в данном случае обозначала некую особую философию и стиль устройства экспозиции, общения с посетителями, направленные на создание самодельного уюта, тёплой, домашней атмосферы, отмеченной общностью в понимании этических ценностей, любовным отношением к представленным мемориям: семейным фотокарточкам с дореволюционных времён, старинным шёлковым платьям и туфелькам, в которых сёстры гуляли по Академгородку, швейной машинке, переводным картинкам, дневникам, самый старый из которых, восемнадцатилетнего Георгия Де Метца, датируется 1879 г.

Подобная форма меморизации целесообразно интерпретировала гендерный аспект служения науке, духовную близость сестёр-единомышленниц. Как известно, обе сестры занимали активную гражданскую позицию, требовавшую от них немалого мужества. М. И. Черемисина в 1968 г. была подписантом известного «Письма 46» с протестом против закрытого суда над мо-

¹ Наука в Сибири. – 2019. – 9 окт.

сковскими активистами самиздата. Т. И. Заславская в 1983 г. опубликовала доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии», известный на Западе под названием «Новосибирский манифест» и воспринятый как первая ласточка перемен в СССР. Деятельность сестёр Карповых оставила огромное наследие в Сибирском отделении и российской науке в целом. На здании Института экономики и организации промышленного производства СО РАН открыта мемориальная доска в память о Т. И. Заславской. На одной из «умных» лавочек на улицах Академгородка установлена табличка с высказыванием «Одна из важнейших свобод – свобода утверждать правду! (Т. И. Заславская)».

В мае 2021 г. отмечалось 110 лет со дня рождения генерала Н. М. Иванова, который возглавлял строительство Академгородка, оставшись в памяти людей «справедливым, строгим, правильным»¹. В память о нём названы школа, профтехучилище, установлен уличный мемориал. В оргкомитет праздничных мероприятий вошли представители администрации Советского района г. Новосибирска, совета ветеранской организации «Сибкадемстроя», представители учреждений культуры, внуки генерала. Праздничная программа «Академгородок – фундамент новых высот», проведённая с привлечением большого числа волонтеров, включала выставки, презентации, концерт, премьеру документального фильма о Н. М. Иванове, торжественный обед, подарки ветеранам. Перед собравшимися выступили руководители СО РАН, Советского района, мэрии, главный архитектор г. Новосибирска, которые раскрыли важную роль первостроителей и легендарного начальника «Сибкадемстроя» генерала Н. М. Иванова в создании крупного научного центра за Уралом. Идея, состоявшая в том, чтобы в неформальной, тёплой атмосфере транспоколенного общения оживить вехи памяти, поделиться славным опытом союза учёных и строителей с молодым поколением академгородковцев, получила успешное воплощение.

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня рождения академика Н. Н. Яненко – выда-

¹ 110 лет со дня рождения генерала Н. М. Иванова в Академгородке. – URL: <https://novo-sibirsk.ru/news/275498/> (дата обращения: 03.06.2021). – Текст: электронный.

ющего математика и механика, лауреата Государственных премий, Героя Социалистического труда, героя войны, директора Института теоретической и прикладной механики СО РАН (1976–1984), родоначальника новосибирской школы математических методов решения задач механики сплошной среды [13, с. 290–291]². Президиум СО РАН развернул подготовку юбилейных мероприятий при участии администрации г. Новосибирска, Куйбышевского района Новосибирской области – родины учёного, Томского и Новосибирского государственных университетов, ряда учреждений науки и культуры.

Обширная программа включает доклады на Президиуме СО РАН ведущих учёных в профильных областях знания, раскрывающие значение научно-организационного вклада академика Н. Н. Яненко в развитие СО РАН; торжественные заседания учёных советов научно-исследовательских институтов, Томского и Новосибирского университетов; юбилейный научный семинар «Информационно-вычислительные технологии»; выставку трудов и архивных материалов в мемориальной библиотеке Н. Н. Яненко; пленарную сессию «Мы гордимся своими директорами» в ИТПМ СО РАН; присвоение аудиториям в НГУ и ТГУ имени академика Н. Н. Яненко; организацию комплексных экскурсий для школьников в профильные музеи и мемориальные комнаты в Томске, Новосибирске, Куйбышеве; размещение материалов о жизнедеятельности Н. Н. Яненко в СМИ и социальных сетях; подготовку видеоролика о Н. Н. Яненко на основе интервью с его учениками; поездку группы учёных в г. Куйбышев для встреч, лекций, воспоминаний; заседание «Клуба межнаучных контактов» в Доме учёных СО РАН на тему «Цифровизация экономики. Научные работы академика Н. Н. Яненко, его учеников, партнёров и последователей»; выставку «Три университета академика Н. Н. Яненко» в Выставочном центре СО РАН; уличную выставку, тематическое оформление вагонов метрополитена г. Новосибирска; шахматный турнир. Отличительной чертой станет проведение одиннадцати научных конференций и семинаров в Новосибирске и Томске по направлениям научных исследований Н. Н. Яненко.

Инициаторами мероприятий выступают органы власти, учреждения науки и об-

² Российская академия наук. Сибирское отделение: персональный состав / сост. Е. Г. Водичев [и др.]. – Новосибирск: Наука, 2007. – 601 с. – С. 290–291.

разования в партнёрстве с учреждениями культуры, брендинговыми агентствами, общественными организациями, представителями бизнеса. Важнейшим ресурсом коммеморативных мероприятий является «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия», содержащий в 25 фондах 93216 сканов документов и фотографий¹.

Выводы. Таким образом, сфера публичной памяти представляет собой важную составляющую социально-культурного каркаса территории «научного топоса». В организации культурной памяти на основе традиционных подходов развиваются заметные новации, эмпирически фиксируется топографический и образовательный повороты. Новосибирский Академгородок как культурное и достопримечательное место, научный топос можно считать комплексной новационной формой публичной памяти. Названия улиц, тропинок, институтов, памятники, мемориальные доски, университетские аудитории, музейные коллекции, мемориальные комнаты, кабинеты, библиотеки, дом-музей М. А. Лаврентьева, книжная серия «Наука Сибири в лицах», «умные лавочки» заведомо конфигурируют социокультурную среду для задач коммеморации.

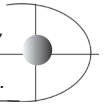
Календарно-юбилейный принцип наименования памятных дат по преимуществу сохраняется. В то же время пример выставки сестёр Карповых показывает отсутствие в акте коммеморации привязки к круглой дате, но приоритет логики духовной привязанности к наследию значимых личностей. Всё больше сотрудничества и сотворчества наблюдается между институциональными и частными инициативами и партнёрством. В области контроля над историческим контентом коммеморативных практик происходит дальнейшая переоценка и переосмысление вклада и значения выдающихся личностей, лидеров науки, поскольку новая эпоха, вооружённая современным ей аксиологическим прицелом, видит новые черты.

Нарративная организация публичной памяти творчески диверсифицируется: от торжественного собрания в Большом зале правительства Новосибирской области до таблички с цитатой на уличной лавочке. Привносится новая стилистика приобщения к прошлому (выставочные крафт-технологии, соединение научно-исследовательских

и мемориальных контентов в публикациях). Центральное место в коммеморации людей большой науки продолжают занимать посвящённые им научные конференции разных уровней. Социальная инклюзия поддерживается уличными выставками, тематическим оформлением пассажирского транспорта, масштабами мероприятий: общегородской уровень юбилея Почётного гражданина г. Новосибирска академика М. А. Лаврентьева, региональный межгородской уровень юбилея академика Н. Н. Яненко. Социальный активизм проявляется в привлечении волонтеров, ветеранов, школьников, студентов, СМИ, социальных сетей. Ярko просматривается концепт моральной агентивности коммеморации: выражение благодарности предшественникам за создание СО РАН, гражданскую позицию, школу профессионализма, моральное наставничество, харизму. В современную эпоху постмодерна, конформизма, ломки идентичностей идея сопряжённости мастерства и этики остаётся предметом напряжённой общественной рефлексии. Опыт жизнедеятельности, моделей поведения профессионально успешных сограждан является социально значимой информацией, транспоколенная передача которой способствует профессиональной ориентации, развитию гражданственности, укреплению этических норм, патриотической гордости.

В описанных коммеморативных социокультурных практиках ощутимо прослеживается влиятельная в конце XX – начала XXI в. тенденция интегрированного подхода к наследию, реализующаяся как на уровне наследиеведческой интердисциплинарности, так и на уровне интеграции наследия и общества. Обобщение и алгоритмизация опыта коммеморации в ННЦ СО РАН имеют существенное практическое значение, поскольку сфера публичной памяти, в настоящее время интегрирующая науку, образование, культуру, популяризацию историко-культурного и научного наследия, жизнедеятельности выдающихся личностей, выполняет важную социокультурную функцию создания смыслового пространства социального мифотворчества, существенно влияющего на жизнедеятельность общества, аккумулирует историографический и информационный ресурс для успешной реализации национальных проектов, связанных с модернизацией науки и образования в условиях больших вызовов современности.

¹ Открытый архив СО РАН. – URL: <http://odasib.ru> (дата обращения: 04.06.2021). – Текст: электронный.

Список литературы

1. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
2. Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89–100.
3. Кузьмин Н. Н. Особенности коллективной памяти в традиционных обществах // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Философия. Политология. Культурология»*. 2017. Т. 3, № 2 С. 114–124.
4. Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // *Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 39–44.
5. Аникин Д. А. Пространство социальной памяти: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Саратов, 2008. 46 с.
6. Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры. М., 2013. 506 с.
7. Hewison R. *The Heritage Industry: Britain in a climate of decline*. London: Methuen, 1987. 160 p.
8. Hudson K. *Museums of Influence*. New-York: Cambridge University Press, 1987. 220 p.
9. Hudson K. *Museums: Treasures or Tools?* Strasbourg: Council for Cultural Cooperation, 1992. 61 p.
10. Yates F. *The Art of memory*. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 464 p.
11. *Framing Public Memory* / Edited by Kendall R. Phillips. Alabama: University of Alabama Press, 2004. 269 p.
12. Šola T. *Eternity does not live here anymore - a glossary of museum sins*. Zagreb, 2012. 312 p.
13. Шола Томислав С. Мнемософия: эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России: Ростовский кремль, 2017. 320 с.
14. Ван Менш П., Мейер-ван Менш Л. Новые тренды в музеологии / пер. с англ. В. Г. Ананьева. М.: Перспектива, 2021. 128 с.
15. Шелегина О. Н., Куперштох Н. А., Запорожченко Г. М., Покровский Н. Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // *Гуманитарные науки Сибири*. 2016. Т. 25, № 3. С. 117–122.
16. Покровский Н. Н., Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н. Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и историко-культурное наследие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 128 с.
17. Вишневецкий Е. В. Стратег сибирской науки. Михаил Алексеевич Лаврентьев. Новосибирск: Свиныин и сыновья, 2021. 252 с.
18. Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: к 90-летию Н. Н. Покровского / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2020. Вып. 39. 788 с.

Статья поступила в редакцию 10.06.2021; принята к публикации 17.07.2021

Сведения об авторе

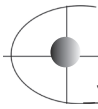
Запорожченко Галина Михайловна, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: galinakoop@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

Библиографическое описание статьи

Запорожченко Г. М. Новые тренды в сфере публичной памяти // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 6. С. 129–138. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-129-138.

References

1. Repina, L. P. Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. Preprint WP6/2003/07. M: 2003. (In Rus.)
2. Ahiezer, A. S. Archaization in Russian society as a methodological problem. *Social sciences and modernity*, no. 2, pp. 89–100, 2001. (In Rus.)
3. Kuz'min, N. N. Features of collective memory in traditional societies. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky*, no. 2, pp. 114–124, 2017. (In Rus.)
4. Romanovskaya, E. V. Maurice Halbwaks: cultural contexts of memory. *Izvestia of Saratov University*, no. 3, pp. 39–44, 2010. (In Rus.)
5. Anikin, D. A. The space of social memory. *Cand. sci. diss. abstr.* Saratov, 2008. (In Rus.)

6. Svyatoslavskiy, A. V. Habitat as a medium of memory: to the history of the national memorial culture. M., 2013. (In Rus.)
7. Hewison, R. The Heritage Industry: Britain in a climate of decline. London: Methuen, 1987. (In Engl.)
8. Hudson, K. Museums of Influence. New-York: Cambridge University Press, 1987. (In Engl.)
9. Hudson K. Museums: Treasures or Tools? Strasbourg: Council for Cultural Cooperation, 1992. (In Engl.)
10. Yates, F. The Art of memory. Chicago: University of Chicago Press, 2001. (In Engl.)
11. Framing Public Memory / Edited by Kendall R. Phillips. Alabama: University of Alabama Press, 2004. (In Engl.)
12. Šola, T. Eternity does not live here anymore - a glossary of museum sins. Zagreb, 2012. (In Engl.)
13. Shola, Tomislav S. Mnemosophy. Science of Public memory. Rostov Velikiy, 2017. (In Rus.)
14. Van Mensh, P., Meje-van Mensh, L. New trends in museology. M., 2021. (In Rus.)
15. Shelegina, O. N., Kupershtoh, N. A., Zaporozhchenko, G. M. The identity of local scientific communities: the experience of formation and translation (based on the materials of the Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). Humanities of Siberia, no. 3, pp. 117–122, 2016. (In Rus.)
16. Pokrovskiy, N. N., Zaporozhchenko, G. M., Shelegina, O. N. Landmark “Novosibirsk Akademgorodok”: scientific and historical and cultural heritage. Novosibirsk, 2018. (In Rus.)
17. Vishnevskiy, E. V. Strategist of Siberian science. Mikhail Alekseevich Lavrentiev. Novosibirsk, 2021. (In Rus.)
18. Actual problems of Russian history, source studies and archeography: To the 90th anniversary of N. N. Pokrovsky. Novosibirsk, 2020. (In Rus.)

Received: June 10, 2021; accepted for publication July 17, 2021

Information about author

Zaporozhchenko Galina M., Doctor of History, Institute of History, Russian Academy of Science; 8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: galinakoop@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

Reference to the article

Zaporozhchenko G. M. New Trends in the Field of Public Memory // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 129–138. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-129-138.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 908(571.55)(049.32)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-139-147

Виктор Иванович Мерцалов,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: mercalov47@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>*

**Факты говорят сами за себя:
монографическое исследование Т. А. Константиновой
об истории архивного дела в Восточном Забайкалье**

В монографии Т. А. Константиновой исследовано формирование и развитие архивного дела в Восточном Забайкалье на протяжении 100 лет. Автор поэтапно рассмотрела условия работы, многостороннюю деятельность архивных учреждений, прежде всего, Государственного архива Забайкальского края. Фактический материал за небольшим исключением – новый. Он свидетельствует о том, что период формирования архивного дела длился в регионе с 1917 по 1939 г., а период его развития – с 1939 по 1991 г. Стилистика проведённого исследования характеризуется максимальной установкой на то, чтобы факты говорили сами за себя. Они излагаются с немногословным авторским сопровождением. Оценки Т. А. Константиновой немногочисленны. Контекст по объёму – минимальный. Свойством контекста обладают названия глав. В первых трёх главах раскрывается формирование архивного дела в годы, когда советская власть преодолевала тяжёлые последствия Гражданской войны и осуществляла глубокую реконструкцию страны. Последние три главы отразили развитие архивного дела в условиях устойчивого состояния государственной власти. Завершающая глава охватывает 1991–2018 гг. В ней показано, что архивное дело не распалось вместе с советским государством. Оно выстояло и перестроилось в новых исторических реалиях. Текст и приложение монографии содержат богатый материал по персоналиям, выявленный автором на основе архивных данных.

Ключевые слова: история архивов Забайкалья, система архивных учреждений Забайкалья, этапы истории архивов Забайкалья, персоналии архивистов Забайкалья, Т. А. Константинова

Victor I. Mertsalov,*Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: mercalov47@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>*

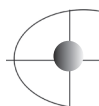
**The Facts Speak for Themselves:
the Monographic Research by T. A. Konstantinova on the History
of National Archives in Eastern Transbaikalia**

In her monograph T. A. Konstantinova investigates the formation and development of archival work in Eastern Transbaikalia over the course of 100 years. The author examined step by step the working conditions, the multilateral activities of archival institutions and, first of all, the State Archives of the Trans-Baikal Territory. The factual material is new, with a few exceptions. It testifies that the period of formation of archival work in the region lasted from 1917 to 1939, and the period of its development – from 1939 to 1991. The style of the study is characterized by the maximum setting for the facts to speak for themselves. They are presented with a laconic author's accompaniment. There are only few estimates by T. A. Konstantinova. The volume context is minimal. The chapters' titles have the context property. The first three chapters reveal the formation of archival affairs in the years when the Soviet government overcame the grave consequences of the Civil War and carried out a deep reconstruction of the country. The last three chapters reflect the development of archiving in the context of a stable state of government. The final chapter covers the period of 1991–2018. It shows that archival work has not fallen apart together with the Soviet state. It has withstood and rebuilt in the new historical realities. The text and the Appendix of the monograph contain rich material on personalities, identified by the author on the basis of archival data.

Keywords: history of the archives in Transbaikalia, system of archive agencies in Transbaikalia, stages in the archives' history in Transbaikalia, personalities of the archivists in Transbaikalia, T. A. Konstantinova

© Мерцалов В. И., 2021

В 2020 г. в издательстве ЗабГУ в свет вышла монография кандидата исторических наук Татьяны Андреевны Константиновой [1], посвящённая исследованию истории архивного дела в Восточном Забайкалье. За плечами автора многолетний опыт исследовательской деятельности [2–6] и 35 лет работы в качестве сотрудника в Государственном архиве Забайкальского края. Основная область её исследований – история культуры региона и управление её развитием. Новая монография – из этого ряда работ автора. Книга – плод многолетнего и кропотливого научно-исследовательского поиска Т. А. Константиновой.

В Восточно-Сибирской историографии прямое отношение к работе Татьяны Андреевны имеют диссертационные исследования и монография В. Ц. Лыскоковой. Они освещают историю архивного дела в Бурятии со второй половины XIX в. по 1991 год и в Байкальском регионе – со второй половины XIX в. по 1938 г. [7–9]. В Забайкальском крае специальные монографические исследования по данной проблеме до настоящего времени не проводились. Хронологически исследование Т. А. Константиновой охватывает весь советский период с выходом на современность (1918–2018).

Представляется, что для монографии Т. А. Константиновой принципиальное значение имела начальная дата хронологического периода – год установления советской власти в Забайкалье. Она давала основание рассматривать архивное дело в регионе как целостное явление, связанное с самого начала с советской государственностью. Конечная дата исследования усиливает его актуальность. Подход автора к теме не сводится к сугубо советской истории. Он гораздо шире.

Целевую установку исследования Т. А. Константинова сформулировала следующим образом: «Восстановить историю **формирования и развития** (выделено нами – *В. М.*) Государственной архивной службы и Государственного архива Забайкальского края во всех формах многогранной деятельности с учётом особенностей каждого исторического периода и **персонально представить архивистов** разных поколений и исследователей, создающих на основе документов научные труды» [1, с. 8].

Работа практически полностью написана на основе архивных источниках. Мак-

симально использованы фонды Государственного архива Забайкальского края. Архивные источники многообразные, включая рукопись воспоминаний С. Г. Варвановича, который в 1960-е гг. возглавлял архивный отдел Читинского облисполкома.

Повествование характеризуется бережным отношением к архивному факту, который, как правило, подаётся с описанием произведённой находки. Вот как автор описывает обнаруженные сведения о А. Ф. Матросове: «В ГАЗК хранится документ от 4 ноября 1925 г. о создании архивов при уездных исполкомах, подписанный заведующим губернским архивным бюро А. Ф. Матросовым; хорошо сохранился автограф и расшифровка подписи. Выявлен также документ, касающийся самого А. Ф. Матросова; он оказался в личном деле сотрудника архива В. В. Старикова. Документ называется “Подписка о неразглашении государственной тайны при переходе на другую работу А. Ф. Матросова”. Документ датирован 19 апреля 1929 г.» [Там же, с. 21].

Монография состоит из девяти разделов-глав, включая введение и заключение. Имеется приложение (персоналии), состоящее из 42 развёрнутых биографий архивистов и исследователей Восточного Забайкалья.

Введение названо «Архивное дело в Забайкальском ракурсе». Главы следуют друг за другом без их цифрового обозначения: «Революционная перестройка», «Советские преобразования», «В период крутого перелома», «Под началом НКВД», «В системе МВД», «Под управлением облисполкома», «В новой России».

Это создаёт впечатление, что повествование развёртывается как исторический свиток. Но в глубине повествования изложение структурировано. В каждой главе отслеживаются такие стороны развития архивного дела, как штаты и кадры, рост объёма хранения документов (число фондов и количество единиц хранения), обеспечение помещениями, работа по сохранности документов, их доступности для населения и исследователей, научно-исследовательская и просветительская работа. Указанные направления рассматриваются в координате двух главных учреждений системы архивного дела – архивных управлений или отделов, стоявших во главе архивов всех уровней региона, и Областного (в настоящее

время – краевого) государственного архива, несущего на себе основную тяжесть архивной работы в регионе.

Перечисленные стороны отражают не только специфику архивного дела, но и несут на себе неизгладимую печать времени. От главы к главе достаточно полно раскрывается исторический процесс развития архивного дела в Восточном Забайкалье протяжённостью в 100 лет.

Названия глав обладают свойством контекста. Три первые из них имеют привязку к историческому процессу: «Революционная перестройка», «Советские преобразования», «В период крутого перелома». В последующих трёх главах – «Под началом НКВД», «В системе МВД», «Под управлением облисполкома» – архивное дело рассматривается в привязке к государственным ведущим структурам. В последней главе «В новой России» контекст исторического процесса сочетается с описанием существования архивных учреждений в системе уже установившейся новой государственной власти в регионе. Таким образом, название глав – немногословное, но ёмкое отражение исторических условий, в которых приходилось развиваться архивному делу в Восточном Забайкалье.

Стилистика исследования характеризуется тем, что автор не спешит делать из исследования обобщения, выводы и оценки. Он стремится к тому, чтобы читателю сами факты «говорили за себя» при минимальном сопровождении авторских выводов и оценок.

Во введении «Архивное дело в забайкальском ракурсе» раскрывается созревание перехода архивов к образованию централизованной государственной системы управления. В начале XX столетия эта потребность не была решена царской властью. Забайкальский ракурс представлен формированием фондов Нерчинского воеводства, Нерчинского горного округа, Забайкальского областного управления, Забайкальского отделения Императорского русского географического общества, Управления Забайкальской железной дороги.

Первая глава «Революционная перестройка» охватывает период 1917–1922 гг. Автор по возможности создаёт широкую панораму становления архивного дела в Забайкалье. Его внимание сосредоточено и на принципиальных решениях Советско-

го правительства, которые из-за кратковременного существования власти Советов в Забайкалье до Гражданской войны не были реализованы. В монографии освещается положение архивов в период семёновского режима, а затем в период ДВР. При любой власти архивы находились в поле их внимания, что обеспечивало минимизацию потерь архивных документов в годы гражданской междоусобицы.

В конечном итоге создание советской государственной системы управления архивами имело принципиальное значение для сохранения архивных фондов. Более того, в период революционных потрясений, вплоть до второй половины 1920-х гг., архивным работникам пришлось настойчиво работать над возвращением документов, оказавшихся предметом торговли на рынке и в розничной сети из-за дефицита бумаги. Эта функция стала исчерпывающе главной [1, с. 20, 22].

Первая попытка организации государственного архивного дела в Забайкалье была сделана в период ДВР. В составе Министерства народного просвещения архивным делом руководил В. И. Медяков. После ДВР архив оказался под управлением Забайкальского губисполкома. 23 декабря 1923 г. он создал Забайкальское архивное бюро – «первый официальный орган управления архивным делом» [Там же, с. 11, 14].

Несмотря на то что общественно-политическое положение в регионе укреплялось, вплоть до образования Читинской области в 1937 г. шёл устойчивый поиск оптимального варианта административно-территориальной организации региона. Из-за этого вертикаль подчинённости в регионе часто менялась.

Важным фактором нарастающей устойчивости положения архива в 1920–1930-е гг., как свидетельствуют факты монографии, было получение постоянного помещения под архив, которым стали подвальные помещения бывшего доходного дома купцов братьев Зазовских. Здесь забайкальский архив в крайне стеснённом положении находился более 40 лет. Для современного молодого читателя это может показаться отсутствием внимания власти к архивному делу. Но это было далеко не так. При любом политическом режиме, как показано в исследовании, властям приходилось постоянно решать проблему размещения архивов

в крайне трудных условиях. Забайкальское архивное бюро получило подвальные помещения под сильным давлением из Москвы.

Другим фактором постепенного усиления устойчивости положения архивного дела в Забайкалье стало решение кадровой проблемы. После ликвидации ДВР, утраты Читой столичного статуса и перевода Государственного института народного образования из Читы во Владивосток найти даже непрофильного работника, но с высшим образованием, как это произошло с назначением в октябре 1921 г. на архивное дело выпускника МГУ В. И. Медякова, было сложно. Сказывалась и политика советской власти, основанная на классовом подходе, и политическая мотивация интеллигенции, отношение которой было неоднозначным. В результате даже всесторонняя образованность В. И. Медякова оказалась не востребованной в организации архивного дела в Чите [1, с. 13].

Автор восстановила имена советских архивных работников. Среди них первые заведующие губернским архивным бюро – Росихин, С. М. Попов, А. Ф. Матросов, В. Ф. Рытов, Савосин, в основном это были выходцы из крестьян и рабочих. В лучшем случае некоторые имели среднее образование. А. Ф. Матросов прошёл специальную подготовку, окончив архивные курсы в Москве.

Москва не оставляла архивы в регионах без внимания. На основе отчёта С. М. Попова описывается работа Первого Всероссийского съезда архивных деятелей (1925), делегатом которого он был [Там же, с. 17].

В 1920-е гг. все делалось практически впервые, начиная от распределения архивных фондов по стеллажам и заканчивая выделением комнаты под читальный зал, правда, вскоре изъятой на многие годы для военного ведомства. В 1926 г. было проведено первое совещание с работниками архивов региона [Там же, с. 23–24].

После упразднения губернии и введения в Восточном Забайкалье в 1926 г. окружного деления вместо единого губернского архивного бюро появились два самостоятельных бюро – Сретенское и Читинское, с их подчинением архивной службе Дальневосточного края, а затем Дальневосточной области.

С 1930 г. руководство архивами Восточного Забайкалья перешло к архивной службе Восточно-Сибирского края, затем – Вос-

точно-Сибирской области. В 1930 г. окружные бюро были ликвидированы. В Восточном Забайкалье остался только Читинский архивный отдел. Он принял все фонды бывшего Сретенского окружного архивного бюро и непосредственно подчинялся структурам Восточной Сибири.

В монографии прослеживается появление в 1930-е гг. районных архивов, история превращения архивов в научные учреждения. В Читинском архивном отделении появляется должность научного сотрудника. В должности научного работника с месячным окладом 332 рубля значился И. М. Давидович, о котором представлен развернутый биографический материал [Там же, с. 36–37]. Для консолидации сил, способных вести научно-исследовательскую работу, немаловажное значение имело объединение краеведов. Автор рассказывает о историко-революционной секции Забайкальского отделения Дальневосточного общества краеведения за 1930 г. Членами секции стали А. Г. Григорьев и бывшие руководители архивного бюро В. Ф. Рытов и А. Ф. Матросов. Высокой активностью отличался член секции А. П. Окунцов. К работе секции привлекались бывшие политкаторжане, ссыльнопоселенцы, участники революционного и партизанского движения. В монографии характеризуются первые изданные работы – «Партизаны. Три года героической борьбы рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов» (1929) и «Советское Забайкалье» (1940), появившееся по инициативе и при активном участии И. М. Давидовича [Там же, с. 35–36].

С 1929 по 1938 г. Читинским архивным отделом руководил А. Г. Григорьев. Его политическая биография сложилась сложно. Сначала он был левым эсером, затем стал коммунистом. О нем автор сообщает малоизвестную информацию [Там же, с. 31–32, 34].

В сентябре 1937 г. Восточно-Сибирскую область с центром в Иркутске упразднили. Вместо неё появились Иркутская и Читинская области. Изменилась и организация управления архивным делом. Восточно-Сибирское архивное управление заменили двумя областными архивными управлениями – Иркутским и Читинским. Читинское архивное управление, отмечает автор, руководило двумя областными архивами: историческим и архивом Октябрьской революции.

Вместе «они руководили двумя национальными архивами – Витимо-Олёкминским и Агинским Бурят-Монгольским, и 11 районными архивами». Автор выделяет одну очень важную особенность – областной исторический архив и архив Октябрьской революции являлись составной частью Читинского архивного управления, «имели общее с ним штатное расписание и финансирование» [1, с. 34]. Таким образом, архивы ещё не стали самостоятельными учреждениями.

В целом в монографии показано, что к моменту создания Читинской области в 1937 г. сформировались основные учреждения архивной системы в Восточном Забайкалье, обозначились главные направления ее деятельности. Можно констатировать, что первая задача общей цели исследования – «восстановить историю формирования... государственной архивной службы и государственного архива Забайкальского края» в монографии была достигнута.

Решение второй исследовательской задачи – восстановить историю развития архивного дела находим в последующих трёх главах – «Под началом НКВД», «В системе МВД», «Под управлением облисполкома». По этой проблеме в регионе выделяются два отправных факта: 1) передача в январе 1939 г. в Управление НКВД по Читинской области областного архивного управления, преобразованного в архивный отдел; 2) создание в апреле 1941 г. Государственного архива Читинской области с введением должности директора и собственных штатов из 16 человек. Приводятся данные по распределению обязанностей между ними [Там же, с. 42, 44–45]. Показано, что архив Октябрьской революции по штатам входил в состав Госархива. Его фонды находились в ведении научного сотрудника Госархива, одновременно ведавшего военными фондами. Архивный отдел возглавил младший лейтенант госбезопасности Н. М. Доманский, проработавший вплоть до 1949 г. Директором Государственного архива Читинской области стала В. Ф. Базанова, возглавлявшая архив до 1958 г. Автор приводит их биографии, составленные на основе архивных данных, даёт высокую оценку их деятельности.

Безусловно, смена подчинённости архивного дела – сначала НКВД, МВД, затем Читинскому облисполкому – свидетельствовали о постепенной смене режима его функционирования. Читатель, знакомясь с гла-

вой «Под началом НКВД», возможно, будет ожидать новых фактов о «жертвах» НКВД. Конечно, массовые репрессии не обошли стороной и архивное дело. Под репрессии попал сам А. Г. Григорьев. Основная масса фактов свидетельствует о том, что происходило укрепление архивного дела в годы управления НКВД. Читатель, знакомясь с тремя главами, видит, что режим управления постепенно смягчался, свобода деятельности архивных учреждений росла.

В монографии показано не только создание Государственного областного архива как самостоятельного учреждения, в ней отслеживается развитие районного звена архивов. Раскрываются такие сюжеты, как их укрупнение с 1957 г., и создание межрайонных архивов «с собственной сметой и штатным расписанием», с 1967 г. – создание филиалов областного Государственного архива [Там же, с. 69, 76].

Внимание к работе с ведомственными архивами возросло с 1943 г. Их сеть росла медленно. При наличии 223 областных и городских учреждений, предприятий и организаций в Читинской области действовало только до 12 ведомственных архивов. Изменить радикально каким-то образом создавшееся положение как в ведомственном, так и в районном звене архивов не представлялось возможным. Проблема заключалась в крайне слабом их материально-техническом обеспечении, но самое главное – в тяжёлом положении с кадрами. Автор приводит данные за 1945 г., когда в районах ввели должность заведующих архивами. Из 32 районных архивов в 16 эти должности были вакантными. Из 16 назначенных 11 человек имели низшее образование, 4 – незаконченное среднее, один сотрудник был малограмотным. Средний возраст работников составлял 19–25 лет.

Об объёме проводимой работы архивными работниками говорят многие факты, отмеченные в монографии. За 1945 г. архивисты провели 10 заседаний экспертно-методической комиссии, рассмотрели 37 отборочных списков с количеством 7 262 единицы хранения. Из этого числа оставили для хранения только 84 дела. В целом объём хранения документов в государственных архивах Читинской области постоянно рос. В 1978 г. в них хранилось 3 262 фонда, из них советских – 2 982, в которых числилось 487 413 дел.

С объёмом работы росла потребность Государственного архива Читинской области в увеличении штатов. В послевоенный период их численность до 1957 г. почти не менялась. В штате за 1945 г. числилось 15 человек, из них архивных работников вместе с директором – 6 человек. В конце 1950-х гг. усиливается смена кадров, приходят более образованные работники. С 1967 г. стали создаваться специализированные отделы. Появились отделы комплектования, научного использования документов, учёта и научно-справочной работы. Описывается зональный семинар заведующих районными и городскими государственными архивами Восточной Сибири, проведённый ГАУ при Совете министров РСФСР в октябре 1968 г. в Чите [1, с. 84].

Со второй половины 1960-х гг. создают такие постоянно действующие подразделения, как хозрасчётная группа, экспертно-проверочная комиссия. В 1989 г. директор Госархива З. Г. Ульянова создала отдел научно-справочного аппарата (НСА) [8, с. 82, 92, 96]. Постепенно накапливались изменения в «технологии» сохранности документов. Основной такой технологией было размещение документов в коробки – картонирование. За 1953–1970 гг. оно составило 95 %. Организовали фотолабораторию, проводили микрофильмирование [1, с. 58, 86–87, 103, 117].

В исследовании Т. А. Константиновой во всех главах даётся характеристика условий работы Госархива. Это направление выступает в исследовании одним из основных. Оно многоаспектно – охватывает обеспечение архива помещениями, штатами, кадрами, условиями труда и его оплаты. Исследователь показывает, что они в послевоенное время настоящим образом вплоть до 1957 года не решались, не было возможности их решить. Даже патронаж НКВД и МВД не мог помочь. Но с 1955 г. эти проблемы всё-таки попадают в поле устойчивого внимания областной власти. В 1956 г. проведён ремонт помещений архива, сделана заявка на строительство специализированного для архива помещения, в 1957 г. увеличены штаты и заработная плата архивистов [Там же, с. 62–63, 68–69]. В середине 1970-х гг. численность работников архива достигла 22 человек.

Важнейшим событием в истории архивов региона послевоенного времени стало строительство в Чите специализированного

здания для областного архива (1972–1978). Большую роль в его создании сыграла начальник архивного отдела облисполкома А. П. Айкина. К 1986 г. из 22 районных архивов 18 перевели из деревянных в каменные здания [Там же, с. 79–80, 118].

Татьяна Андреевна Константинова отметила изменение режима доступности исследователей к архивным документам. На режим доступности повлияли, прежде всего, годы войны. В 1941 г. создали секретный отдел. Начало рассекречивания относится ко второй половине 1950-х гг., активное его расширение произошло в конце 1980-х–1990-е гг. [Там же, с. 47–48, 52, 60, 87–88, 123].

В монографии показано, что в послевоенные годы научно-исследовательская и просветительская работа приобрела развёрнутый характер. В центре этой деятельности находился Научный совет, созданный в 1948 г. Председателем Научного совета каждый раз становился человек, занимающий должность начальника архивного отдела. Раскрывается персональный состав Совета в 1953–1968 гг. [Там же, с. 54–55, 60, 73–74, 99]. Совет действовал на общественных началах и всегда имел широкий актив. Результатом деятельности Научного совета в 1950–1960 г. стало появление книг «Революционное движение в Забайкалье 1905–1907 гг.» (1955), «Справочник-путеводитель – Чита», «Читинская область» (1959) [Там же, с. 65–66]. В 1960-е гг. архивисты и историки участвовали в работе над академической «Историей Сибири», изложенной в пяти томах. Для нее подготовили материалы В. Г. Изгачев (история Нерчинских заводов); Г. В. Грунин и Е. А. Сюткина (сведения о тружениках сельского хозяйства Читинской области в годы войны); Б. М. Шерешевский (история ДВР) [Там же, с. 104].

В 1970-е гг. появился сборник материалов научной конференции, посвящённой 50-летию освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов, вышла «Хрестоматия по истории Читинской области». Продолжало развиваться сотрудничество с архивами других регионов. Появились сборники документов «Культурное строительство Сибири в 1917–1941 гг.» (Новосибирск, 1979), «Кооперативно-колхозное строительство в Восточной Сибири (1918–1927 гг.)» (Иркутск, 1979).

В последней главе «В новой России» читатель знакомится с последствиями рас-

пада советской государственности, что отразилось на архивном деле в регионе. Глава начинается с освещения создания единого государственного архива на основе объединения государственного архива области с областным партийным архивом. Естественно, были и отрицательные последствия государственного распада. Но они по масштабам и глубине не шли ни в какое сравнение с последствиями 1917 г. и Гражданской войны. Как свидетельствуют факты монографии, управляемость архивным делом сохранялась. Вместо архивного отдела Читинского облисполкома появился архивный отдел Администрации Читинской области с теми же функциями и штатами, что были ранее [1, с. 126]. Возглавляла его в этот период В. В. Яковлева. Но объем работы резко увеличился. В монографии отмечено, что архивы Читинской области выдержали в 1991 и 1993 гг. две «волны» непланируемого наплыва архивных документов под влиянием ликвидации в регионе советской политической и хозяйственной системы [Там же, с. 127]. Отмечено, что далеко не все ликвидируемые предприятия сдавали свои документы в архивы, архивистам Читинской области пришлось самоотверженно собирать «бесхозные документы» [Там же, с. 128]. Особенно большое внимание было уделено сохранению документов по личному составу учреждений и предприятий. В целом Государственный архив Забайкальского края не допустил утраты документов [Там же, с. 148].

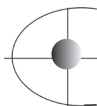
В монографии показано, что влияние решений, позволяющих увеличить штаты, минимизировалось оптимизацией районного звена архивов: государственные архивные филиалы в районах снова преобразовывали в районные архивы. Их позицию понизили с государственного статуса до муниципального ранга, что оборачивалось потерей кадров. В деятельности читинских архивистов период с 1991 по 2000 г. характеризуется как время рутинной и одновременно сложной работы. «Она – по оценке автора, – стала приоритетной. ...Научно-исследовательская деятельность была вынужденно приостановлена» [Там же, с. 128], но не прекращена.

Материалы монографии свидетельствуют о том, что архивное дело стало выходить из сложившегося трудного состояния во второй половине 1990-х гг. В это время был успешно решён кадровый вопрос по руководящему составу архивного дела. В

1996 г. директором Государственного архива был назначен П. М. Мирончук. В 1997 г. архивный отдел Администрации Читинской области возглавил А. В. Макуров [Там же, с. 129, 242]. В этом же году 10 районных архивов преобразовали в районные отделы по делам архивов, их работников перевели в категорию госслужащих. В 1998 г. организовали Государственный архив документов по личному составу Читинской области. Решающую роль в его создании сыграл А. В. Макуров [Там же, с. 128, 135]. Он способствовал укреплению правового положения областного государственного архива, муниципальных архивов и Управления архивным делом Администрации Читинской области, созданного в 2000 г. вместо прежнего архивного отдела [Там же, с. 137, 242].

Постепенный выход архивных учреждений из тяжёлого положения хорошо прослеживается на материалах Государственного архива Читинской области (с 2008 г. – Забайкальского края). При директоре архива П. М. Мирончуке стал полноценно действовать совещательный орган – дирекция. Здесь регулярно обсуждались проблемы деятельности и жизни коллектива [Там же, с. 130]. Этому способствовал опыт бывшего директора ГАЧО З.Г. Ульяновой. В 1998 по ее инициативе образовали информационный отдел, который она успешно возглавляла. Он сыграл главную роль в переводе работы архива на новые технологии, связанные с компьютеризацией. Архив в этой области накопил передовой опыт, который оказался полезным для архивов соседних регионов [Там же, с. 132, 133]. В 1996 г. началась активизация научно-исследовательской работы с участия архивистов в работе над первым томом «Энциклопедия Забайкалья. Читинская область», вышедшим в 2000 г.

В 2001–2015 гг. система архивов Восточного Забайкалья получила новые импульсы развития. Под влиянием образования Забайкальского края в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа в 2008 г. вместо Областного управления по делам архивов был создан краевой Департамент [Там же, с. 189], которым руководил А. Г. Гаученов. В 2014 г. в Чите было проведено плановое заседание Научно-методического совета архивистов Сибирского федерального округа (НМС СФО). Оно подробно в рамках темы исследования описано в книге [1, с. 190–191].

Тема заседания – «Популяризация историко-документального наследия регионов. Информационное обеспечение пользователей архивной информацией». При её обсуждении по существу были подведены итоги развития архивного дела в Забайкальском крае. Главный вывод, сделанный на заседании, – «сохранение архивной службы как отдельной отрасли в системе исполнительных органов государственной власти края». В 2015 г. Департамент по делам архивов был упразднён, вновь созданный отдел архивов оказался в составе краевого Министерства культуры [1, с. 191–192].

Тема заседания была неслучайной. Государственным архивом Забайкальского края был накоплен большой положительный опыт научного использования архивных документов и популяризации историко-документального наследия.

Это стало характерной чертой деятельности читинского государственного архива в 2000-е гг. В 2002 г. в архиве был создан отдел научно-издательской работы и использования документов, возглавляемый заместителем директора по научной работе (в 2002–2012 гг. – Т. А. Константинова, с 2012 г. – Л. М. Карчанова). В нем появились сектор научной и исследовательской работы, успешно возглавляемый Т. П. Казаковой в течение 10 лет, и сектор справок [Там же, с. 150–151, 230].

Отдел и его структура соответствовали основным задачам: реализации проек-

та «Энциклопедия Забайкалья», изданию сборников документов о Читинской области и Читы в годы войны; воспоминаниям забайкальцев – участников войны; изданию Читинского архивного альманаха, современных путеводителей по фондам краевого архива [10–12]. Развернулась активная просветительская работа. Работы архивистов публиковались в периодических изданиях, участвовали в радио- и телепередачах, в создании документальных фильмов по историческому краеведению и организации тематических выставок.

Всё это нашло полное отражение на страницах монографии. Кроме того, книга знакомит читателя с библиотекой и её книжным, журнальным, газетным фондами, с историей работы читального зала. Таким образом, получилась полноценная монография с богатым фактическим содержанием.

Подводя итоги рассмотрению монографии, отметим, что поставленная цель исследования автором была достигнута. В ней показано, что формирование архивного дела в Восточном Забайкалье охватывало период с 1918 по 1939 г., период его развития происходил с 1939 по 1991 г. Раскрыты трудности, успехи и новые проблемы развития архивного дела в Забайкальском крае в начале нового столетия. В центре исторического повествования монографии – люди – те, кто создавал историю архивного дела в Восточном Забайкалье.

Список литературы

1. Константинова Т. А. Архивное дело в Забайкалье. 1918–2018 / отв. ред. М. В. Константинов. Чита: ЗабГУ, 2020. 260 с.
2. Константинова Т. А. Забайкалье в XIX – начале XX в. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 2 т. Т. 1. Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. С. 159–175.
3. Константинова Т. А. Народное образование в XVIII – начале XX в. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 2 т. Т. 1. Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. С. 175–182.
4. Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья (1851–1917). Чита: Тип. Богданова Г. Г., 2001. 91 с.
5. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 2010. 168 с.
6. Константинова Т. А. Административно-территориальное устройство Забайкальского края в историческом развитии (1655–2009 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность. История и современность: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита – г. Маньчжурия, 11–15 окт. 2011 г.) / отв. ред. М. В. Константинов. Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 17–22.
7. Лыскокова В. Ц. История организации и развития архивного дела в Республике Бурятия (60-е годы XIX в. – 1991 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 1991. 19 с.
8. Лыскокова В. Ц. Архивное дело в Байкальском регионе: становление и развитие (вторая половина XIX в. – 1938 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 267 с.
9. Лыскокова В. Ц. История становления и развития архивного дела в Байкальском регионе (вторая половина XIX в. – 1938 г.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2010. 45 с.
10. Государственный архив Читинской области. Путеводитель по фондам КПСС. Чита: Экспресс-издательство, 2005. 304 с.

11. Государственный архив Забайкальского края: путеводитель по фондам Государственного архива Забайкальского края: в 2 т. Т. 1. Чита: Экспресс-издательство, 2012. 224 с.

12. Государственный архив Забайкальского края: путеводитель по фондам Государственного архива Забайкальского края: в 2 т. Т. 2. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 536 с.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; принята к публикации 12.11.2021

Сведения об авторе

Мерцалов Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; e-mail: mercalov47@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>.

Библиографическое описание статьи

Мерцалов В. И. Факты говорят сами за себя: монографическое исследование Т. А. Константиновой об истории архивного дела в Восточном Забайкалье // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 139–147. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-139-147.

References

1. Konstantinova, T. A. The National Archives at Transbaikalia 1918–2018. Editor-in-chief M. V. Konstantinov; Zabaikalsky State University: Chita: Zab. St. Un., 2020. (In Rus.)

2. Konstantinova, T. A. Transbaikalia during the 19th century – beginning of the 20th century. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region: in 2 Vol. Geniatulin, R. F., main editor. Novosibirsk: Nauka, 2000: Vol. 1: Combined sketch: 159–175. (In Rus.)

3. Konstantinova, T. A. People's Education during the 18th century – beginning of the 20th Century. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region: in 2 Vol. Geniatulin, R. F., main editor. Novosibirsk: Nauka, 2000: Vol. 1: Combined sketch: 175–182. (In Rus.)

4. Konstantinova, T. A. Governors of Transbaikalia (1851–1917). Chita: Printing-office by Bogdanov G. G., 2001. (In Rus.)

5. Konstantinova, T. A. Mining Education in Transbaikalia (18 century – beginning of the 20 century). Novosibirsk: Nauka, 2010. (In Rus.)

6. Konstantinova, T. A. The Administrative-Territorial arrangement of Zabaikalsky Krai in its historical development (1655–2009). Trans-Border Cooperation and Foreign Economic Activity: History and Contemporaneity. Papers of the International Scientific Conference, 2011 (Chita – Manchuria, October 11–15). ZabGPU, Chita, 2011: 17–22. (In Rus.)

7. Lyksokova, V. Ts. The History of the Creation and Development of Archive's State Service in Buryat Republic (the 1860s – 1991s). Extended abstract of dissertation to competition of degree of Candidate in Historical Science. Ulan-Ude, 1991. (In Rus.)

8. Lyksokova, V. Ts. The Archive's State Service in Baikal Region (the Second Half of the XIX Century – 1938). Ulan-Ude: BNC CO RAO, 2010. (In Rus.)

9. Lyksokova, V. Ts. The History of Becoming and Development of State Archive's Service in Baikal Region (the Second Half of the XIX Century – 1938). Abstract diss. doctors of sciences. Ulan-Ude, 2010. (In Rus.)

10. State Archive of Chita Region. Guide-Book to Archive's Foundations CPSU. Chita: Express-publishing house, 2005. (In Rus.)

11. State Archive of Zabaikalsky Krai: Guide-book to archive's foundations: in 2 Vol. Vol. 1. Chita: Express-publishing house, 2012. (In Rus.)

12. State Archive of Zabaikalsky Krai: Guide-book to archive's foundations: in 2 Vol. Vol. 2. Chita: Express-publishing house, 2014. (In Rus.)

Received: October 10, 2021; accepted for publication November 12, 2021

Information about author

Mertsalov Victor I., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: mercalov47@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>.

Reference to the article

Mertsalov V. I. The Facts Speak for Themselves: The Monographic Research by T. A. Konstantinova on the History of National Archives in Eastern Transbaikalia // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 139–147. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-139-147.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 37: 93/94:378(092)(571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-148-156

Наталья Николаевна Константинова,
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова
(г. Чита, Россия),
e-mail: asyapogod@yandex.ru

**Педагог, археолог, краевед, музейвед: к 65-летию
Александра Васильевича Константинова**

Статья посвящена научной и педагогической деятельности доктора исторических наук, профессора, председателя Забайкальского отделения Русского географического общества Александра Васильевича Константинова. Материал подготовлен в связи с 65-летием учёного. Отмечен вклад Александра Васильевича в историческую науку региона, особенно – в изучение его древней истории. Дана оценка роли исследователя в развитии образования и просвещения, в подготовке педагогических кадров в Забайкальском крае.

Ключевые слова: А. В. Константинов, Забайкальский край, Чита, Забайкальский государственный университет, историко-филологический факультет, историк, археолог, педагог

Natalia N. Konstantinova,
Transbaikal Regional Museum named after A. K. Kuznetsov
(Chita, Russia),
e-mail: asyapogod@yandex.ru

**Educator, Archeologist, Local History Export, Museographer
(65th anniversary of Alexander Vasilyevich Konstantinov)**

The article deals with scientific and educational activity of Alexander Vasilyevich Konstantinov, Doctor of Historical Sciences, Professor, chairman of Transbaikal Branch of the Russian Geographical Society on the occasion of his 65th anniversary. The scientist's contribution to the historical science of the region, especially to the study of its ancient history is presented and his role in the development of education, including the training of teachers in Transbaikal region is assessed in the paper.

Keywords: A. V. Konstantinov, Transbaikal region, Chita, Transbaikal State University, History and Philology Faculty, historian, archaeologist, educator

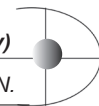
Рис. 1. Александр Васильевич Константинов

Fig. 1. Alexandr V. Konstantinov

Александр Васильевич Константинов – один из немногих в Забайкалье исследователей археологии четвертичного периода, археолог-палеолитчик и активный популяризатор древней истории края. Вместе с тем педагог, воспитатель студенчества, организатор краеведческих исследований и сам их непосредственный участник. Его научные труды и учебно-методические пособия занимают важное место в сибирской и забайкальской историографии. В настоящее время Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Забайкальского государственного университета, председатель Забайкальского регионального отделения Русского географического общества. В его профессиональной биографии работа в школе и вузе, 45 полевых археологических сезонов, организация и участие в многочисленных научных конференциях, научно-просветительских проектах и т. д.

© Константинова Н. Н., 2021

А. В. Константинов родился 14 сентября 1956 г. в г. Свободный Амурской области в семье школьных учителей-историков Василия Степановича и Веры Петровны Константиновых, в Чите проживает с 1962 г. Именно родители со старшим братом Михаилом, вузовским преподавателем истории, повлияли на выбор профессии. Поэтому после окончания школы (обучался в школах № 3 и 2 г. Читы) Александр поступил на историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского (ЧГПИ). На историческом отделении, считавшемся одним из передовых в вузе, работали высокие профессионалы, среди которых Я. И. Дразнина, А. М. Соколова, А. Г. Патронова, Л. Б. Соколовская, И. И. Кириллов, А. И. Юнель, О. М. Дружинина; действовали Музей археологии Забайкалья, начало которому положил И. И. Кириллов, и Музей Ленина, созданный Б. Л. Лигой. Весь период учёбы в 1973–1977 гг. учителя, а также брат М. В. Константинов формировали интересы, что повлияло на профессиональное самоопределение и последующий выбор профессии.

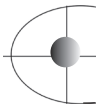
В археологическом кружке студенческого научного общества формировались исследовательские навыки. Полученный ещё семиклассником первый опыт археологических раскопок на Ононе (поселение Арын-Жалга) совершенствовался на археологической практике на Титовской сопке на р. Ингода возле Читы (поселение Сухотино-4). Данному памятнику Александр посвятил первый научный доклад, сделанный на заседании археологического кружка, позднее, в 1976 г., выступил с ним в Новосибирске на региональной студенческой конференции (РАСК). В 1974 г. в составе Чикойского археологического отряда два месяца на грузовой машине ГАЗ-51 участвовал в исследовании древних памятников Толбага, Черемушки, Подлапатки, Фомичево, Студеное, Читкан в долинах Хилка и Чикоя, позднее широко известных в сибирской археологии. Опыт участия в РАСКе пригодился на следующей подобной конференции в 1977 г. (Новосибирск), затем – в Москве на Всероссийской археологической студенческой конференции (ВАСК). К тому времени вышла первая научная публикация Александра Васильевича о раскопках на поселении Толбага (совместно с С. И. Лихановым и М. В. Константиновым). Памятны-

ми стали встречи в Новосибирске, позднее – в Чите с академиком А. П. Окладниковым.

С середины 1970-х гг. исследования на памятниках археологии стали проводиться совместно с Институтом геологии БФ СО РАН (Улан-Удэ). Знакомство и совместная работа с Д.-Д. Б. Базаровым, его дочерью Л. Д. Базаровой, позднее с известным московским специалистом по четвертичной геологии С. М. Цейтлиным помогли глубже понять взаимосвязь исторических и геологических процессов, осознать значение стратиграфии в установлении возраста культурных отложений. Значимость этих учёных отражена в специальном разделе сборника «На пользу и развитие русской науки» (Новосибирск, 2005), редакторами-составителями которого стали братья Михаил Васильевич и Александр Васильевич Константиновы, переданный в 1990-е гг. в археологическую лабораторию Читинского пединститута личный архив С. М. Цейтлина послужил важным руководством в дальнейших исследованиях.

Увлечение археологией способствовало проявлению педагогических способностей. Ещё в студенчестве А. В. Константинов стал руководителем археологического кружка во Дворце пионеров и школьников г. Читы, а также учителем истории в школе рабочей молодёжи № 14 при пединституте. Затем был одним из организаторов и руководителей секции археологии Забайкальской малой академии наук (ЗМАН) (созданной по инициативе директора Дворца пионеров, заслуженного учителя школы РСФСР В. П. Константиновой), первых школьных археологических экспедиций. Практическую работу в археологическом кружке ЗМАН Александр Васильевич совмещал с подготовкой дипломной работы по мезолиту Западного Забайкалья, которая строилась на материалах раскопок мезолитических культурных горизонтов поселения Студеное-1 и геологических данных памятника. По завершении учёбы его дипломная работа была оценена на «отлично» как выпускной экзамен по истории СССР, по окончании института А. В. Константинов получил диплом с отличием.

Археология – научная сфера, которая привлекает студенческую молодежь не только желанием познания, но и своей романтикой и жаждой странствий. В провинции, где нет академических научных учреждений, она обычно граничит с увлечением,

не выходя на уровень узкой специализации, как правило, сопряжена с преподавательской и воспитательной работой в вузе, школе или каком-либо другом учебном заведении. Одни, увлечённые археологией, ограничиваются любительским интересом, другие идут дальше и вместе с полевыми исследованиями ведут лабораторную работу с упорядочиванием накопленных коллекций, написанием обязательных отчётов в вышестоящие археологические инстанции, защищают диссертации. А. В. Константинов по окончании вуза, став учителем истории (трудился в читинских школах № 19, 40 и 3), несмотря на большую нагрузку, летом 1978 г. вновь участвовал в раскопках поселения Студеное; в 1979 г. вместе с женой Н. Н. Константиновой, тоже в студенческие годы занимавшейся археологией, полугодовалым сыном Сергеем –

в Толбаге. Летом 1980 г. впервые в составе разведотряда во главе с М. В. Константиновым Александр Васильевич на байдарках осваивает ещё неизвестную и загадочную в забайкальской археологии реку Мензу (от с. Менза до устья и далее до с. Нижний Нарым к археологическому поселению Студеное). В составе отряда были Л. В. Семина, Л. Д. Базарова, а также студенты В. Черепанов, В. Сумароков, Л. Подглазова, О. Левенберг, Е. Бахметьева, Т. Филатова, В. Колосов, С. Васильев, Н. Хлызов, Н. Баженов, Ю. Сурин, А. Одоев. В следующем году сплав повторился: открыты Кристинкина и Егоркина пещеры, многослойные поселения Усть-Шонуй, Солонцовое, Алтан, Еловка, Косая Шивера, а также комплекс памятников в устье Мензы, ставшие фундаментом исследований в данном районе на все последующие годы.

Рис. 2. Участники экспедиции по р. Менза. 1981 г.

Fig. 2. Members of the Expedition along the River Menza. 1981

В 1980 г. А. В. Константинов, продолжая преподавать в школах, возглавил отдел туризма и краеведения во Дворце пионеров

и школьников г. Читы. Своей кружковой работой, организацией и проведением городских краеведческих конкурсов, конферен-

ций, слётов, соревнований он способствовал дальнейшей популяризации туризма и краеведения в крае. В настоящее время он с благодарностью вспоминает тех, кто помогал превратить Дворец пионеров и школьников в признанный городской центр туристско-краеведческой работы. Это его старшие коллеги – основоположники школьного туризма и краеведения в Читинской области Э. Г. Глазунова и В. И. Дутова, руководители областной станции юных туристов Н. С. Желудкова и Г. И. Капаницкая, первый секретарь горкома ВЛКСМ Р. Ф. Гениатулин и заведующий отделом спортивной и оборонно-массовой работы комитета В. В. Корячкин. Одновременно А. В. Константинов руководил областным школьным археологическим лагерем, который ежегодно организовывался в Толбаге (р. Хилок), на Студеном (р. Чикой), в Усть-Мензе (р. Менза), где также проходили педпрактику студенты-историки. Решая научные и воспитательные задачи, А. В. Константинов вместе с коллегами-учителями (Б. Н. Туганов, В. И. Варфоломеев, Е. А. Бахметьева, Т. И. Филатова, В. К. Колосов, С. Г. Васильев, В. Б. Сумароков, Н. В. Феоктистова, О. С. Кожин, А. В. Лукьянова, В. И. Филиппов) формировал у юношества исследовательские навыки, прививал сопричастность к историко-культурному наследию края, любовь к своей малой Родине. Школьники и студенты были из разных мест: Читы, Красного Чикоя, Петровск-Забайкальска, Краснокаменска, Ново-Цурухайтуя, Усть-Карска, Танги, Шилки и т. д.

Успехи в развитии школьной археологии позволили в 1984 г. провести на базе Дворца пионеров и школьников первую школьную археологическую конференцию Сибири и Дальнего Востока, подготовить буклет «Юные археологи Забайкалья» (авт. А. В. Константинов, С. Г. Васильев). Многие из участников этой конференции позднее связали себя с историей, археологией, охраной историко-культурного наследия. Из их числа профессиональными археологами стали С. В. Алкин, К. Э. Истомин, И. И. Разгильдеева (Князева). Именно 1980-е гг. стали временем расцвета школьной археологии в Забайкалье. Так, в 1986 г. в археологическом лагере на р. Менза увлечённо трудились почти 150 школьников и студентов. Помощь в организации школьных археологических лагерей, оказанная профсою-

зами, позволила осуществить широкомаштабные работы на всех известных к тому времени памятниках Усть-Мензинского археологического комплекса (Усть-Менза I–V). Результатом стала демонстрация данных памятников участникам Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986) в ходе многодневной полевой экскурсии.

В 1982 г. был получен первый открытый лист на проведение археологической разведки в Красночикойском районе, что является свидетельством его профессионализма в области археологии. В полевых исследованиях накапливались материалы, требовавшие научного обобщения. С 1986 г. А. В. Константинов – соискатель кафедры археологии Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета под научным руководством известного археолога, специалиста по первобытному искусству, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой археологии Абрама Давидовича Столяра. Общение с ним в университете, а затем на исследуемых памятниках в Забайкалье способствовало пониманию разнообразия научных подходов. «Палеолитические жилища Чикойско-Мензинской провинции Западного Забайкалья» – так сформулирована тема кандидатской диссертации А. В. Константинова. Тема была актуальна, поскольку в культурных слоях изучаемых многослойных поселений Студеное-2, Усть-Менза 1–3, Косая Шивера-1 были выявлены структуры, интерпретируемые автором как остатки палеолитических жилищ. К сожалению, ряд специалистов сомневались в возможности их выделения на новых памятниках. А. В. Константинов предложил археологические доказательства возможности выделения палеолитических жилищ, существовавших в условиях ледникового периода на основании археологических материалов, данных этнографии и этноархеологии, опытов по их моделированию и реконструкции.

Данные геологии и результаты радиоуглеродного анализа позволяли уверенно их датировать в различных периодах верхнего палеолита. Таким образом, была продолжена традиция изучения палеолитических жилищ, заложенная ещё в 1930-е гг. М. М. Герасимовым и А. П. Окладниковым, проводившими раскопки в Мальте и Бурети. Успешная защита диссертации состоя-

лась в 1992 г. Одним из оппонентов стала З. А. Абрамова – известный археолог, первые экспедиции которой прошли в Забайкалье под руководством А. П. Окладникова во второй половине 1940-х гг. Подготовку диссертации А. В. Константинов совмещал с работой в школе (с 1986 г. преподавал историю и географию, был завучем в средней школе № 3).

Защитившись, Александр Васильевич продолжал изучение темы, расширял временные границы, накапливал материал по изучению древних сибирских жилищ, делился своими гипотезами на конференциях. После защиты диссертации он стал штатным сотрудником ЧГПИ и руководил научно-просветительским объединением «Музей». Его усилиями при поддержке ректора института В. П. Горлачева музейное объединение, оказавшееся после смерти его организатора и руководителя Б. Л. Лиги в упадке, удалось отстоять.

Несмотря на финансовые трудности 1990-х гг., на истфаке на базе этих экспозиций был организован Музей истории Забайкалья; в здании-памятнике (ул. Бабушкина, 129а) была создана обновлённая экспозиция Музея истории народного образования, организованного в 1980-е гг. В. П. Константиновой. В 1998 г. к 60-летию вуза в музее появилась новая экспозиция, посвящённая истории пединститута. Её создателем стал А. В. Константинов, он организовывал, закупал оборудование, инструменты и материалы, подбирал исполнителей, отчитывался за использование средств. Вместе с тем сам разработал и выполнил экспозиционный проект, соблюдая все этапы и нюансы музейной практики. Так, педагог, историк и археолог А. В. Константинов приобрёл навыки ещё и музейной профессии!

Разработка музейных экспозиций пробудила научный интерес к истории народного образования в крае. Вскоре под его руководством состоялась региональная научно-практическая конференция «Народное образование Забайкалья: история и опыт», на которой учёный представил доклад «У истоков детского движения в Забайкалье: от скаутов к юнисам». Предшествующий опыт помог в 2000 г., когда отмечали 100-летие педагогического образования в Забайкалье: на бывшем здании Читинской учительской семинарии (школа № 3) установлена мемориальная доска, проведено торжественное

собрание и открыта выставка, опубликованы статьи в научных сборниках и в периодической печати. Все эти годы работу в объединении «Музей» доцент, профессор, заведующий кафедрой А. В. Константинов совмещал с преподаванием на кафедре гуманитарных наук (из-за проходивших в вузе реорганизаций не раз переименовывалась), а также в вузовском лицее. С 2009 г. после очередной реорганизации А. В. Константинов – профессор кафедры истории. Позади вышедшая в 2001 г. в издательстве СО РАН (Новосибирск) монография «Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит» с рецензиями ведущих палеолитчиков из Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, защита в 2004 г. докторской диссертации на ту же тему в том же академическом институте с официальными оппонентами, также крупными исследователями палеолита Г. Ф. Коробковой (Санкт-Петербург, ИИМК), А. М. Кузнецовым (Владивосток, ДВГУ) и А. Д. Столяром (Санкт-Петербург, СПбГУ).

А. В. Константинов готовил и вёл курсы «История цивилизаций», «История России», «Археология», «Археология Забайкалья», «История Забайкалья», «Историческое краеведение», «История науки и образования», «История Сибири», ряд практик, в том числе учебно-исследовательскую практику по археологии. Выходя за рамки учебной программы, для активизации у студентов интереса к предмету совершал с ними экскурсионные поездки к природно-историческим объектам края (Кадалинский распадок, Алханай, оз. Ножий, Нерчинск, Агинское и т. д.). Богатая база знаний и педагогический опыт позволили руководить работой аспирантов по специальностям «Отечественная история» и «Археология», в результате – три кандидата исторических наук (И. Н. Мамкина, П. В. Мороз, Л. П. Ледкова). А. В. Константинов несколько лет является членом диссертационного совета Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН во Владивостоке.

В 2010 г. Александра Васильевича по предложению А. Д. Цыбиктарова, коллеги из Бурятского госуниверситета, включили в оргкомитет ежегодных международных конференций «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», которые проводились сибирскими университетами совместно с университетами Монголии и Китая

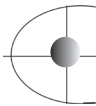
(состоялись последовательно в Улан-Удэ, Иркутске, Улан-Баторе, Кызыле, Хух-Хото, Красноярске, Чанчуне, Абакане). Почти на всех подобных научных форумах А. В. Константинов был участником, а в 2013 г. стал организатором четвёртой подобной конференции в Чите. Он же руководил оргкомитетом Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных «Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей» (56-й РАЭСК, Чита, 2016 г.). Научные результаты забайкальских археологов, в которых существенно просматривался вклад А. В. Константинова, вызывали интерес зарубежных коллег. Дружеские отношения с американскими (Иен Бувит, Кариса Терри) и японскими коллегами (Изухо Масами) проявились в совместных полевых работах на забайкальских памятниках, обсуждениях и дискуссиях, подготовке публикаций.

Научная работа по археологии совмещалась с пропагандой краеведческих знаний, подготовкой коллективных пособий по региональному компоненту образования: физико-краеведческой карты «Читинская область, Агинский Бурятский автономный округ» (1997); учебного пособия «География Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» (2001). В 2010 г. для «Атласа Забайкальского края» А. В. Константинов разработал карту археологических объектов. Совместно с профессором кафедры географии В. С. Кулаковым подготовил книги «История и география Тунгиро-Олёкминского района» (2006) и «История и география Тунгоченского района» (2008). В 2002 г. совместно с Н. Н. Константиновой было подготовлено учебное пособие «История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года)», изданное большим для края тиражом в 10 тысяч экземпляров, поскольку было востребовано школами и населением. Позднее оно переиздавалось в Иркутске (2011), в научно-популярном варианте под названием «Забайкалье: ступени истории (с древнейших времён до 1917 года)» – в Новосибирске (2007, 2009, 2010) с грифом Сибирского отделения Российской академии наук. Продолжением издания стала научно-популярная книга «Забайкалье: ступени истории (1917–1922 годы)» (2009), вышедшая как учебное пособие с названием «История Забайкалья (1917–1922 годы)» в Чите (2016, 2017).

Написание и выход данных учебных изданий стимулировали дальнейшее развитие регионального компонента как особого направления в образовании, которому стало уделяться внимание и на государственном уровне. Как признанный деятель в сфере образования А. В. Константинов в 2006 г. был привлечён к подготовке конференции «Региональный компонент содержания образования: опыт, проблемы, перспективы», которая по завершении признала важность создания концепции этого направления. А. В. Константинов вошёл в состав группы для её разработки (принята в 2007 г. на коллегии областного Комитета общего образования и молодёжной политики). Дальнейшее сотрудничество учёного с образовательными учреждениями проявилось в организации конференций «Управление системой образования Забайкальского края: история и современность» и «Вклад образовательных учреждений Забайкалья в Великую Победу», в разработке масштабного курса «Забайкаловедение».

Научный потенциал, обширные знания по истории края, умение донести их до читателя позволили А. В. Константинову стать одним из основных авторов и членом редколлегии крупного проекта «Энциклопедия Забайкалья». Александр Васильевич – один из ответственных редакторов томов «Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование» и «Малая энциклопедия Забайкалья. Археология». Работа над энциклопедией потребовала не только обобщения уже накопленных материалов, но и обращения к новым знаниям, что выразилось в написании крупных исторических разделов энциклопедии. Для различных томов энциклопедии, её альбомной серии им подготовлено значительное количество статей по археологии и истории Забайкалья, в том числе по истории народного образования, детского и молодёжного движения, а также множество персоналий. Несколько его статей вошли в «Историческую энциклопедию Сибири» (Новосибирск, 2013). С 2008 г. Александр Васильевич – выпускающий редактор журнала ВАК «Гуманитарный вектор» (Серия «Исторические науки и археология»), в 2002–2007 гг. – член редколлегии и активный автор научно-популярного журнала «Забайкалье: наука, культура, жизнь».

Как активист Забайкальского отделения Русского географического общества

(ЗОРГО, действительный член с 1975 г.) А. В. Константинов даже в трудных условиях переходного времени был постоянным участником его акций. В 2000 г. был избран членом Ученого совета Забайкальского отделения, в 2010 г. стал его председателем. Участник ряда экспедиций отделения – «Забайкальский полюс холода», «Читинский Амур», «Тропой Палласа» и др., организованных Ю. Т. Руденко. А. В. Константинов – делегат XIV (2010), XV (2015) и XVI (2021) съездов Русского географического общества. Благодаря ему активизирована работа отделения, в том числе возобновился выход «Записок Забайкальского отделения Русского географического общества», осуществлено издание отдельных научных и научно-популярных книг под грифом отделения. Многие из этих инициатив ЗОРГО реализованы совместно с госуниверситетом, краеведческим музеем, Институтом природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, детско-юношескими турорганизациями, а также с Агинским и Нерчинским отделениями ЗРО РГО. Так, к 120-летию отделения в 2014 г. состоялась межрегиональная кон-

ференция «Забайкалье: природа, экономика, история, культура» (Записки ЗОРГО, вып. 133), в 2015 г. «V Кузнецовские чтения», посвященные 120-летию музея (Записки ЗОРГО. Вып. 134). Продолжается многолетнее сотрудничество с Краевой библиотекой им. А. С. Пушкина, где ежегодно проходят «Географические чтения. Встречи путешественников». При содействии Русского географического общества и непосредственном участии председателя ЗОРГО А. В. Константинова в последние годы ведутся археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы (1712) в с. Калинино (бывшее Монастырское) – первой каменной церкви к востоку от Байкала и на территории Нерчинского острога в с. Михайловка. К этим работам удалось подключить сотрудников ООО «Красноярская георхеология» и геофизиков Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН. Определенный итог совместных работ – постановка памятников на учёт, обоснование проведения масштабных археологических изысканий, а также рекомендации по реконструкции здания церкви.

Рис. 3. Заседание Забайкальского отделения РГО. 2011 г.

Fig. 3. Meeting of the Trans-Baikal Branch of the Russian Geographical Society. 2011

В настоящее время Александр Васильевич Константинов продолжает работу в вузовских аудиториях, музеях и лабораториях, на машине и байдарке, в шурфах и раскопах во время полевых исследований, в повсед-

невном решении вопросов Географического общества, подготовке новых научных работ (в 2018 г. издан библиографический указатель его работ). В экспедиции выросли дети – Сергей и Марина, «осваивают лопату» внуки.

Биобиблиографический указатель

Александр Васильевич Константинов: биобиблиогр. указ. / сост. М. С. Томских. Чита: ЗабГУ, 2018. 93 с. (Учёные Забайкальского государственного университета).

Основные труды

1. Константинов М. В., Константинова А. В. Мемориал российских ученых Валериана Громова и Семена Цейтлина // «...На пользу и развитие русской науки»: сб. ст. / под ред. М. В. Константинова, А. В. Константинова. Чита: ЗабГПУ, 1999. С. 28–66.
2. Константинов М. В., Константинов А. В. Древность и средневековье // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Общий очерк: в 4 т. Т. 1 / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. С. 133–147.
3. Константинов А. В. Каторга и ссылка в XVII – начале XX в. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Общий очерк: в 4 т. Т. 1 / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. С. 182–187.
4. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
5. Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье в панораме тысячелетий // География Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа / гл. ред. В. С. Кулаков. Чита: Поиск, 2001. С. 8–28.
6. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года). Чита: ЗабГПУ, 2002. 248 с.
7. Buvit I., Waters M., Konstantinov M., Konstantinov A. Georchaological Investions at Studenoe an Upper Paleolithic in the Transbaikal Region // Georchaology. 2003. Vol. 18, no. 6. Pp. 649–673.
8. Константинов А. В. Древние сибирские жилища в трудах классиков отечественной археологии // На пользу и развитие русской науки. 2-е изд., доп. и перераб. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 101–123.
9. Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: ступени истории (с древнейших времён до 1917 года). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 272 с.
10. Константинов А. В. Скауты и юнисы И. Н. Жукова // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 21–25.
11. Гениатулин Р. Ф., Карасев К. К., Константинов А. В., Константинов М. В., Скиданова Л. А., Дамбаева Д. Б., Константинова Т. А., Окунева Н. И., Юргенсон Г. А., Эйльбарт Н. В. Ракурс истории развития науки и образования // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. А. Скиданова [и др.]. Новосибирск: Наука, 2011. С. 14–50.
12. Константинов А. В. «Кнопка», или Урок истории: к 60-летию смерти Сталина // Родина. 2013. № 6. С. 131–132.
13. Константинов А. В. 120 лет на благо науки и просвещения // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества // Забайкалье: природа, экономика, история, культура: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию Забайкальского регионального отделения Русского географического общества (г. Чита, 15–16 окт. 2014 г.) / под ред. А. В. Константинова [и др.]. Чита: ЗабГУ, 2014. Вып. 133. С. 8–20.
14. Buvit I., K. Terry K., Izuho M., Konstantinov M., Konstantinov A. Last Glacial Maximum Human Occupation of the Transbaikal // PaleoAmerica. 2015. Vol. 1, no. 3. Pp. 374–376.
15. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (1917–1922 годы): учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2016. 192 с.
16. Buvit I., Izuho M., Terri K., Konstantinov M., Konstantinov A. Radiocarbon dates, Microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril-Peninsula // Quaternari International. 2016. Vol. 425. Pp. 100–119.
17. Константинов А. В. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края: археологический аспект // Культура русских в археологических исследованиях: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию юбилею Енисейска (г. Енисейск, 6–10 ноября 2017 г.) / ред. Л. В. Татаурова. Омск: Наука, 2017. С. 250–254.
18. Константинов А. В. Палеолитические жилища поселений Косая Шивера-1, 2 (Западное Забайкалье) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 56–68.
19. Konstantinov A., Filatov Y. The upper Paleolithic multi-hearth dwelling at the Kosaye Shivera-2 settlement in the Transbaikal region, Russia // Asian Arhaeology. 2019. No. 2. Pp. 59–63.
20. Константинов А. В., Пономарева И. А. Новая таёжная писаница Забайкалья: на перекрёстках времени и пространства // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 15–27.

21. Константинов А. В., Константинова Н. Н. К истории Нерчинского острога (историко-археологический аспект) // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): материалы Сибирского исторического форума (Красноярск, 23–25 окт. 2019 г.). Красноярск: Лаборатория развития, 2019. С. 181–184.

22. Константинов А. В., Константинов М. В. Археология Забайкалья: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2020. 179 с.

23. Константинов А. В., Константинова Н. Н. «В виду выдающихся заслуг»: к 175-летию Алексея Кирилловича Кузнецова // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 4. С. 102–113.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021; принята к публикации 28.10.2021

Сведения об авторе

Константинова Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова; 672000, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 113; e-mail: asyapogod@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Константинова Н. Н. Педагог, археолог, краевед, музейвед: к 65-летию Александра Васильевича Константинова // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 148–156. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-148-156.

Received: September 20, 2021; accepted for publication October 28, 2021

Information about author

Konstantinova Natalia N., Candidate of History, TransBaikal Regional Museum named after A. K. Kuznetsov; 113 Babushkina st., Chita, 672000, Russia; e-mail: asyapogod@yandex.ru.

Reference to the article

Konstantinova N. N. Educator, Archeologist, Local History Export, Museographer(65th anniversary of Alexander Vasilyevich Konstantinov) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 148–156. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-148-156.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть 100 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. **Личную карточку автора** – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки**:

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования);
 2. Материалы и методы исследования;
 3. Конкретные результаты исследования;
 4. Обсуждение результатов исследования;
 5. Выводы и перспективы исследования.
- Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал**: диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);

Название работы/ источника (перевод на английский язык);

Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).

Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объёме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т.д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисункные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют по России – 200 р.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Забайкальский государственный университет

Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7(3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 100%.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that, etc.*) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research);
2. Materials and research methods;
3. Specific results of the study;
4. Discussion of the research results;
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5-7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English.

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion - resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e.g. [1, p.25]. Several sources are separated by a semicolon, e.g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section - in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones - not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form References according to the following requirements:

Author/s (transliteration in BSI, BGN format);
Title of the work/source (translated into English);
The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
Indication of the source language (In Rus.).
Self-citation is allowed in the volume of not more than 10% of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom –2 cm, left and right –2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ё”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to the following address:
129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary
Elena V. Sedina, Candidate of Culturology
e-mail: zab-nauka@mail.ru
Tel. +7(3022) 35-24-79